

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 12 (181) декабрь 2025

В НОМЕРЕ:

Синюков В. Н., Соколова Н. А.

Итоги Второй мировой войны
на Дальнем Востоке: правовые аспекты

Клепицкий И. А.

Причинная связь в праве как предмет исследования

Черных Н. В., Воронцов Д. И.

Технотруд: к постановке вопроса
о направлениях развития трудовых отношений
в условиях развития систем искусственного
интеллекта и роботизации производства

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором эколого-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИНИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики Высшей школы экономики.
Почтовый адрес: Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Россия, 101000.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.
Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.
Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, временно исполняющий обязанности проректора по научной работе Государственного университета по землеустройству.
Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации.
Почтовый адрес: 2-я Звенигородская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 123022.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).
Почтовый адрес: Азовская ул., д. 2, корп. 1, г. Москва, Россия, 117638.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).
Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке, профессор кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620066.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева.
Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.
Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.
Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).
Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.
Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msai.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 29.12.2025
Объем 20,92 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенко

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

В. А. Целищева

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Sector for Environmental Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and Forensics of the National Research University Higher School of Economics (HSE).
Mailing address: Myasnitskaya ul., d. 20, Moscow, Russia, 101000.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Acting Vice-Rector for Research of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
Mailing address: 2nd Zvenigorodskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 123022.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Research Fellow of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).
Mailing address: Azovskaya ul., d. 2, b. 1, Moscow, Russia, 117638.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Ekaterinburg, Russia, 620066.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. FS77-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

29.12.2025
Volume: 20.92 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

V. A. Tselishcheva

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Синюков В. Н., Соколова Н. А.** Итоги Второй мировой войны на Дальнем Востоке: правовые аспекты 11

ТЕОРИЯ ПРАВА

- Сидорова А. В.** Концепт «семейная тайна» в российской правовой доктрине 22

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Морозов М. Ю., Пресняков М. В., Чаннов С. Е.** Разграничение компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами в сфере нормативно-правового регулирования муниципальной службы 34

- Мещерякова А. Ф.** Проблемы нормативно-правового регулирования религиозной безопасности в России 45

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Керимов А. Х.** Регулирование формирования и использования резервных фондов: опыт государств БРИКС и СНГ 54

- Ханян Г. Э.** Правовые принципы финансового обеспечения медицинской деятельности 61

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Андреева Е. М.** Многофункциональный подход к правовому режиму земельного участка: анализ правоприменения 70

- Леканова Е. Е.** Установление отцовства в отношении лиц, родившихся в период действия Кодекса о браке и семье РСФСР 81

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Черных Н. В., Воронцов Д. И.** Технотруд: к постановке вопроса о направлениях развития трудовых отношений в условиях развития систем искусственного интеллекта и роботизации производства 90

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

- Мильчакова О. В.** Проблемы правового регулирования иностранного участия в сфере недропользования 102

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Матвеев С. В.** Тенденции развития уголовно-процессуального законодательства РФ по уголовным делам в отношении несовершеннолетних 111

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Клепицкий И. А.** Причинная связь в праве как предмет исследования 125

Забавко Р. А. Уголовная и административная ответственность за нарушение земельного законодательства: сложные вопросы применения смежных норм	135
---	-----

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Смушкин А. Б. О квантовом элементе цифровой трансформации криминалистики	142
---	-----

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Гавричков В. В. Правовые формы участия банков в осуществлении государственной финансовой политики: опыт Китая и России	151
---	-----

Свиридов Ю. В. Добровольный отказ от преступления в иудейском, мусульманском и индуистском праве: религиозные доктрины и современная правовая практика	159
---	-----

Contents

PAGES OF HISTORY

- Sinyukov V. N., Sokolova N. A.** Legal Aspects
of the Outcomes of World War II in the Far East 11

THEORY OF LAW

- Sidorova A. V.** The Concept of «Family Confidentiality»
in the Russian Legal Doctrine 22

STATE GOVERNANCE AND ADMINISTRATIVE PROCEDURE

- Morozov M. Yu., Presnyakov M. V., Channov S. E.** Jurisdiction Division
between the Russian Federation and Its Constituent Entities
in the Field of Legal Regulation of Municipal Service 34

- Meshcheryakova A. F.** Problems of Normative-Legal
Regulation of Religious Security in Russia 45

FINANCIAL LAW

- Kerimov A. Kh.** Regulation of the Reserve Funds Formation and Use:
The Experience of BRICS and CIS Countries 54

- Khanyan G. E.** Legal Principles of Financing Medical Activities. 61

CIVIL AND FAMILY LAW

- Andreeva E. M.** A Multifunctional Approach to the Legal Regime
of a Land Lot: Analysis of Law-Application Practice 70

- Lekanova E. E.** Establishing Paternity for Persons Born During
the Period of the RSFSR Code on Marriage and Family 81

LABOR RELATIONS AND SOCIAL SECURITY

- Chernykh N. V., Vorontsov D. I.** Technolabor: Addressing the Question
of Directions for the Development of Labor Relations in the Context
of Advancing Artificial Intelligence Systems and Production Robotization 90

BUSINESS AND CORPORATE LAW

- Milchakova O. V.** Problems of Legal Regulation
of Foreign Participation in the Subsoil Use Sector 102

CRIMINAL PROCEEDINGS

- Matveev S. V.** Trends in the Development of Russian
Criminal Procedure Legislation Regarding Criminal Cases Involving Minors 111

CRIMINAL LAW

- Klepitskij I. A.** Causation in Law as a Subject of Research 125
- Zabavko R. A.** Criminal and Administrative Liability for Violation
of Land Legislation: Complex Issues in Applying Related Norms 135

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY. FORENSIC EXAMINATION

- Smushkin A. B.** On the Quantum Element
of Digital Transformation in Forensic Science 142

COMPARATIVE LEGAL STUDIES

- Gavrichkov V. V.** Legal Forms of Bank Participation in the Implementation
of State Financial Policy: The Experience of China and Russia 151
- Sviridov Yu. V.** Voluntary Abandonment of Crime in Jewish,
Muslim, and Hindu Law: Religious Doctrines and Modern Legal Practice 159

Итоги Второй мировой войны на Дальнем Востоке: правовые аспекты

Аннотация. В статье анализируются правовые аспекты итогов Второй мировой войны на Дальнем Востоке. Приводятся и систематизируются правовые акты по этому вопросу, включая международно-правовые документы, принятые государствами антигитлеровской коалиции в рамках борьбы с японской агрессией, дальнейшего правового закрепления победы над Японией и послевоенного урегулирования. Рассмотрены причины и условия разногласий держав, в том числе по интерпретации договорных норм о послевоенном территориальном устройстве. Исследуется вопрос законности и целесообразности заключения широкого мирного договора России и Японии в соответствии с Советско-японской совместной декларацией 1956 г. Делается вывод, что подписание мирного договора на основе территориальных уступок противоречит фундаментальным принципам международного права и создает опасные прецеденты для миропорядка. Рассмотрены перспективы перевода нынешней геоправовой ситуации на Дальнем Востоке на новый конструктивный уровень международных правовых отношений. Делается вывод о формировании новой стратегической реальности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, устарелости биполярных и монополярных моделей правовых отношений государств. Подчеркнута важность стратегического партнерства России и Китая, выстраивания устойчивого диалога со странами АСЕАН по треку Россия — США. Новая политико-правовая реальность должна основываться на полном признании Японией итогов Второй мировой войны и ответственности за развязывание конфликта на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: Вторая мировая война; принцип окончательного послевоенного урегулирования; принцип необратимости результатов Второй мировой войны; принцип исторической преемственности границ; Ялтинские соглашения 1945 г.; Потсдамская декларация 1945 г.; Акт о капитуляции Японии 1945 г.; Сан-Францисский мирный договор 1951 г.; Советско-японская совместная декларация 1956 г.; новая геоправовая реальность в АТР.

© Синюков В. Н., Соколова Н. А., 2025

* *Синюков Владимир Николаевич*, доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки Российской Федерации
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
vnsinyukov@msal.ru

** *Соколова Наталья Александровна*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
nasokolova@msal.ru

Для цитирования: Синюков В. Н., Соколова Н. А. Итоги Второй мировой войны на Дальнем Востоке: правовые аспекты // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 12. — С. 11–21. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.011-021.

Legal Aspects of the Outcomes of World War II in the Far East

Vladimir N. Sinyukov, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Science and Research,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
vnsinyukov@msal.ru

Natalia A. Sokolova, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of International Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
nasokolova@msal.ru

Abstract. The paper analyzes the legal aspects of the outcomes of World War II in the Far East. The study provides for and systematizes legal acts on this issue, including international legal instruments adopted by the States of the anti-Hitler coalition in the context of combating Japanese aggression, further legal consolidation of victory over Japan, and post-war settlement. The causes and conditions of disagreements among the powers are examined, including differences in the interpretation of treaty provisions on post-war territorial arrangements. The study addresses the legality and expediency of concluding a comprehensive peace treaty between Russia and Japan in accordance with the Soviet — Japanese Joint Declaration of 1956. The authors conclude that signing a peace treaty based on territorial concessions contradicts fundamental principles of international law and creates dangerous precedents for the world order. The prospects for elevating the current geopolitical and legal situation in the Far East to a new constructive level of international legal relations are discussed. The paper concludes that a new strategic reality is emerging in the Asia-Pacific region, rendering bipolar and unipolar models of interstate legal relations obsolete. It emphasizes the importance of strategic partnership between Russia and China, and the development of a stable dialogue with ASEAN countries within the Russia — U.S. track. The new politico-legal reality must be based on Japan's full recognition of the outcomes of World War II and its responsibility for initiating the conflict in the Far East.

Keywords: World War II; principle of a final post-war settlement; principle of irreversibility of World War II outcomes; principle of historical continuity of borders; Yalta Agreements (1945); Potsdam Declaration (1945); Japanese Instrument of Surrender (1945); Treaty of San Francisco (1951); Soviet-Japanese Joint Declaration (1956); new Asia-Pacific geopolitical reality.

Cite as: Sinyukov VN, Sokolova NA. Legal Aspects of the Outcomes of World War II in the Far East. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(12):11-21. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.011-021.

*Посвящается памяти
Николая Трофимовича Синюкова,
участника Второй мировой войны
на Дальнем Востоке*

Введение

3 сентября 2025 г. мир отмечал День Победы над милитаристской Японией и окончание Второй мировой войны. Самый трагичный и кровопролитный конфликт в истории человечества завершился 80 лет назад. Эта дата символизирует победу над нацизмом и героический подвиг миллионов людей, отдавших жизни за свободу и независимость народов.

2 сентября 1945 г. Япония подписала Акт о безоговорочной капитуляции, а 3 сентября СССР праздновал великую Победу. Это была победа над агрессором в военном смысле и победа добра над злом в глубоком человеческом отношении.

Красная Армия и советский народ вынесли на своих плечах основную тяжесть войны и вместе с другими странами антигитлеровской коалиции, в том числе на Дальнем Востоке, обеспечили разгром вражеских войск и мирный послевоенный период.

3 сентября Президент России Владимир Владимирович Путин присутствовал на торжественном военном параде на площади Тяньаньмэнь по случаю 80-летия окончания Второй мировой войны и на приеме в Доме народных собраний в Пекине. Это важные политические и культурно-исторические мероприятия в плане противодействия искажениям исторической правды.

Наша задача — аргументировать научный взгляд на правовые итоги Второй мировой войны, которые были и остаются предметом не только научных дискуссий, что вполне закономерно, но и тенденциозных политических деформаций. Необходимо активизировать науч-

ные поиски в вопросах глобального миропорядка, к которым, безусловно, относятся правовые итоги Второй мировой войны.

События 80-летней давности и современная геоправовая ситуация при всех различиях глубоко взаимосвязаны. С точки зрения технологий мы живем в радикально новом мире. С позиции геополитики и в цивилизационном отношении эволюция современного миропорядка имеет корни в предыдущих этапах. В настоящее время есть уникальная возможность сопоставить эти этапы, применить новые методологии, вовлечь новые факты и открыть дополнительные смыслы, которые позволят выйти на новые рубежи понимания событий тех лет. По данным вопросам накоплена значительная литература, имеющая главным образом военно-исторический и политико-международный характер¹. Итоги Второй мировой войны содержат много аспектов, требующих кооперации ученых разных наук, в том числе науки права. В статье будут рассмотрены отдельные правовые проблемы завершения войны в Тихоокеанском регионе в части советско- и российско-японских правовых отношений.

Правовая база окончания войны на Дальнем Востоке

Окончание Второй мировой войны на Дальнем Востоке 2 сентября 1945 г. представляло собой сложный юридический процесс, основанный на комплексе международных соглашений, деклараций и актов. В отличие от безоговорочной капитуляции Германии, зафиксированной

¹ См., например: *Кошкин А.* Россия и Япония. Узлы противоречий. М. : Вече, 2010 ; *Кошкин А.* Японский козырь Сталина. М. : Эксмо, 2019 ; *Латышев И. А.* Внутренняя политика японского империализма накануне войны на Тихом океане. М. : Госполитиздат, 1955 ; *Бикс Г.* Хирохито и создание современной Японии. М. : АСТ, 2002 ; *Дауэр Д. У.* Безжалостная война (раса и сила в войне на Тихом океане). М. : Серебряные нити, 2022 ; *Гареев М. А.* «Претензии СССР должны быть, безусловно, удовлетворены после Победы над Японией». Заключительный аккорд Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2016. № 8.

в Реймсе и Карлсхорсте, прекращение боевых действий против Японии имело свою специфику, определяемую как предшествующими договоренностями союзников, так и послевоенным переустройством региона.

Среди важнейших документов, на которых были основаны действия союзников по антигитлеровской коалиции, следует отметить следующие.

Ялтинские соглашения (февраль 1945 г.). Секретный протокол конференции предусматривал вступление СССР в войну против Японии при условии возвращения Южного Сахалина и передачи Курильских островов.

Потсдамская декларация (26 июля 1945 г.). Является краеугольной основой правового оформления окончания войны. Опубликованная от имени США, Великобритании и Китая Декларация (к которой позднее присоединился СССР) носила ультимативный характер и четко сформулировала условия безоговорочной капитуляции Японии, а также определила основные принципы послевоенного устройства: демилитаризацию, оккупацию японской метрополии, суверенитет Японии в пределах основных островов, наказание военных преступников. Декларация не содержала прямых указаний на судьбу императорской власти, что впоследствии стало предметом споров и интерпретаций.

Советский Союз, денонсировав 5 апреля 1945 г. Пакт о нейтралитете с Японией, вступил в войну 9 августа 1945 г. на законных основаниях, закрепленных Ялтинскими соглашениями. Секретный протокол конференции предусматривал вступление СССР в войну против Японии через два-три месяца после окончания войны в Европе в обмен на возвращение Южного Сахалина и передачу Курильских островов. Это

соглашение, хотя и носило конфиденциальный характер, стало правовым обоснованием действий СССР.

Объявление войны СССР произошло до принятия Японией Потсдамской декларации, что делало его действия легитимными с точки зрения международного права того времени.

Акт о капитуляции Японии (2 сентября 1945 г.). Подписание Акта на борту американского линкора «Миссури» стало формально-юридическим действием, завершившим войну. Его ключевые положения: зафиксирована безоговорочная капитуляция всех японских вооруженных сил без каких-либо условий; обязанность Японии честно выполнять все условия Потсдамской декларации.

Акт о капитуляции Японии имел беспрецедентный характер, т.к. был подписан не только японским верховным командованием, но и официальным представителем гражданского правительства Японии (министром иностранных дел Мамору Сигэмицу), что подчеркивало полное и окончательное принятие поражения всеми ветвями власти.

Сан-Францисский мирный договор 1951 г., по п. «с» ст. 2 которого «Япония отказалась от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору 1905 года».

СССР, участвовавший в конференции, отказался подписывать договор, в том числе из-за отсутствия в нем четкого определения, какие острова подпадают под понятие «Курильские острова» и кому они переходят. Япония полагает, что четыре острова (так называемые Северные территории) являются исконно японскими

С. 3–13 ; *Катасонова Е. Л.* Капитуляция Японии — финал Второй мировой войны: старые и новые оценки событий // Вторая мировая война и Восток : монография. М., 2024. С. 30–56 ; *Романенко А. Н.* Влияние вступления СССР в войну против Японии на окончание Второй мировой войны // Вторая мировая война: исторический опыт, память и преемственность поколений : сборник научных статей (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне). Улан-Удэ, 2025. С. 118–123 ; Советский Союз и Япония во Второй мировой войне: участие и последствия. М., 2016 ; *Хохолин В. И.* Проблема Курильских островов в российско-японских отношениях: исторический обзор // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности : сборник трудов VII Международной научно-практической конференции. Кострома, 2024. С. 339–346.

и не входят в понятие Курил, от которых Япония отказалась по данному договору. У СССР были и другие претензии к договору: отсутствие признания суверенитета Китая над Тайванем и другими территориями; вопрос о выводе оккупационных войск и репарациях. Фактически этот договор был сепаратным — как договоренность США с японским правительством (преемственность государственности, легитимность послевоенных элит, сохранение императорского строя).

Советско-японская совместная декларация 1956 г., которая прекратила состояние войны между двумя странами и санкционировала восстановление дипломатических отношений. СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашался на передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан, но только после заключения всеобъемлющего мирного договора.

В результате принятия этих актов было достигнуто прочное и окончательное подведение правовых итогов Второй мировой войны. Вместе с тем некоторые моменты в отдельных документах вызвали последующее различное толкование. Остановимся только на самом известном — это так называемый территориальный вопрос, поставленный Японией.

Передача Советскому Союзу Курильских островов и Южного Сахалина трактуется сторонами по-разному. Российская позиция основывается на строгом соблюдении Ялтинских и Потсдамского соглашений и Акта о капитуляции Японии. Японская сторона оспаривает правовой статус Южных Курил (островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и группы Хабомаи), не признавая их частью Курильской гряды, упомянутой в соглашениях, что составляет основу современного территориального спора².

Претензии на четыре острова Малой Курильской гряды Япония пытается обосновать отсутствием в послевоенных документах детальной географической конкретизации и собственной

трактовкой термина «Курильские острова» (Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи не считаются в японской традиции частью Курил)³. Этот вопрос не был конкретизирован Сан-Францисским мирным договором 1951 г., который СССР во многом из-за этого и не подписал.

Таким образом, окончание Второй мировой войны на Дальнем Востоке было закреплено комплексом взаимосвязанных правовых актов, центральное место среди которых занимает Потсдамская декларация. Это — прочная правовая основа окончания Второй мировой войны на Дальнем Востоке и всего послевоенного мира, основополагающий юридический факт, которым необходимо руководствоваться во всех последующих действиях государств.

Однако недостаточная детализация некоторых положений, конфиденциальный характер части договоренностей (Ялта) и последующее непримиримое противостояние в ходе холодной войны привели к тому, что правовые аспекты этого события до сих пор являются предметом острых международных споров и интерпретаций, непосредственно влияющих на современную геополитику региона.

Юридический анализ итогов войны на Дальнем Востоке в качестве важнейшего аспекта включает вопрос о необходимости или отсутствии необходимости мирного договора России и Японии.

Существуют серьезные юридические доводы в пользу мнения о юридической избыточности такого договора.

Анализ правовой базы российско-японских отношений показывает, что подписание мирного договора на условиях территориальных уступок не только не является юридически обязательным для Российской Федерации, но и противоречит фундаментальным нормам международного права, создавая опасные прецеденты для мира.

Каковы правовые аргументы в пользу этого мнения?

² Кистанов В. О. О некоторых подходах Японии к ее территориальным спорам с Россией, Южной Кореей и Китаем // Вопросы экономики. 2008. № 11.

³ См.: Стрельцов Д. В. Нарратив о «северных территориях» в общественно-политическом дискурсе современной Японии // Японские исследования. 2024. № 3. С. 65–80.

Главный аргумент — это абсолютная юридическая сила послевоенных международно-правовых актов. Правовой статус Южных Курил окончательно и бесповоротно определен ключевыми документами, составляющими основу послевоенного мироустройства. К числу таких актов относятся:

1. Ялтинские соглашения, которые являются не протоколом о намерениях, а международным договором, имеющим обязательную силу. СССР выполнил свою часть соглашения, вступив в войну с Японией. Требование вернуть исполненное по договору является юридическим нонсенсом.

2. Потсдамская декларация, статья 8 которой гласит: «Японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем». Союзники (включая де-факто США и Великобританию) уже тогда определяли будущую территорию Японии, исключая из нее Курилы. Япония приняла условия Потсдамской декларации, капитулировав 2 сентября 1945 г. Это означает ее согласие с данными условиями.

3. Акт о безоговорочной капитуляции Японии, который является высшей формой прекращения состояния войны. Юридически он имеет большую силу, чем последующий мирный договор, т.к. фиксирует волю побежденной стороны. Подписывая его, Япония согласилась на верховную власть союзных держав и с их решениями относительно своих территорий.

4. Устав ООН (1945 г.), статья 107 которого «Действия в отношении государств-врагов» легитимизирует акты союзников в отношении бывших государств Оси⁴, включая территориальные изменения, и выводит их из-под юрисдикции современных споров. Это право победителя было закреплено в международном праве сознательно, чтобы предотвратить реваншизм.

Таким образом, переход Курильских островов к СССР являлся легитимным итогом Второй мировой войны, санкционированным всем международным сообществом того времени и

принятым самой Японией. Любая попытка пересмотреть это будет не разрешением спора, а подрывом основ послевоенного мироустройства.

В отсутствие предмета спора японские претензии характеризуются правовым нигилизмом. Японская сторона пытается создать видимость правового спора, манипулируя терминами.

Япония в течение десятилетий де-факто признавала статус-кво: вела переговоры с СССР о совместном хозяйственном использовании островов, заключала с СССР и Россией двусторонние международные соглашения, но резко, ультимативно ужесточила свою позицию в конце 1980-х — 1990-е гг., почувствовав временную слабость советского, а затем и российского руководства. Такой отказ от предыдущей, более гибкой позиции может быть расценен как нарушение принципа эстоппель (запрет государству вести себя противоречиво).

Есть юридический факт приобретательной давности (лат. *usucapio*). Хотя в международном праве институт приобретательной давности применяется осторожно, надо учесть, что Россия владеет островами около 80 лет.

Однако главный стратегический юридический риск состоит в опасности создания катастрофического правового прецедента. Уступка территории под внешним политическим давлением создает прецедент, который будет использован против России другими странами: Германией (Калининградская область), Финляндией (Карелия), Прибалтийскими странами и даже Китаем.

Подписав договор с уступками, Россия де-факто признает, что ее суверенитет над территориями, полученными по итогам Второй мировой войны, является условным и подлежащим пересмотру. Это перечеркивает итоги Второй мировой войны и всю послевоенную историю.

Таким образом, с правовой точки зрения у России отсутствуют какие-либо обязательства перед Японией по передаче территорий. Более того, существующий правовой статус-кво явля-

⁴ О координации Японии с союзными с ней державами в рамках Тройственного пакта 1940 г. см.: Дневник графа Чиано, министра иностранных дел фашистской Италии. 1939–1943 гг. Эксклюзивное издание. М., 2020. С. 49.

ется прочным и легитимным, основанным на краеугольной базе современного международного права. Любые уступки будут не соблюдением «исторической справедливости», а актом односторонней капитуляции и добровольного отказа от своих неотъемлемых суверенных прав, что противоречит Конституции России и принципу защиты национальных интересов. Подписывать мирный договор на таких условиях — это не разрешить старый спор, а создать десятки новых, гораздо более опасных проблем на будущее.

Разумеется, была и есть иная точка зрения на передачу островов Шикотан и Хабомаи, которая основана на соображениях о неких выгодах для СССР и России от территориальных уступок. Речь идет о гипотетическом расчете на дополнительный импульс развитию экономики Дальнего Востока, диверсификации экономических связей на востоке страны, об ослаблении санкционного давления, о доступе к технологиям, совместном освоении Северного морского пути и т.д.

В настоящее время эта точка зрения не поддерживается ни официально, ни общественным мнением в России⁵.

Более того, общий контекст современной политической ситуации показывает, что две бывшие ведущие державы Оси — Германия и Япония — могут рассматриваться как современные реваншистские государства.

Несмотря на различия в методах, эти страны демонстрируют стремление к пересмотру послевоенного миропорядка через усиление военного потенциала, реабилитацию исторического нарратива и расширение сфер влияния.

В современной политической науке реваншизм понимается не как открытое требование территориального пересмотра, а как системное стремление к пересмотру геополитических итогов военных поражений, которое выражается в таких действиях Германии и Японии, как:

— постепенная легитимизация исторических нарративов, оправдывающих прошлую агрессию;

— стратегическое наращивание влияния в регионах, ранее контролировавшихся в качестве зон интересов;

— использование экономического влияния для достижения политических целей;

— постепенная милитаризация под предлогом «международной ответственности»; поведение Германии на Украине явно имеет мотив политического реванша;

— институциональное продвижение бывших сотрудников нацистского и милитаристского режимов в элиты;

— систематические визиты японских политиков в храм Ясукуни, где похоронены военные преступники;

— постепенное устранение конституционных ограничений использования вооруженных сил за рубежом, включая увеличение численности вооруженных сил под разными предлогами⁶;

— культурно-историческая ревизия через концепцию общеевропейской памяти, уравнивающая нацизм и сталинизм;

— создание «европейской армии» под фактическим немецким руководством.

Современный реваншизм Японии и Германии представляет собой опасное явление еще и потому, что это не открытая ревизия послевоенных границ, а сложная стратегия по изменению баланса сил через экономическое доминирование, целенаправленную милитаризацию и исторический ревизионизм. Это создает системные риски для международной стабильности, особенно в контексте ослабления системы договоров о контроле над вооружениями⁷.

В вопросе якобы территориальной неопределенности и заключения мирного договора необходимо поставить точку, о чем, собствен-

⁵ См.: Сморгунов Л. В., Игнатьева О. А. Восприятие Японии в российском общественном сознании // Японские исследования. 1922. № 4. С. 56–74.

⁶ См.: Кистанов В. О. Почему Япония хочет снова стать военной державой? // Россия в глобальной политике. 2010. № 2.

⁷ См.: Кистанов В. О. Разворот НАТО на Восток: мотивы и проблемы // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 6. С. 10–16.

но, фактически высказывался МИД России; в частности, совсем недавно, 5 сентября, министр С. В. Лавров призвал Японию к признанию в полном объеме итогов Второй мировой войны и своей ответственности за развязывание конфликта⁸.

Эта позиция обоснована следующими юридическими принципами:

— принципом окончательного послевоенного урегулирования — Акт о безоговорочной капитуляции Японии, который является исчерпывающим правовым документом, завершающим состояние войны;

— принципом необратимости результатов Второй мировой войны, который является фундаментом современного миропорядка и не подлежат ревизии даже по взаимному согласию сторон;

— принципом исторической преемственности границ, которые приобрели легитимность в результате 80-летней практики фактического владения и интеграции в правовые системы государств.

Названные юридические принципы создают комплексную систему аргументов, обосновывающих не только нецелесообразность, но и правовую невозможность заключения мирного договора на условиях пересмотра послевоенных реалий.

Отсутствие некоего всеобъемлющего мирного договора с Японией не влияет на состояние мира и не препятствует развитию двусторонних отношений России и Японии. Дебаты вокруг договора противоречат принципу правовой определенности.

Перспективы

В 1956 г. СССР и Япония подписали декларацию, которая прекратила состояние войны и восстановила дипломатические отношения. Это главный юридический факт, который характеризует нынешнюю ситуацию, и пересказ уже известных исторических нарративов толкования Сан-Фран-

цисского договора 1951 г. и тех или иных документов ничего не добавляет к этой реальности. Тем не менее существует вопрос: возможен ли перевод нынешней ситуации на новый уровень конструктивных международных правовых отношений?

На наш взгляд, ответ должен быть положительным: переход на следующий этап обеспечения миропорядка в этом регионе не только возможен, но и необходим. Для этого требуется оригинальная правовая призма, позволяющая разработать новые идеи с акцентами на сегодняшний день.

В чем могут состоять эти акценты?

Во-первых, в отличие от Европы, где после войны сложилась более-менее четкая (хотя и разделенная «железным занавесом») система договоров, на Дальнем Востоке так и не был создан всеобъемлющий, многополярный мирный договор. Сан-Францисский договор 1951 г. был заключен лишь с частью стран-победительниц (без СССР, КНР, Индии и др.).

Двусторонние договоры (как, например, Советско-японская совместная декларация) носили половинчатый характер. Это создает определенный правовой дискомфорт, где ключевые территориальные и статусные вопросы (Курилы, Тайвань, даже отчасти Корея) после войны оказались в состоянии перманентных споров и своеобразного «подвешенного урегулирования». Эта подвешенность иногда не отражает то, что есть реальная правовая проблема, а выступает инструментом управляемой напряженности.

Как определенную правовую идею можно рассмотреть почти невероятную гипотезу о современном присоединении России, Китая, обеих Корей к Сан-Францисскому договору 1951 г. При этом присоединение России должно быть обусловлено оговоркой, уточняющей спорные территориальные понятия Курильской гряды. Анализ показывает, что такое присоединение юридически возможно.

Присоединение всех акторов Победы на Дальнем Востоке позволит России и Японии

⁸ См.: Россия призывает Японию признать итоги Второй мировой войны, заявил Лавров // РИА Новости. 05.09.2025. URL: <https://ria.ru/20250905/Rossiya-2040032296.html> (дата обращения: 05.10.2025).

стать сторонами единого мирного договора и обнулит территориальные претензии.

Сан-Францисский договор фактически был односторонним процессом мирного регулирования, в котором США оттеснили СССР и других союзников от принятия ключевых решений. Сан-Францисская конференция была во многом инструментом легитимизации уже сложившегося порядка, а не подлинно многосторонними переговорами. Поэтому современные противоречия в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в частности вокруг Тайваня, в Южно-Китайском море, во многом являются следствиями этой изначальной односторонности действий США.

Нынешняя геополитическая архитектура Азиатско-Тихоокеанского региона фактически базируется на сдерживании через неопределенность. В данном случае по крайней мере геоправовая неопределенность будет устранена.

Во-вторых, на новом этапе необходимо ликвидировать фактический дуализм Ялтинских соглашений, которыми были закреплены права СССР на Южный Сахалин и Курилы как компенсация за вступление в войну с Японией, и Сан-Францисской системы, которая зафиксировала отказ Японии от этих территорий, но умолчала о том, в чью пользу. Возможно, участие России и других неподписавших стран в Сан-Францисской системе укрепит правовую связь этих документов.

На новом этапе правовой ситуации появляется необходимость нового, подлинно многостороннего форума для обсуждения региональной безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона.

Платформы АСЕАН или восточноазиатских саммитов, безусловно, конструктивны и необходимы, но пока этого обеспечить не могут. Возникает запрос на новую Ялту или Сан-Франциско XXI в. с участием КНР, Индии, обеих Корей и других ключевых игроков, которые не участвовали в урегулировании 1951 г.

Таким образом, окончание Второй мировой войны на Дальнем Востоке — это не архивная тема, а живая правовая среда, которая продол-

жает формировать современную геополитику. Ключевые современные аспекты правовой ситуации: намеренная правовая неопределенность, конфликт интерпретаций, условность решений и унилатеральный (односторонний) характер урегулирования, являются не просто историческими фактами, а активными элементами, которые продолжают сегодня влиять на логику поведения великих держав в регионе. Понимание этой связи позволяет видеть в текущих конфликтах не просто сиюминутные столкновения интересов, но и глубокую историко-правовую инерцию.

Мы являемся свидетелями формирования новой стратегической реальности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сложившийся после 1945 г. баланс сил, основанный на иных геополитических раскладах, более не отражает актуальных политических и экономических реалий. В этой связи новая правовая ситуация на Дальнем Востоке и в Азии не может быть построена на устаревших биполярных и тем более монополярных моделях. Ее стабильность должна базироваться на признании нового формата многостороннего взаимодействия, где определяющую роль играют не блоки времен холодной войны, а прагматичные союзы, сформированные вокруг ключевых держав, в частности стратегического партнерства России и Китая, а также необходимость выстраивания устойчивого диалога по формуле Россия — США. Правовое оформление этого нового баланса через договоры о безопасности, делимитации, об экономическом сотрудничестве является насущной задачей для предотвращения конфликтов и обеспечения стабильного развития региона.

Прочный правопорядок будущего зиждется на двух столпах: незыблемости юридических основ итогов Второй мировой войны, заложенных СССР и иными странами антигитлеровской коалиции, и их адаптации к современным полицентричным реалиям через новые формы стратегического партнерства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бикс Г. Хирохито и создание современной Японии. — М. : АСТ, 2002.
2. Гареев М. А. «Претензии СССР должны быть, безусловно, удовлетворены после Победы над Японией». Заключительный аккорд Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. — 2016. — № 8.
3. Дауэр Дж. У. Безжалостная война (раса и сила в войне на Тихом океане). — М. : Серебряные нити, 2022.
4. Дауэр Дж. У. В объятиях победителя. — М. : Серебряные нити, 2017.
5. Дневник графа Чиано, министра иностранных дел фашистской Италии. 1939–1943 гг. Эксклюзивное издание. — М., 2020.
6. Катасонова Е. Л. Капитуляция Японии — финал Второй мировой войны: старые и новые оценки событий // Вторая мировая война и Восток : коллективная монография. — М., 2024.
7. Кистанов В. О. О некоторых подходах Японии к ее территориальным спорам с Россией, Южной Кореей и Китаем // Вопросы экономики. — 2008. — № 11.
8. Кистанов В. О. Почему Япония хочет снова стать военной державой? // Россия в глобальной политике. — 2010. — № 2.
9. Кистанов В. О. Разворот НАТО на Восток: мотивы и проблемы // Проблемы Дальнего Востока. — 2023. — № 6.
10. Кошкин А. Капитуляция Японии: атомная бомба или советский блицкриг? — М. : Вече, 2025.
11. Кошкин А. Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. — М. : Вече, 2019.
12. Кошкин А. Россия и Япония. Узлы противоречий. — М. : Вече, 2010.
13. Кошкин А. Японский козырь Сталина. — М. : Эксмо, 2019.
14. Латышев И. А. Внутренняя политика японского империализма накануне войны на Тихом океане. — М. : Госполитиздат, 1955.
15. Романенко А. Н. Влияние вступления СССР в войну против Японии на окончание Второй мировой войны // Вторая мировая война: исторический опыт, память и преемственность поколений : сборник научных статей (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне). — Улан-Удэ, 2025.
16. Сморгунув Л. В., Игнатъева О. А. Восприятие Японии в российском общественном сознании // Японские исследования. — 1922. — № 4.
17. Советский Союз и Япония во Второй мировой войне: участие и последствия. — М., 2016.
18. Стрельцов Д. В. Нарратив о «северных территориях» в общественно-политическом дискурсе современной Японии // Японские исследования. — 2024. — № 3.
19. Хохлин В. И. Проблема Курильских островов в российско-японских отношениях: исторический обзор // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности (к 280-летию Костромской епархии и 80-летию Костромской области) : сборник трудов VII Международной научно-практической конференции. — Кострома, 2024.

Материал поступил в редакцию 20 октября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Biks G. Khirokhito i sozdanie sovremennoy Yaponii. — M.: AST, 2002.
2. Gareev M. A. «Pretenzii SSSR dolzhny byt, bezuslovno, udovletvoreny posle Pobedy nad Yaponiey». Zaklyuchitelnyy akkord Vtoroy mirovoy voyny // Voenno-istoricheskij zhurnal. — 2016. — № 8.
3. Dauer Dzh. U. Bezshalostnaya voyna (rasa i sila v voyne na Tikhom okeane). — M.: Serebryanye niti, 2022.
4. Dauer Dzh. U. V obyatiyakh pobeditelya. — M.: Serebryanye niti, 2017.
5. Dnevnik grafa Chiano, ministra inostrannykh del fashistskoy Italii. 1939–1943 gg. Eksklyuzivnoe izdanie. — M., 2020.

6. Katasonova E. L. Kapitulyatsiya Yaponii — final Vtoroy mirovoy voyny: starye i novye otsenki sobytiy // Vtoraya mirovaya voyna i Vostok: kollektivnaya monografiya. — M., 2024.
7. Kistanov V. O. O nekotorykh podkhodakh Yaponii k ee territorialnym sporam s Rossiei, Yuzhnoy Koreey i Kitaem // Voprosy ekonomiki. — 2008. — № 11.
8. Kistanov V. O. Pochemu Yaponiya khochet snova stat voennoy derzhavoy? // Rossiya v globalnoy politike. — 2010. — № 2.
9. Kistanov V. O. Razvorot NATO na Vostok: motivy i problemy // Problemy Dalnego Vostoka. — 2023. — № 6.
10. Koshkin A. Kapitulyatsiya Yaponii: atomnaya bomba ili sovetskiy blitskrig? — M.: Veche, 2025.
11. Koshkin A. Partitura Vtoroy mirovoy. Groza na Vostoke. — M.: Veche, 2019.
12. Koshkin A. Rossiya i Yaponiya. Uzly protivorechij. — M.: Veche, 2010.
13. Koshkin A. Yaponskiy kozyr Stalina. — M.: Eksmo, 2019.
14. Latyshev I. A. Vnutrennyaya politika yaponskogo imperializma nakanune voyny na Tikhom okeane. — M.: Gospolitizdat, 1955.
15. Romanenko A. N. Vliyanie vstupleniya SSSR v voynu protiv Yaponii na okonchanie Vtoroy mirovoy voyny // Vtoraya mirovaya voyna: istoricheskiy opyt, pamyat i preemstvennost pokoleniy: sbornik nauchnykh statey (k 80-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voynе). — Ulan-Ude, 2025.
16. Smorgunov L. V., Ignateva O. A. Vospriyatie Yaponii v rossiyskom obshchestvennom soznanii // Yaponskie issledovaniya. — 1922. — № 4.
17. Sovetskiy Soyuz i Yaponiya vo Vtoroy mirovoy voynе: uchastie i posledstviya. — M., 2016.
18. Streltsov D. V. Narrativ o «severnykh territoriyakh» v obshchestvenno-politicheskom diskurse sovremennoy Yaponii // Yaponskie issledovaniya. — 2024. — № 3.
19. Khokholin V. I. Problema Kurilskikh ostrovov v rossiysko-yaponskikh otnosheniyakh: istoricheskiy obzor // Istoricheskaya pamyat i dukhovnyy opyt formirovaniya rossiyskoy gosudarstvennosti (k 280-letiyu Kostromskoy eparkhii i 80-letiyu Kostromskoy oblasti): sbornik trudov VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. — Kostroma, 2024.

Концепт «семейная тайна» в российской правовой доктрине

Аннотация. Исследование правовой категории «семейная тайна» актуализировано парадоксальной ситуацией в российском праве. С одной стороны, Основной закон страны гарантирует каждому неприкосновенность семейной тайны, с другой — дефиниция семейной тайны в законодательстве отсутствует; границы, отделяющие ее от иных видов тайн, не очерчены, объем тайны и ее субъектный состав не определены. Анализ обширного, но разрозненного массива материалов по данной тематике позволил выделить ряд специфических характеристик, определяющих сущность и природу семейной тайны как одного из обособленных видов тайн. Исследована специфика соотношения понятия «семейная тайна» с такими смежными категориями, как «личная тайна», «тайна частной жизни». Особое внимание уделено правовому аспекту понятия «семья». В исследовании различные формулировки данного понятия рассмотрены сквозь призму теоретической обоснованности и практической применимости. Результаты исследования позволили аргументировать необходимость разработки более инклюзивного и динамичного понимания семьи, способного отражать современную социальную реальность и учитывать разнообразие жизненных стратегий. Анализ предлагаемых дефиниций, законодательных актов и научной литературы дал возможность сконструировать межотраслевое определение понятия «семья», рассмотреть семейную тайну как обособленный вид тайны и межотраслевой институт.

Ключевые слова: семейная тайна; семья; частная жизнь; доктрина; личная тайна; правовой режим; конституционное право; конфиденциальность; информация; правовой режим.

Для цитирования: Сидорова А. В. Концепт «семейная тайна» в российской правовой доктрине // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 12. — С. 22–33. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.022-033.

The Concept of «Family Confidentiality» in the Russian Legal Doctrine

Anna V. Sidorova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Organization of Combating Economic Crimes, Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation
an.sido@bk.ru

Abstract. The study of the legal category of «family secrecy» is driven by a paradoxical situation in Russian law. On the one hand, the country's Constitution guarantees everyone the inviolability of family secrecy; on the other hand, there is no statutory definition of «family secrecy», the boundaries separating it from other types of secrecy are not delineated, and neither its scope nor its subjects are defined. An analysis of a vast but fragmented body

© Сидорова А. В., 2025

* Сидорова Анна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями Самарского государственного экономического университета Советской Армии ул., д. 141, г. Самара, Российская Федерация, 443090
an.sido@bk.ru

of materials on this topic has made it possible to identify a number of specific characteristics that determine the essence and nature of family secrecy as a distinct type of secrecy. The study explores the relationship between the concept of «family secrecy» and related notions such as «personal secrecy» and «privacy». Special attention is paid to the legal aspect of the concept of «family». Various formulations of this concept are considered through the prism of their theoretical validity and practical applicability. The results of the research substantiate the necessity of developing a more inclusive and dynamic understanding of the family that can reflect contemporary social realities and account for the diversity of life strategies. The analysis of proposed definitions, legislative acts, and academic literature has made it possible to construct an interdisciplinary definition of «family», and to consider family secrecy both as a distinct type of secrecy and as an interdisciplinary legal institution.

Keywords: family secrecy; family; private life; doctrine; personal secrecy; legal regime; constitutional law; confidentiality; information; legal regime.

Cite as: Sidorova AV. The Concept of «Family Confidentiality» in the Russian Legal Doctrine. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(12):22-33. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.022-033.

По данным специалистов «Консультант-Плюс», в российском законодательстве поименовано больше 82 видов тайн¹. Некоторые из них детально регламентируются правом, а другие только упоминаются. В их число входит и семейная тайна. И это несмотря на активное использование соответствующей юридической категории на законодательном уровне: ст. 23 Конституции РФ (неприкосновенность семейной тайны — конституционное право²); ст. 150 ГК РФ (нематериальное благо, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемое и непередаваемое, находящееся под защитой государства³); ч. 7 ст. 182 УПК РФ (объект защиты процессуального законодательства⁴); ст. 137 УК РФ (объект

преступного посягательства)⁵. Помимо этого, мы можем встретить данное правовое понятие в ряде других нормативных правовых актов⁶.

Отсутствие четкой законодательной дефиниции семейной тайны ведет к неопределенности в вопросах ее оснований, субъектного состава, объема неприкосновенных сведений, критериев отнесения той или иной информации к данному виду тайн, а как следствие, способов и границ правовой охраны. В свою очередь, это порождает правоприменительные ошибки, позволяя формулировать выводы о декларативном характере конституционных положений о праве граждан на семейную тайну⁷.

Синтаксически в словосочетании «семейная тайна» термин «тайна» выступает ключевым и

¹ Справочная информация: «Перечень нормативных актов, относящих сведения к категории ограниченного доступа» (материал подготовлен специалистами «КонсультантПлюс») // СПС «КонсультантПлюс».

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 237. 25.12.1993.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // Российская газета. № 249. 22.12.2001.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.10.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁶ См., например: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (последняя редакция) // Российская газета. № 165. 29.07.2006; Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» (последняя редакция) // Российская газета. № 237. 27.10.2004; Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. № 165. 29.07.2006.

⁷ Елисеева А. А. Семейная тайна: вопросы содержания и правовой охраны // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4 (89). С. 71–76.

определяет суть данного понятия. Слово «семейная» служит лишь уточнением, указывая на принадлежность тайны к определенному виду, на наличие специфических характеристик.

Что касается категории «тайна», то в ненаучной области познания под ней принято понимать «нечто неразгаданное, еще не познанное» либо «нечто скрываемое от других, известное не всем, секрет»⁸. С точки зрения психологии тайна выступает сложным феноменом, объединяющим когнитивный и аффективный аспекты. Это не просто обладание информацией, остающейся скрытой от других, но и глубокое эмоциональное переживание, сопутствующее этому знанию⁹. Это переживание, в свою очередь, становится мощным мотиватором, определяющим поведенческие стратегии человека. Обладание тайной может запустить широкий спектр эмоций: от волнения и гордости до страха и вины, что напрямую влияет на решения, поведение индивида, формируя его взаимодействие с окружающим миром. Таким образом, через призму психологических воззрений тайна — это не просто информация, а динамичная сила, формирующая внутренний мир и внешнее поведение человека.

В правовой сфере четкое определение понятия «тайна» не сформулировано, что обуславливает наличие множества точек зрения на данный вопрос, создает целый ряд проблем как для отдельных граждан, так и для функционирования государства в целом. Неопределенность в терминологии подрывает доверие к правовым институтам, декларирующим защиту информации. Рассматривая тайну как правовое явление, М. В. Авдеева и А. Ю. Пиджаков определяют ее как «правомерное запрещение доступа к ин-

формации, несанкционированное получение, а также разглашение или иное использование которой может повлечь возникновение ущерба»¹⁰.

Другие ученые определяют тайну как информацию, непосредственно отражающую особо важные интересы конкретного круга субъектов¹¹.

Д. А. Ловцов указывает, что «тайна — комплекс правовых средств, характеризующих сочетание взаимодействующих запретов, дозволений, обязываний, управомочиваний, стимулов (привилегий) и санкций, т.е. правовой режим сокрытия и/или правовой охраны привилегированной информации»¹². Как мы видим, ученый рассматривает тайну не просто как фактическое состояние скрытой информации, а как особый правовой режим, который устанавливает определенные правила и ограничения в отношении доступа, использования, раскрытия и защиты информации. Таким образом, тайна предстает не как пассивный объект защиты, а как активный элемент правовой системы, требующий четкого юридического оформления для эффективного функционирования. Аналогичную позицию занимает Е. В. Леошкевич¹³.

На наш взгляд, понимание «тайны» как правовой категории, представляющей собой особый правовой режим, видится наиболее обоснованным. Такой взгляд позволяет рассматривать тайну не просто как фактическое состояние информации, недоступной для широкого круга лиц, а как юридически значимое обстоятельство, которое порождает, изменяет или прекращает определенные права и обязанности. Этот правовой режим включает правила доступа к защищаемой информации, порядок ее использования, распространения и защиты, а также

⁸ Ожегов С. И. Словарь русского языка. 10-е изд. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Сов. энцикл., 1973. С. 723.

⁹ Марджи Нада Муин. Тайна как эстетическая категория // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2017. № 2. С. 280.

¹⁰ Авдеева М. В., Пиджаков А. Ю. «Тайна» как правовое понятие // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4. С. 137–143.

¹¹ Маслов А. Е. Злоупотребление тайной // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2023. № 1 (52). С. 208.

¹² Ловцов Д. А. Системология правового регулирования информационных отношений в инфосфере : монография. М. : РГУП, 2016. С. 194.

¹³ Леошкевич Е. В. Правовой режим профессиональной тайны в условиях цифровизации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 6.

ответственность за нарушение установленных правил. Таким образом, признание тайны как правового режима позволяет эффективно регулировать общественные отношения, связанные с информацией, имеющей ограниченный доступ, и обеспечивать баланс между правом на информацию и необходимостью защиты определенных интересов личности, общества и государства.

Исходя из такого понимания тайны, для раскрытия доктринально-правового концепта «семейная тайна» целесообразно выкристаллизовать из достаточно обширного научного-практического материала:

- 1) предмет (содержание) тайны — семантический объем сведений, включаемых в ее состав;
- 2) субъектный состав права на тайну;
- 3) объект правоотношения по поводу тайны — интересы, которым может быть нанесен ущерб при несанкционированном разглашении или использовании конфиденциальной информации;
- 4) специфические черты, позволяющие обособить ее в отдельный вид.

Анализ этих составных частей позволит сформировать более целостное и глубокое понимание правовой природы и содержания концепта «семейная тайна».

В данном контексте на первый план выходит зависимое слово «семья», поскольку оно, описывая главный термин «тайна», позволяя выявить специфику данного вида тайн и аргументировать обособление его от иных видов.

Итак, правовой феномен «семейная тайна» неразрывно связан с понятием «семья». Именно ее члены и выступают правообладателями информации, составляющей содержание рассматриваемого вида тайны. Именно они, выступая правообладателями определенного рода информации, наделены правом ограничивать

доступ к ней. Именно они — субъекты конституционного права на неприкосновенность данной информации и права на возмещение морального вреда в случаях ее несанкционированного раскрытия.

Отметим, что ценность семьи в обществе не ограничивается лишь частной жизнью индивида. Она проникает в социальные и культурные пласты общества, играя решающую роль в поддержании социальной стабильности и гармонизации общественной жизни. В случае разрушения семьи как главной ячейки общества оно рискует лишиться важного контекста для личностного роста и совместного существования индивидов. Традиционно рассматривая семью как главный государственный институт, национальную идею страны, духовное явление и основу нравственности, Российское государство фокусирует, и небезосновательно, внимание на укреплении семьи, сохранении традиционных семейных ценностей. Исходя из этого, бесспорно верным решением было объявить 2024 год Годом семьи¹⁴.

Повторное объявление Года семьи (впервые Годом семьи был провозглашен 2008 год¹⁵) подчеркнуло неизменную важность семейных ценностей и роли семьи в российском обществе. Это свидетельствует о последовательной государственной политике, направленной на поддержку и укрепление института семьи, что может включать в себя различные инициативы в области образования, здравоохранения, социальной защиты, экономики и права, направленные на улучшение благосостояния семей и создание благоприятной среды для воспитания детей.

В данном контексте следует указать на парадоксальность сложившейся в российском праве ситуации. Базовый кодифицированный нормативный правовой акт, регулирующий семейные отношения в России, — СК РФ¹⁶ — не содержит дефиниции понятия «семья». Она

¹⁴ Указ Президента РФ от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Указ Президента РФ от 14.06.2007 № 761 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СЗ РФ. 2007. № 25. Ст. 3009.

¹⁶ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Российская газета. № 17. 27.01.1996.

нашла закрепление в ст. 1 Федерального закона от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»: «лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство»¹⁷. Исходя из определения, к членам семьи следует отнести родителей и детей, бабушек с дедушками и внуков с внучками, братьев и сестер (кровное родство — люди, объединенные общим происхождением); супругов (брачное родство); удочеренных или усыновленных детей (судебное родство), а также родственников одного супруга для другого (свойство).

В 2021 г. на сайте РОИ была размещена инициатива по закреплению в ст. 1 СК РФ определения понятия семьи как «естественной и основной ячейки общества, образующей между людьми и их близкими родственниками отношения, возникающие из добровольного брачного союза (гражданского брака) между мужчиной и женщиной, зарегистрированного только в органах записи актов гражданского состояния (ЗАГС), в порядке, на условиях и с соблюдением требований, определенных законом, для обеспечения беспрепятственного осуществления своих супружеских прав и обязанностей, а также равных прав и обязанностей по совместному воспитанию собственных и/или усыновленных детей»¹⁸. Хотелось бы обратить внимание на то, что за данную инициативу поступило 635 голосов, против — 115.

Более широкое определение данного понятия можно встретить в ряде законов субъектов РФ. Например, законодатель Республики Башкортостан семью рассматривает как «объединение двух и более лиц, основанное на браке, родстве, усыновлении и иных формах принятия детей на воспитание, связанное общностью жизни (совместным проживанием, ведением общего хозяйства, заботой друг о друге, воспитанием детей), а также неимущественными и имущественными правами и обязанностями, предусмотренными нормами семейного права»¹⁹. Аналогичной точки зрения придерживаются и законодатели Республики Адыгея²⁰, Воронежской области²¹. Законодатель Республики Алтай к основаниям создания семьи добавляет свойство²², как и законодатель Брянской области²³.

Как мы видим, основания создания семьи разнятся, а соответственно, в зависимости от этого варьируется и субъектный состав семьи и, как следствие, правообладателей конфиденциальной информации, на которую распространяется правовой режим «семейная тайна». В данном контексте следует признать целесообразными предложения о необходимости законодательного закрепления дефиниции понятия «семья» в СК РФ²⁴. Это позволит четко определить основания ее создания и субъектный состав семейных правоотношений и тем самым субъектный состав правообладателей

¹⁷ Российская газета. № 210. 29.10.1997.

¹⁸ Российская общественная инициатива «Понятие “семья” ввести в статью 1 Семейного кодекса РФ» // URL: <https://www.roi.ru/61899/> (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁹ Закон Республики Башкортостан от 05.11.1993 № ВС-21/19 «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Башкортостан» // Ведомости Верховного Совета и Правительства Республики Башкортостан. 1994. № 2 (20). Ст. 75.

²⁰ Закон Республики Адыгея от 28.09.1994 № 117-1 «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства» (с изм. на 05.08.2024) // Ведомости ЗС (Хасэ) — Парламента РА. 1994. № 9.

²¹ Закон Воронежской области от 02.08.2000 № 176-11-03 «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства» (с изм. и доп.) // Коммуна. № 138. 15.08.2000.

²² Закон Республики Алтай от 08.07.2011 № 44-ПЗ «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Алтай» (с изм. на 02.05.2024) // Звезда Алтая. 08.07.2011.

²³ Закон Брянской области от 11.10.2011 № 97-з «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей, на территории Брянской области» // Официальная Брянщина. № 11. 11.10.2011.

²⁴ *Ананьева Е. О., Артюшина А. А.* К вопросу о необходимости правового определения термина «семья» для российского права // Аграрное и земельное право. 2023. № 2 (218). С. 71–73.

информации, на которую может быть распространена правовой режим ограниченного доступа «семейная тайна».

В научной среде до сих пор ведутся дискуссии об определении понятия «семья», предлагаются различные формулировки. Например, семья предлагается рассматривать как «добровольный союз мужчины и женщины, связанных общим бытом, взаимными правами и обязанностями, целью которого является продолжение рода, рождение и совместное воспитание детей»²⁵. Государственный и политический деятель Е. Мизулина считает необходимым закрепить в СК РФ понятие семьи как «общности людей, соединенных отношениями брака, родства, свойства, усыновления, опеки, попечительства и связанных общими семейными традициями, ценностями, взаимными правами и ответственностью»²⁶.

Ряд авторов, выступая за разработку единого образного понятия «семья», считают необходимым отразить в определении перечень ее критериев: «основанность на браке, родстве, свойстве, принятии детей на воспитание, содержании на иждивении и совместном проживании в исключительных случаях; направленность на удовлетворение потребностей человека в общении, любви, заботе, образовании и воспитании, ведении общего хозяйства, реализации репродуктивной функции»²⁷.

Группа исследователей, претендуя на авторство всеобъемлющего определения понятия «семья», предлагают рассматривать ее как «добровольный союз мужчины и женщины, связанных общим бытом, взаимными правами и обязанностями, целью которого является продолжение рода, рождение и совместное воспитание детей»²⁸.

Позволим себе высказать ряд критических замечаний в отношении предлагаемых формулировок. Определения, фокусирующиеся на функциональной роли семьи (например, рождение и воспитание детей), не учитывают семьи, которые, к сожалению, сознательно отказываются от деторождения, но при этом разделяют общий быт и эмоциональную близость. Помимо этого, такого рода формулировка может не учитывать ситуации, когда один из партнеров не выполняет обязанности или злоупотребляет правами, что, к сожалению, также встречается в реальной жизни.

Используемый в определении понятия «семья» критерий «совместный быт» также не выдерживает критики. Совместное проживание не всегда является ключевым элементом семьи. Например, семьи, живущие раздельно по причинам работы, обучения или другим, могут сохранять прочные эмоциональные связи и успешно выполнять свои функции. Фокус на совместном быте может дискриминировать определенные группы населения, например мигрантов или людей с ограниченными возможностями, которым сложно обеспечить совместное проживание.

Исключение семей, состоящих из матери и ребенка, из определения семьи как союза мужчины и женщины создает серьезную проблему, поскольку игнорирует множество реально существующих и благополучных семейных структур. Такая трактовка не только стигматизирует одиноких матерей и их детей, но и лишает их социального признания и потенциальных прав, которыми пользуются семьи, соответствующие такого рода дефиниции.

Н. В. Алексеев, анализируя ключевые положения Обзора судебной практики, утвержден-

²⁵ Конева Е. М., Конев Ф. Ф., Шишенина И. В. Определение понятия «семья» в международном и национальном праве // Современные научные исследования и инновации. 2021. № 4. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2021/04/95262> (дата обращения: 05.04.2025).

²⁶ В Совете Федерации предлагают уточнить понятие «семья» // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-sovete-federacii-predlagayut-utochnit-ponyatie-semya.html> (дата обращения: 05.04.2025).

²⁷ Костина С. Е., Былинкина Ю. С., Кузина С. В. Понятие семьи в гражданском, семейном, трудовом праве: коллизии и перспективы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 4 (159). С. 94–95.

²⁸ Конева Е. М., Конев Ф. Ф., Шишенина И. В. Указ. соч.

ного Президиумом Верховного Суда РФ 14 декабря 2022 г., с акцентом на определение юридических признаков семейного союза, отмечает, что большая их часть либо не имеет правового содержания, либо не представляет собой существенных характеристик семейного союза²⁹.

Высказываются мнения и о ненужности формулирования данного определения и его законодательного закрепления. Аргументы в пользу этой позиции варьируются от практических сложностей точного и всеобъемлющего охвата всех возможных ситуаций, подпадающих под обсуждаемое понятие, до опасений, что любая четкая дефиниция может оказаться слишком узкой и, следовательно, ограничительной, потенциально исключая из сферы регулирования важные аспекты. Так, например, по мнению А. П. Сергеева, единого правового определения понятия «семья» сформулировать не удастся, поскольку отдельные отрасли права используют различные подходы при трактовке этого многоаспектного явления³⁰. О. Ю. Ильина также высказывается о невозможности существования единого понятия семьи³¹.

Нет единого мнения и в вопросе объема сведений с правовым режимом «семейная тайна». Например, в доктрине уголовного права можно встретить различные точки зрения на видовой состав объема сведений ограниченного доступа: «сведения о прошлой деятельности лица, привычках, физических недостатках, сексуальной ориентации, духовной жизни, семейных и интимных взаимоотношениях, имуществен-

ном и профессиональном положении и т.п.»³²; «данные о личности, месте ее пребывания, ее жилище, о родных и близких; тайна переписки, телефонных разговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; тайна усыновления, банковских вкладов и счетов, завещания; адвокатская и врачебная тайна; тайна исповеди»³³; «сведения о состоянии здоровья, знакомствах, семейных или личных отношениях, материальном положении, наличии банковских вкладов, политических взглядах, партийной принадлежности, отношении к религии»³⁴, а также сведения, относимые к профессиональной тайне (медицинской, адвокатской, тайне исповеди, тайне вкладов и т.п.), и др. Необходимо обратить внимание на то, что эти авторы не размежевывают личную и семейную тайны, но единогласно считают их частью частной жизни индивида, составляющей те стороны его жизни, которые он в силу своей свободы не желает делать достоянием других.

Впрочем, такой точки зрения придерживаются не все ученые. Например, А. А. Каунова проводит демаркационную линию между личной и семейной тайнами, относя к первой «сведения, отражающие особо важные стороны частной жизни лица, которые придают им конфиденциальный характер», а ко второй — «сведения, отражающие особо важные стороны частной жизни нескольких лиц, находящихся друг с другом в семейных отношениях, которые придают им конфиденциальный характер»³⁵.

Поддерживая разграничение тайн частной жизни на личную и семейную Ю. С. Телина в

²⁹ Алексеев Н. В. Признаки семьи в положениях Обзора судебной практики по делам о признании брака недействительным // Право и управление. 2025. № 1. С. 111–114.

³⁰ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный) / под ред. А. П. Сергеева. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Проспект, 2019. С. 356.

³¹ Ильина О. Ю. Некоторые аспекты соотношения понятий семьи и брака // Современное право. 2006. № 5. С. 54–62.

³² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : постатейный. Испр., доп., перераб. / под ред. А. И. Чучаева. М. : Контракт, 2013.

³³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : научно-практический : постатейный. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2013.

³⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : постатейный. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В. И. Радченко ; науч. ред. А. С. Михлин, В. А. Казакова. М. : Проспект, 2008.

³⁵ Каунова А. А. К вопросу о понятии и сущности личной и семейной тайны // Молодой ученый. 2013. № 12. С. 645.

содержание семейной тайны включает «сведения (сообщения, данные) о совместной жизни супругов, материнстве, отцовстве, несовершеннолетних детей, в том числе усыновленных (удочеренных), а также опеке и попечительстве, установленных над такими детьми и иными родственниками, которые, по их мнению, следует сохранять в тайне»³⁶. С точки зрения Н. В. Липовских, семейной тайной охватываются тайна происхождения детей; тайна имущественного характера; тайна личного характера; тайна завещания³⁷. В. А. Новиков рассматривает семейную тайну как совокупность информации о взаимоотношениях между членами одной семьи³⁸. Ю. В. Пономарева, указывая на абстрактный и межотраслевой характер исследуемого вида тайны, считает отчасти включенными в нее тайны усыновления, переписки, телефонных разговоров, записи актов гражданского состояния³⁹. Исследуя проблематику в области правового регулирования семейной тайны И. В. Маклаков приходит к выводу о включенности в ее объем конфиденциальных сведений, затрагивающих интересы лиц, состоящих в семейных отношениях⁴⁰. По мнению В. М. Корнукова, В. А. Куликова, Н. С. Мановой, содержание семейной тайны со-

ставляет информация, охватывающая «брачные отношения и связанная с воспитанием детей, заботой о близких, ведением семейного бюджета, семейным укладом и т.д.»⁴¹.

В ходе диссертационного исследования Ю. Е. Сысоев приходит к мнению, что «содержание семейной тайны составляют сведения о тайне усыновления, взаимоотношениях в семье, личных неимущественных и имущественных отношениях, существующих между супругами, и т.д.»⁴². А. Карапетян рассматривает семейную тайну как сведения, касающиеся брачно-семейных отношений, в том числе об усыновлении (удочерении) и иные⁴³.

Теперь обратимся к субъектному составу правообладателей информации, на которую распространяется правовой режим «семейная тайна». По мнению В. А. Новикова, субъектами семейной тайны выступают члены одной семьи, что позволяет классифицировать ее как групповую тайну⁴⁴. И. В. Маклаков к таким субъектам относит лиц, состоящих в семейных отношениях⁴⁵. Н. В. Липовских уточняет: субъекты семейных правоотношений⁴⁶. Иные авторы связывают распространение правового режима тайны с субъектами исключительно брачных отношений⁴⁷.

³⁶ Телина Ю. С. Конституционное право гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при обработке персональных данных в России и зарубежных странах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 15.

³⁷ Липовских Н. В. Понятие, правовая природа и структура семейной тайны // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 177.

³⁸ Новиков В. А. Неприкосновенность частной жизни как конституционное право и объект уголовно-правовой охраны // Юридический мир. 2014. № 7. С. 18–21.

³⁹ Пономарева Ю. В. Законодательство о тайнах: проблемы и пробелы правового регулирования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2014. № 3. С. 111.

⁴⁰ Маклаков И. В. Проблема определения семейной тайны в законодательстве Российской Федерации // Евразийский союз ученых. 2015. № 2-2 (11). С. 134–136.

⁴¹ Корнуков В. М., Куликов В. А., Манова Н. С. Принцип личной неприкосновенности и его реализация в российском досудебном производстве. Саратов, 2001. С. 40.

⁴² Сысоев Ю. Е. Уголовно-правовые средства противодействия незаконному вмешательству в частную жизнь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 18.

⁴³ Карапетян А. О частной, личной и семейной тайне в уголовном судопроизводстве // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. № 3. С. 34–37.

⁴⁴ Новиков В. А. Указ. соч. С. 20.

⁴⁵ Маклаков И. В. Указ. соч. С. 136.

⁴⁶ Липовских Н. В. Указ. соч. С. 177.

⁴⁷ Корнуков В. М., Куликов В. А., Манова Н. С. Указ. соч. С. 40.

По мнению И. В. Смольковой, «семейная тайна может касаться всех членов семьи (например, сведения о наследственных заболеваниях), но может быть связана лишь с одним из них»⁴⁸. Здесь позволим себе отчасти не согласиться с автором. Например, гражданин не сообщил членам семьи о наследственном заболевании. В этом случае на данные сведения распространяется режим «личная тайна», поскольку они известны только конкретному гражданину. В ситуации же, когда такого рода сведения узнают члены семьи, на них уже следует распространять режим ограниченного доступа «семейная тайна», поскольку их несанкционированное распространение будет затрагивать интересы и права не только самого гражданина, но и членов семьи.

Т. В. Попова, классифицируя правообладателей информации на первичных и вторичных, к первичным субъектам семейной тайны относит «членов семьи и приравненных к ним субъектов»⁴⁹, однако не дает перечня последних или критериев отнесения лиц к таковым.

Как мы видим, вопросов больше, чем ответов. На наш взгляд, четкое законодательное определение понятия «семья» играет ключевую роль в разрешении спорных вопросов, связанных с категорией «семейная тайна». Без единого правового понимания того, что представляет собой семья, сложно определить границы семейного и, следовательно, установить, что подпадает под защиту семейной тайны. Законодательная фиксация позволит четко очертить круг субъектов, на которых распространяются особые права и обязанности, связанные с сохранением конфиденциальности информации, циркулирующей внутри семьи. Это, в свою очередь, позволит избежать разногласий в судебной практике и обеспечит более предсказуемое применение законов, касающихся защиты личной жизни членов семьи и семейных ценностей.

Законодательное определение семьи должно быть достаточно гибким, чтобы обеспечивать защиту прав и интересов всех членов семьи, независимо от ее формы. При этом важно учитывать не только юридические аспекты, но и социальные, моральные и этические нормы, регулирующие семейные отношения. Правовое определение понятия должно быть четким, лаконичным и однозначным, исключаям двойное толкование. Оно должно отражать существенные признаки явления, которые отличают его от других. Важно, чтобы дефиниция основалась на общепринятом научном понимании, если таковое существует, и соответствовала контексту отраслей права, в которых она применяется. Использование расплывчатых или оценочных категорий в определении недопустимо, поскольку это создает почву для произвольного толкования и злоупотреблений. Кроме того, формулировка должна быть непротиворечивой как сама по себе, так и в контексте других правовых норм, чтобы избежать конфликтов и коллизий в правоприменении. В идеале правовое определение должно быть настолько конкретным, чтобы любой, применяющий его, приходил к одному и тому же выводу о том, относится ли конкретный факт к данной категории или нет. На наш взгляд, наиболее целесообразно определение понятия «семья» изложить через перечисление юридических фактов, порождающих специфические правоотношения, регулируемые семейным правом. Такой перечислительный подход позволит законодательно закрепить более четкие критерии для признания определенных отношений семейными, что, в свою очередь, упростит правоприменение и защиту прав членов семьи, независимо от формальных признаков их союза.

На наш взгляд, семью возможно определить как группу лиц, связанных правоотношениями, регулируемыми российским законодательством

⁴⁸ Смолькова И. В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 1998. С. 65.

⁴⁹ Попова Т. В. Правовой режим семейной и личной тайны в системе информационной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 10.

и вытекающими из брака, родства (кровного, судебного), свойства.

Сформируем перечень специфических характеристик семейной тайны, позволяющих обособить ее в отдельный вид:

— семейная тайна как правовой режим ограниченного доступа реализуется исключительно в рамках семейного союза (семьи) — групповая тайна;

— субъектами выступают исключительно физические лица. Правом распространить режим «семейная тайна» на информацию наделяется каждый из членов семьи, но только на затрагивающую права и интересы индивидов как членов сообщества. При этом каждый член семьи обладает личной тайной, которая только при сообщении ее другим членам семьи включается в объем семейной тайны;

— первичные правообладатели самостоятельно определяют содержание семейной тайны;

— нарушение неприкосновенности семейной тайны затрагивает интересы лиц, являющихся членами семьи;

— имеет закрепленные на законодательном уровне подвиды, как регламентируемые сегодня правом (тайна усыновления (удочерения)), так и те, которые только предлагается подвергнуть правовому регулированию («тайна генетической истины»⁵⁰).

К сожалению, в рамках данного исследования невозможно представить все аспекты темы в полном объеме. Ограничения по объему неизбежно сузили фокус, заставив сконцентрироваться на наиболее важных, на наш взгляд, аспектах. Это означает, что определенные детали, нюансы и смежные области остались за пределами данного исследования. Осознание этих границ позволило более точно определить направление для будущих исследований, где эти аспекты будут подробно изучены и интегрированы в общую картину. Подобный подход гарантирует более глубокое и полное понимание рассматриваемой темы. Таким образом, то, что сегодня осталось вне рамок исследования, выступит фундаментом для последующих научных изысканий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авдеева М. В., Пиджаков А. Ю. «Тайна» как правовое понятие // Ленинградский юридический журнал. — 2012. — № 4. — С. 137–143.
2. Алексеев Н. В. Признаки семьи в положениях Обзора судебной практики по делам о признании брака недействительным // Право и управление. — 2025. — № 1. — С. 111–114.
3. Ананьева Е. О., Артюшина А. А. К вопросу о необходимости правового определения термина «семья» для российского права // Аграрное и земельное право. — 2023. — № 2 (218). — С. 71–73.
4. Елисеева А. А. Семейная тайна: вопросы содержания и правовой охраны // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 4 (89). — С. 71–76.
5. Ильина О. Ю. Некоторые аспекты соотношения понятий семьи и брака // Современное право. — 2006. — № 5. — С. 54–62.
6. Карапетян А. О частной, личной и семейной тайне в уголовном судопроизводстве // Проблемы экономики и юридической практики. — 2013. — № 3. — С. 34–37.
7. Каунова А. А. К вопросу о понятии и сущности личной и семейной тайны // Молодой ученый. — 2013. — № 12. — С. 644–646.
8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный) / под ред. А. П. Сергеева. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Проспект, 2019. — 1280 с.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: постатейный. Исправлен, дополнен, переработан / под ред. А. И. Чучаева. — М.: Контракт, 2013.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: постатейный / отв. ред. В. И. Радченко; науч. ред. А. С. Михлин, В. А. Казакова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2008.

⁵⁰ Елисеева А. А. Указ. соч. С. 63.

11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : научно-практический : постатейный / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юриспруденция, 2013.
12. *Конева Е. М., Конев Ф. Ф., Шишенина И. В.* Определение понятия «семья» в международном и национальном праве // Современные научные исследования и инновации. — 2021. — № 4. — URL: <https://web.snauka.ru/issues/2021/04/95262>.
13. *Корнуков В. М., Куликов В. А., Манова Н. С.* Принцип личной неприкосновенности и его реализация в российском досудебном производстве. — Саратов, 2001. — 125 с.
14. *Костина С. Е., Былинкина Ю. С., Кузина С. В.* Понятие семьи в гражданском, семейном, трудовом праве: коллизии и перспективы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2024. — № 4 (159). — С. 91–95.
15. *Леошкевич Е. В.* Правовой режим профессиональной тайны в условиях цифровизации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2024. — 24 с.
16. *Липовских Н. В.* Понятие, правовая природа и структура семейной тайны // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2018. — № 30. — С. 175–180.
17. *Ловцов Д. А.* Системология правового регулирования информационных отношений в инфосфере : монография. — М. : РГУП, 2016. — 316 с.
18. *Маклаков И. В.* Проблема определения семейной тайны в законодательстве Российской Федерации // Евразийский союз ученых. — 2015. — № 2-2 (11). — С. 134–136.
19. *Марджи Нада Муин.* Тайна как эстетическая категория // Вестник РУДН. Серия «Философия». — 2017. — № 2. — С. 280–282.
20. *Маслов А. Е.* Злоупотребление тайной // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». — 2023. — № 1 (52). — С. 207–213.
21. *Новиков В. А.* Неприкосновенность частной жизни как конституционное право и объект уголовно-правовой охраны // Юридический мир. — 2014. — № 7. — С. 18–21.
22. *Пономарева Ю. В.* Законодательство о тайнах: проблемы и пробелы правового регулирования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». — 2014. — № 3. — С. 110–113.
23. *Попова Т. В.* Правовой режим семейной и личной тайны в системе информационной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2024. — 27 с.
24. *Смолькова И. В.* Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. — Иркутск, 1998. — 404 с.
25. *Сысоев Ю. Е.* Уголовно-правовые средства противодействия незаконному вмешательству в частную жизнь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 30 с.
26. *Телина Ю. С.* Конституционное право гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при обработке персональных данных в России и зарубежных странах : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2016. — 267 с.

Материал поступил в редакцию 12 апреля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avdeeva M. V., Pidzhakov A. Yu. «Тайна» kak pravovoe ponyatie // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2012. — № 4. — S. 137–143.
2. Alekseev N. V. Priznaki semi v polozheniyakh Obzora sudebnoy praktiki po delam o priznanii braka nedeystvitelnym // Pravo i upravlenie. — 2025. — № 1. — S. 111–114.
3. Ananeva E. O., Artyushina A. A. K voprosu o neobkhodimosti pravovogo opredeleniya termina «semya» dlya rossiyskogo prava // Agrarnoe i zemelnoe pravo. — 2023. — № 2 (218). — S. 71–73.
4. Eliseeva A. A. Semeynaya tayna: voprosy soderzhaniya i pravovoy okhrany // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2018. — № 4 (89). — S. 71–76.

5. Ilina O. Yu. Nekotorye aspekty sootnosheniya ponyatiy semi i braka // *Sovremennoe pravo*. — 2006. — № 5. — S. 54–62.
6. Karapetyan A. O chastnoy, lichnoy i semeynoy tayne v ugovnom sudoproizvodstve // *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*. — 2013. — № 3. — S. 34–37.
7. Kaunova A. A. K voprosu o ponyatii i sushchnosti lichnoy i semeynoy tayny // *Molodoy uchenyy*. — 2013. — № 12. — S. 644–646.
8. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii. Chast pervaya (postateynnyy) / pod red. A. P. Sergeeva. — Izd. 2-e, pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2019. — 1280 s.
9. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: postateynnyy. Ispravlen, dopolnen, pererabotan / pod red. A. I. Chuchaeva. — M.: Kontrakt, 2013.
10. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: postateynnyy / otv. red. V. I. Radchenko; nauch. red. A. S. Mikhlin, V. A. Kazakova. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2008.
11. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: nauchno-prakticheskiy: postateynnyy / pod red. S. V. Dyakova, N. G. Kadnikova. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Yurisprudentsiya, 2013.
12. Koneva E. M., Konev F. F., Shishenina I. V. Opredelenie ponyatiya «semya» v mezhdunarodnom i natsionalnom prave // *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*. — 2021. — № 4. — URL: <https://web.snauka.ru/issues/2021/04/95262>.
13. Kornukov V. M., Kulikov V. A., Manova N. S. Printsip lichnoy neprikosновенности i ego realizatsiya v rossiyskom dosudebnom proizvodstve. — Saratov, 2001. — 125 s.
14. Kostina S. E., Bylinkina Yu. S., Kuzina S. V. Ponyatie semi v grazhdanskom, semeynom, trudovom prave: kollizii i perspektivy // *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. — 2024. — № 4 (159). — S. 91–95.
15. Leoshkevich E. V. Pravovoy rezhim professionalnoy tayny v usloviyakh tsifrovizatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2024. — 24 s.
16. Lipovskikh N. V. Ponyatie, pravovaya priroda i struktura semeynoy tayny // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. — 2018. — № 30. — S. 175–180.
17. Lovtsov D. A. Sistemologiya pravovogo regulirovaniya informatsionnykh otnosheniy v infosfere: monografiya. — M.: RGUP, 2016. — 316 s.
18. Maklakov I. V. Problema opredeleniya semeynoy tayny v zakonodatelstve Rossiyskoy Federatsii // *Evraziyskiy soyuz uchenykh*. — 2015. — № 2-2 (11). — S. 134–136.
19. Mardzhi Nada Muin. Tayna kak esteticheskaya kategoriya // *Vestnik RUDN. Seriya «Filosofiya»*. — 2017. — № 2. — S. 280–282.
20. Maslov A. E. Zloupotreblenie taynoy // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo»*. — 2023. — № 1 (52). — S. 207–213.
21. Novikov V. A. Neprikosновенност chastnoy zhizni kak konstitutsionnoe pravo i obekt ugovno-pravovoy okhrany // *Yuridicheskiy mir*. — 2014. — № 7. — S. 18–21.
22. Ponomareva Yu. V. Zakonodatelstvo o taynakh: problemy i probely pravovogo regulirovaniya // *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo»*. — 2014. — № 3. — S. 110–113.
23. Popova T. V. Pravovoy rezhim semeynoy i lichnoy tayny v sisteme informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2024. — 27 s.
24. Smolkova I. V. Problemy okhranyaemoy zakonom tayny v ugovnom protsesse: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Irkutsk, 1998. — 404 s.
25. Sysoev Yu. E. Ugovno-pravovye sredstva protivodeystviya nezakonnemu vmeshatelstvu v chastnyuyu zhizn: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2011. — 30 s.
26. Telina Yu. S. Konstitutsionnoe pravo grazhdanina na neprikosновенност chastnoy zhizni, lichnyuyu i semeynuyu taynu pri obrabotke personalnykh dannykh v Rossii i zarubezhnykh stranakh: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2016. — 267 s.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.034-044

М. Ю. Морозов*,
М. В. Пресняков**,
С. Е. Чаннов***

Разграничение компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами в сфере нормативно-правового регулирования муниципальной службы

Аннотация. В статье анализируется система разграничения полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами в сфере правового регулирования муниципальной службы. Авторы исследуют «прерогативные», т.е. исключительные, полномочия регионального законодателя в данной области, делают вывод, что их реализация не обеспечивает ни единства публичной власти, ни самостоятельности местного самоуправления. Помимо этого, использование существующей в этой сфере модели регулирования во многом затрагивает конституционные права и свободы граждан, ограничение которых допустимо только на федеральном уровне.

© Морозов М. Ю., Пресняков М. В., Чаннов С. Е., 2025

* *Морозов Михаил Юрьевич*, директор Экспертно-аналитического центра государственной и муниципальной службы Института «Высшая школа государственного управления» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Вернадского пр., д. 82, стр. 3, г. Москва, Российская Федерация, 119571
morozov-my@ranepa.ru

** *Пресняков Михаил Вячеславович*, доктор юридических наук, старший научный сотрудник Экспертно-аналитического центра государственной и муниципальной службы Института «Высшая школа государственного управления» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Вернадского пр., д. 82, стр. 3, г. Москва, Российская Федерация, 119571
m.v.presnyakov@yandex.ru

*** *Чаннов Сергей Евгеньевич*, доктор юридических наук, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии; ведущий научный сотрудник отдела гражданской службы экспертно-аналитического центра государственной и муниципальной службы Института «Высшая школа государственного управления» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Чернышевского ул., д. 104, г. Саратов, Российская Федерация, 410028
sergeychannov@yandex.ru

Всё это приводит к заключению о необходимости масштабной федерализации правового регулирования муниципальной службы и поиска единообразных моделей нормативно-правовой регламентации муниципально-служебных отношений.

В частности, в статье обосновывается вывод о том, что классные чины представляют собой неотъемлемый элемент правового статуса муниципального служащего, а их включение в гл. 2 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» ошибочно. При этом с точки зрения обеспечения принципа единства правового статуса муниципального служащего и его соотносимости со статусом гражданского служащего данный институт должен получить нормативное регулирование на федеральном уровне. Предоставление отпуска как механизм реализации конституционного права на отдых не может относиться к прерогативным полномочиям субъекта Российской Федерации и должно быть централизованно урегулировано федеральным законом.

С другой стороны, решение ряда вопросов, по сути, технического характера (порядок предоставления каких-либо сведений, получения разрешений, порядок действий при необходимости их уточнения и т.п.) целесообразно передать с уровня субъектов Российской Федерации на уровень муниципальных образований.

Ключевые слова: местное самоуправление; муниципальная служба; разграничение полномочий; предметы ведения; прерогативные полномочия; субъекты Российской Федерации; самостоятельность местного самоуправления; государственная гражданская служба; единство правового статуса; равный доступ к муниципальной службе.

Для цитирования: Морозов М. Ю., Пресняков М. В., Чаннов С. Е. Разграничение компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами в сфере нормативно-правового регулирования муниципальной службы // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 12. — С. 34–44. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.034-044.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС № 12.14-2025-1 «Совершенствование практики регулирования муниципальной службы в России».

Jurisdiction Division between the Russian Federation and Its Constituent Entities in the Field of Legal Regulation of Municipal Service

Mikhail Yu. Morozov, Director, Expert and Analytical Center for State and Municipal Service, Institute of the Higher School of Public Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
morozov-my@ranepa.ru

Mikhail V. Presnyakov, Dr. Sci. (Law), Senior Researcher, Expert and Analytical Center for State and Municipal Service, Institute of the Higher School of Public Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
m.v.presnyakov@yandex.ru

Sergey E. Channov, Dr. Sci. (Law), Head of the Department of Information Law and Digital Technologies, Saratov State Law Academy; Leading Researcher, Civil Service Department, Expert and Analytical Center for State and Municipal Service, Institute of the Higher School of Public Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov, Russian Federation
sergeychannov@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes the system of division of powers between the Russian Federation and its constituent entities in the field of legal regulation of municipal service. The authors examine the «prerogative», i.e., exclusive, powers of the regional legislator in this area and conclude that their implementation ensures neither the unity of public authority nor the autonomy of local self-government. Moreover, the use of the current regulatory model in this sphere largely affects the constitutional rights and freedoms of citizens, the restriction of which is permissible only at the federal level. All these factors lead to the conclusion that there is a need for large-scale federalization of the legal regulation of municipal service and for the search for uniform models of normative regulation of municipal service relations. In particular, the article substantiates the conclusion that class ranks constitute an integral element of the legal status of a municipal employee, and their inclusion in Chapter 2 of Federal Law No. 25-FZ of 02.03.2007 «On Municipal Service in the Russian Federation» is erroneous. From the standpoint of ensuring the principle of unity of the legal status of municipal employees and its correlation with the status of civil servants, this institution should be regulated at the federal level. Thus, granting leave, as a mechanism for exercising the constitutional right to rest, cannot be attributed to the prerogative powers of a constituent entity of the Russian Federation and should be centrally regulated by federal law. On the other hand, resolving a number of essentially technical issues (such as the procedure for providing certain information, obtaining permits, the procedure for actions when clarification is needed, etc.) should reasonably be transferred from the level of constituent entities of the Russian Federation to the level of municipal authorities.

Keywords: local self-government; municipal service; delimitation of powers; matters of jurisdiction; prerogative powers; constituent entities of the Russian Federation; autonomy of local self-government; state civil service; unity of legal status; equal access to municipal service.

Cite as: Morozov MYu, Presnyakov MV, Channov SE. Jurisdiction Division between the Russian Federation and Its Constituent Entities in the Field of Legal Regulation of Municipal Service. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(12):34-44. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.034-044.

Acknowledgments. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme «Improvement the Practice of Municipal Service Regulation in Russia».

Введение

Идентификация местного самоуправления в качестве составляющей публичной власти на конституционном уровне в 2020 г. является логичным продолжением общего курса централизации, который наметился в 2003 г. и не прекращался до настоящего времени, несмотря ни на какие «реформы», «контрреформы» и «контрреформирование контрреформ»¹. Всё это в полной мере касается и правового регули-

рования муниципальной службы как составной части местного самоуправления.

Большинство ученых — специалистов в данной области в связи с принятием действующего Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации»² (далее — Закон о муниципальной службе) отмечали явную тенденцию к централизации правовой регламентации ряда институтов муниципальной службы: статуса муниципального служащего, поступления на службу и ее прохождения и т.п.³

¹ Шугрина Е. С. Новый этап муниципальной реформы или контрреформирование контрреформ? // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 4. С. 68–71.

² Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 30.09.2024) «О муниципальной службе в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.

³ Глушко Е. К. Правовое регулирование муниципальной службы в Российской Федерации // Публично-правовые исследования : ежегодник Центра публично-правовых исследований. М. : АНО «Центр публично-правовых исследований», 2007. Т. 2. С. 375–394.

Причем многие из них (и с этим следует, пожалуй, согласиться) позитивно восприняли данную тенденцию, поскольку прежнее регулирование «приводило к неоправданным различиям в региональном законодательстве, особенно в части определения статуса муниципальных служащих»⁴.

Большинство ученых усматривают отнесение муниципальной (как и государственной гражданской) службы к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в норме п. «н» ч. 1 ст. 72 Основного закона, согласно которой к совместному ведению относится закрепление общих начал организации органов государственной власти и органов местного самоуправления. Как представляется, такая формулировка не вполне тождественна тому, что можно назвать государственной или муниципальной службой, в частности, в ней совершенно отсутствуют различные аспекты регулирования служебных отношений, связанных с правовым статусом государственного или муниципального служащего.

Служебное законодательство регулирует не столько вопросы организации органов публичной власти, так называемые властеотношения, сколько отношения, которые складываются между гражданином (служащим) и органом государственной власти или органом местного самоуправления по поводу прохождения соответственно государственной или муниципальной службы. Эти отношения по сути близки к трудовым правоотношениям. Впрочем, с учетом того, что последние также составляют предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, это не влияет на возможность отнесения правового регулирования муниципальной службы к совместному ведению. Однако отмеченный аспект этих отношений вынуждает несколько иначе посмотреть на разграничение компетенции между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации в части их правового регулирования.

Общая модель разграничения компетенции в сфере регулирования муниципальной службы

Вместо закрепления собственной исключительной компетенции в части регулирования муниципальной службы, как это было сделано в ТК РФ⁵, федеральный законодатель в Законе о муниципальной службе попытался определить полномочия регионов в данной сфере. При этом уже компетенция субъекта Российской Федерации зачастую определена как исключительная, не предполагающая принятие по данному вопросу ни федеральных, ни муниципальных нормативных правовых актов, поскольку весь комплекс правоотношений устанавливается законом субъекта Российской Федерации. Например, таким образом в Закон о муниципальной службе попала диспозитивная норма об установлении классов чинов муниципальных служащих, поскольку федеральный законодатель от решения данного вопроса устранился, а муниципалитетам была отведена исключительно роль правоприменителя. Но подобным образом регионализированы и определяющие сущность муниципальной службы полномочия по установлению регионального реестра должностей муниципальной службы, соотношения этих должностей с должностями гражданской службы субъекта Российской Федерации и т.п.

В ряде случаев федеральный законодатель предоставляет субъекту комплекс полномочий по принятию типовых нормативных правовых актов, в соответствии с которыми муниципальные образования могут осуществлять собственное регулирование. Это своего рода предопределенное свыше разграничение компетенции между регионом и муниципалитетами по предметам их совместной компетенции, которое осуществляется путем реализации правотворческих полномочий самого субъекта.

Практически это означает, что субъект Российской Федерации самостоятельно очерчивает границы своих правотворческих полномочий

⁴ Андриченко Л. В. Муниципальная служба в Российской Федерации // Журнал российского права. 2008. № 7. С. 15.

⁵ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

в данной сфере, что, на наш взгляд, не вполне соответствует конституционному принципу самостоятельности местного самоуправления. Например, согласно ч. 6 ст. 22 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»⁶ условия контракта с главой местной администрации утверждаются представительным органом местного самоуправления. И только по вопросам, связанным с исполнением отдельных государственных полномочий, делегированных органу местного самоуправления, — законом субъекта Российской Федерации.

Исходя из способов делегирования федеральным законодателем правотворческих полномочий в сфере регулирования муниципальной службы, полномочия субъектов Российской Федерации можно подразделить на а) прерогативные или исключительные и б) совместные. Прерогативные полномочия не предполагают нормативного урегулирования никаким иным актом, кроме как принимаемым субъектом Российской Федерации. Совместные допускают возможность альтернативного либо дополнительного урегулирования актом органа местного самоуправления или федеральным законодательством.

Прерогативные полномочия субъектов Российской Федерации в сфере правового регулирования муниципальной службы

К прерогативным или исключительным правотворческим полномочиям субъектов Российской Федерации в сфере регулирования муниципальной службы стоит отнести следующие.

1. Принятие общего по субъекту Российской Федерации *реестра должностей муниципальной службы*, в соответствии с которым уже на уровне муниципального образования устанавливаются конкретные должности. Разумеется, это императивное полномочие, т.е. региональ-

ный законодатель обязан утвердить такой реестр.

Нужно сказать, что отдельные субъекты Российской Федерации, помимо групп должностей по аналогии с государственной гражданской службой, в своем законодательстве предусматривают еще и категории должностей. Такой подход, например, закреплен в Законе Калужской области от 03.12.2007 № 382-ОЗ «О муниципальной службе в Калужской области»⁷. При этом формального полномочия по установлению дополнительных оснований классификации должностей муниципальной службы Закон о муниципальной службе регионам не предоставляет, и такая правотворческая инициатива на местах, при всей логичности, добавляет изрядной путаницы при формировании подходов к соотносимости должностей гражданской и муниципальной службы.

В статье 7 Закона о муниципальной службе закрепляется диспозитивное полномочие субъектов по определению тех должностей, которые устанавливаются с целью обеспечения реализации полномочий лиц, замещающих муниципальные должности, формально соответствующих категорий должностей гражданской службы «помощники (советники)». Особенностью замещения таких должностей является заключение срочного трудового договора на то время, в течение которого лицо, для обеспечения полномочий которого учреждена соответствующая должность, будет их исполнять. Такие должности востребованы в любом муниципальном образовании, однако в силу необязательного характера их установления многие региональные реестры их не содержат или содержат только для отдельных видов муниципальных образований. Самостоятельно же органы местного самоуправления устанавливать такие должности не могут, как не могут и заключить с гражданином, их замещающим, срочный трудовой договор, поскольку согласно ст. 58 ТК РФ он может заключаться только в случаях, непосредственно предусмотренных законом.

⁶ СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

⁷ Весть. 2007. № 406–407.

2. Императивным (обязательным для субъекта Российской Федерации) является также такое прерогативное полномочие, как *определение соотносимости должностей муниципальной службы с должностями государственной гражданской службы* в данном регионе. К сожалению, федеральный законодатель довольно общо указал на то, что он вкладывает в понятие соотносимости, вследствие чего на практике формально равные в силу узаконенного соотнесения должности порой существенно различаются как в части условий оплаты труда и объема предоставляемых социальных гарантий, так и в части требований к квалификации, необходимой для их замещения.

3. А вот вышеупомянутая *система классов чин* муниципальных служащих, которые должны демонстрировать, насколько последние соответствуют установленным квалификационным требованиям к замещаемой должности, если верить прямому указанию ст. 9.1 Закона о муниципальной службе, только может устанавливаться законом субъекта Российской Федерации. Ее закрепление является хотя и исключительным полномочием регионального законодателя, но не обязательным для исполнения. На сегодняшний день классные чины отсутствуют в целом ряде регионов, например в Астраханской области.

Как представляется, классные чины — неотъемлемый элемент правового статуса муниципального служащего, а их включение во вторую главу Закона о муниципальной службе (произошедшее уже после принятия данного Закона) ошибочно. При этом с точки зрения обеспечения принципа единства правового статуса муниципального служащего и его соотносимости со статусом гражданского служащего данный институт должен получить нормативное регулирование на федеральном уровне.

Такой подход благотворно скажется и на гармонизации системы оплаты труда муниципальных служащих. Все муниципальные служащие имеют право на выплату им оклада (надбавки) в соответствии с присвоенным классным чином. Но в регионах, которые отказались присваивать

чины муниципальным чиновникам, такая выплата в структуре их денежного содержания по понятным причинам также отсутствует.

4. По смыслу пп. «б» п. 3 ч. 1 ст. 14 Закона о муниципальной службе исключительно региональным законом должен быть установлен *порядок получения разрешения на участие в управлении некоммерческой организацией* со стороны представителя нанимателя (работодателя). С одной стороны, такое участие прямо разрешено на уровне федерального законодательства, с другой — это не должно приводить к конфликту интересов или нарушению запретов, установленных в отношении муниципального служащего.

Законами субъектов Российской Федерации данное полномочие реализуется с позиции «технической» регламентации: последовательность действий, необходимые документы, сроки подачи заявления и получения разрешения (отказа в нем) и т.п. Как представляется, решение этого и иных вопросов технического характера целесообразно на уровне муниципального образования, поскольку данный порядок должен быть обусловлен спецификой муниципального образования, на уровне которого и получается данное разрешение. В этой связи полагаем, что нет никакой необходимости относить решение этого вопроса к компетенции субъекта Российской Федерации.

5. В соответствии с ч. 1 и 1.1 ст. 15 порядок, сроки и форма предоставления сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о расходах (своих, супруга и несовершеннолетнего ребенка) муниципального служащего должны быть едиными с аналогичными порядком, сроками и формой, установленными в отношении гражданского служащего субъекта Российской Федерации.

В свою очередь, законодательством о гражданской службе Российской Федерации предусмотрено, что положение о предоставлении таких сведений устанавливается Президентом РФ или законом субъекта Российской Федерации. Согласно соответствующему Указу⁸ органам

⁸ Указ Президента РФ от 18.05.2009 № 559 «О представлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими

государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления рекомендуется руководствоваться тем порядком, который установлен данным Указом.

На основании системного толкования данных норм Минтруд России в письме от 17.06.2019 № 18-2/10/В-4646⁹ делает вывод, что муниципальное образование утверждает собственный порядок предоставления таких сведений на основе порядка, предусмотренного субъектом Российской Федерации, который, в свою очередь, принимается на базе порядка предоставления таких сведений, утвержденного Указом Президента РФ для федеральных гражданских служащих.

В данной системе правового регулирования этих вопросов участие субъекта Российской Федерации также представляется излишним. Вряд ли региональные акты будут содержать принципиально новые положения, отличные от тех, что закреплены федеральным порядком. Регламентарные же положения, касающиеся узких, технических вопросов (куда конкретно предоставлять такие сведения, порядок действий при необходимости их уточнения и т.п.), как и в предыдущем случае, целесообразно закрепить именно в муниципальном правовом акте.

6. Всё вышесказанное в полной мере касается и порядка проверки сведений о доходах и расходах на предмет достоверности и полноты. С одной стороны, часть 6 ст. 15 Закона о муниципальной службе обязывает регионального законодателя установить такой порядок, с другой — при ее проведении соответствующий Указ¹⁰ также рекомендует правоприменителю руководствоваться федеральным порядком. Единственным принципиальным отличием

реализации данного полномочия от вышерассмотренного является то, что при проведении такой проверки зачастую требуется направлять запросы о предоставлении сведений, составляющих различные виды охраняемой законом тайны (банковской, налоговой и т.п.), а такие запросы правомочно направлять только высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, что также является скорее техническим аспектом реализации процессуальных норм.

7. Статья 21 Закона о муниципальной службе в качестве прерогативного полномочия субъекта Российской Федерации называет определение условий и порядка предоставления отпуска за выслугу лет, ограничивая лишь его максимальную продолжительность — не более 10 дней. Региональное законодательство демонстрирует различные подходы к регламентации этого вопроса. Например, в Саратовской области отпуск за выслугу лет предоставляется из расчета один день отпуска за один год выслуги, а в Тамбовской — при стаже от года до пяти лет дается один дополнительный день отпуска, от 5 до 10 лет — пять дней, от 10 до 15 лет — семь дней, а свыше 15 лет — 10 дней. Иными словами, муниципальный служащий в Саратовской области будет иметь право на максимальную продолжительность отпуска за выслугу лет через 10 лет, а в Тамбовской — через 15.

Что интересно, в отношении других видов отпусков федеральный законодатель избрал иной подход, прямо закрепляя, что основной отпуск муниципального служащего составляет 30 дней, а дополнительные предоставляются в соответствии с федеральным законодательством и законами субъектов Российской Федерации. И даже отпуск за ненормированный служеб-

сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» // СЗ РФ. 2009. № 21. Ст. 2544.

⁹ Письмо Минтруда России от 17.06.2019 № 18-2/10/В-4646 «О Методических рекомендациях по вопросам организации антикоррупционной работы в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях в отношении лиц, замещающих муниципальные должности, и муниципальных служащих» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Указ Президента РФ от 21.09.2009 № 1065 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению» // СЗ РФ. 2009. № 39. Ст. 4588.

ный день исчерпывающим образом определен в федеральном законе — три календарных дня, хотя с учетом того, что объем служебной нагрузки на муниципального служащего в различных муниципальных образованиях может сильно различаться, целесообразнее было бы регулирование этого вопроса муниципальным правовым актом.

Ввиду подробной регламентации этого вопроса на федеральном уровне, отсутствия прямого уполномочия, а также других, специализированных дополнительных отпусков для гражданских служащих региональные законы в основном не вводят иных видов дополнительных отпусков.

Предоставление отпуска как механизм реализации одной из важнейших конституционных гарантий — права на отдых, по нашему мнению, не может относиться к прерогативным полномочиям субъекта Российской Федерации и должно быть централизованно урегулировано федеральным законом.

8. Формально в исключительном ведении субъектов Российской Федерации находится определение порядка исчисления стажа муниципальной службы. Так, региональный законодатель (как правило, в специальных нормативных правовых актах, посвященных данному вопросу) предусматривает специальные перечни должностей, периоды замещения которых включаются в стаж муниципальной службы. В целом это разумный подход со стороны федерального законодателя, поскольку именно субъекты Российской Федерации устанавливают реестры должностей муниципальной службы и их соотношение с должностями государственной гражданской службы.

Вместе с тем стаж муниципальной службы зачастую (может быть, даже как правило) играет роль юридического факта, влекущего возникновение у муниципального служащего определенных прав, например права на получение пенсии по выслуге лет. В этой связи большое

практическое значение приобретает решение вопроса о включении тех или иных периодов в стаж муниципальной службы. При этом анализ регионального законодательства приводит к выводу, что правила учета тех или иных периодов работы (службы) в различных субъектах могут довольно сильно различаться. Так, Законом Челябинской области предусматривается включение в стаж муниципальной службы отпуска по уходу за ребенком до достижения им трех лет¹¹.

В Законе Удмуртской Республики¹² содержится не вполне понятная формулировка, согласно которой в стаж муниципальной службы засчитывается время частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им полутора лет, а также «дополнительного отпуска без сохранения заработной платы по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет лицам, состоящим в трудовых отношениях с органами государственной власти и управления (органами местного самоуправления)». Во-первых, не очень понятно, что под дополнительным отпуском имеется в виду, поскольку федеральное законодательство предусматривает только общий отпуск по уходу за ребенком до достижения им трех лет. Во-вторых, по всей видимости, это означает, что отпуск до полутора лет может учитываться и в иных организациях, не относящихся к органам государственной власти и местного самоуправления.

В вышеназванном Законе «О муниципальной службе в Удмуртской Республике» предусмотрено, что в стаж муниципальной службы включается время работы на должностях работников, осуществляющих техническое обеспечение органов государственной власти или органов местного самоуправления, т.е., скорее всего, водителей, уборщиц и т.п.

Согласно Закону Сахалинской области в стаж, учитываемый при назначении пенсии за выслугу лет, включается период работы в образовательных учреждениях, обеспечивающих подготовку кадров для государственной и муниципальной

¹¹ Закон Челябинской области от 30.05.2007 № 144-30 «О регулировании муниципальной службы в Челябинской области» // Южноуральская панорама. 2007. № 120.

¹² Закон Удмуртской Республики от 20.03.2008 № 10-РЗ «О муниципальной службе в Удмуртской Республике» // Собрание законодательства Удмуртской Республики. 2008. № 17.

службы¹³. Этим же Законом предусмотрено, что при исчислении стажа муниципальной службы военная служба засчитывается в льготном порядке — один день к двум.

Как представляется, подобное правовое регулирование не согласуется с конституционными принципами единства правового статуса служащего на всей территории Российской Федерации¹⁴ и социально-территориального равенства¹⁵. То, насколько несоблюдение конституционного принципа отражается на судьбах простых служащих, можно проиллюстрировать не такими уж и редкими переходами сотрудников из муниципалитета одного региона в другой: вследствие разных подходов к установлению стажа они могут внезапно потерять не только право на дополнительные дни отпуска, но и право получения пенсии за выслугу лет, т.к. не всякий спор об установлении служебного стажа имеет шансы дойти до Конституционного Суда РФ.

При этом содержание даже действующей редакции ст. 25 Закона о муниципальной службе наглядно демонстрирует, что механизм централизованного подхода к учету стажа уже существует: так, часть 2 данной статьи прямо предписывает в стаж муниципальной службы для определения продолжительности ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска за выслугу лет включать периоды замещения должностей, засчитываемые в стаж государственной гражданской службы. При этом регламентация

данного вопроса обычно содержательно восходит к положениям соответствующего президентского Указа¹⁶.

Порядок исчисления стажа муниципальной службы, несомненно, следует урегулировать на федеральном уровне (указом Президента РФ), а за регионами и муниципалитетами оставить только определение (при наличии неясности или спора) конкретных должностей, исполнение обязанностей по которым относится или приравнивается к прохождению муниципальной службы.

9. Исключительным полномочием субъектов Российской Федерации в рассматриваемой сфере является установление правил и порядка заключения договора о целевом обучении за счет органа местного самоуправления с последующим прохождении муниципальной службы в данном муниципальном образовании. На федеральном уровне такие положения в отношении государственной гражданской службы, а также службы иных видов в отдельных правоохранительных органах предусмотрены указами Президента РФ. Кроме того, действует постановление Правительства РФ от 27.04.2024 № 555 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования», которое распространяется в том числе и на заключение договора о целевом обучении с органами местного самоуправления.

Закон о муниципальной службе содержит лишь несколько общих положений, закрепляю-

¹³ Закон Сахалинской области от 06.07.2007 № 78-30 «Об отдельных вопросах муниципальной службы в Сахалинской области» // Губернские ведомости. 2007. № 127 (2854).

¹⁴ См., например: определение Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 1591-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы администрации муниципального образования “Родниковский муниципальный район” Ивановской области на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 24 Федерального закона “О муниципальной службе в Российской Федерации”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 3.

¹⁵ Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М. : Норма, Инфра-М, 2011. С. 256.

¹⁶ Указ Президента РФ от 19.11.2007 № 1532 «Об исчислении стажа государственной гражданской службы Российской Федерации для установления государственным гражданским служащим Российской Федерации ежемесячной надбавки к должностному окладу за выслугу лет на государственной гражданской службе Российской Федерации, определения продолжительности ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска за выслугу лет и размера поощрений за безупречную и эффективную государственную гражданскую службу Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 48 (ч. II). Ст. 5949.

ших право на заключение такого договора, минимальный и максимальный сроки «отработки» после обучения, срок размещения объявления о проведении конкурса на заключение такого договора и т.п. Все остальные вопросы должны регулироваться законом субъекта Российской Федерации.

Как представляется, подобного рода регулирование непосредственно затрагивает не только право на равный доступ к муниципальной службе, но и конституционный принцип свободы труда, в связи с чем существуют серьезные сомнения в целесообразности наделения субъектов Российской Федерации слишком широкими полномочиями в данной сфере.

Краткие выводы

Существующая модель правового регулирования муниципальной службы построена по «матрешечному» принципу: региональные законы принимаются в соответствии с федеральным законодательством, а муниципальные правовые акты — на основе региональных. При этом, однако, необходимо иметь в виду, что из «территориальной принадлежности» муниципального образования к определенному субъекту

Российской Федерации совершенно не вытекают полномочия последнего по организации местного самоуправления в этом муниципальном образовании. Конституция РФ гарантирует самостоятельность местного самоуправления и организационную обособленность органов местного самоуправления от системы органов государственной власти.

С этой позиции наделение субъектов Российской Федерации широкими прерогативными полномочиями по нормативно-правовому регулированию муниципальной службы не обеспечивает ни единство публичной власти, ни самостоятельность местного самоуправления. Кроме того, не следует забывать, что такое регулирование во многом затрагивает конституционные права и свободы граждан, ограничение и регламентация которых допустимы только на федеральном уровне.

Как представляется, всё это подчеркивает необходимость скорейшего решения задачи федерализации нормативно-правового регулирования муниципальной службы, по крайней мере в тех вопросах, которые затрагивают правовой статус муниципального служащего, а также реализацию права граждан на равный доступ к муниципальной службе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андриченко Л. В. Муниципальная служба в Российской Федерации // Журнал российского права. — 2008. — № 7. — С. 12–22.
2. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. — М. : Норма, Инфра-М, 2011. — 544 с.
3. Глушко Е. К. Правовое регулирование муниципальной службы в Российской Федерации // Публично-правовые исследования : ежегодник Центра публично-правовых исследований. Т. 2. — М. : АНО «Центр публично-правовых исследований», 2007. — С. 375–394.
4. Шугрина Е. С. Новый этап муниципальной реформы или контрреформирование контрреформ? // Конституционное и муниципальное право. — 2015. — № 4. — С. 68–71.

Материал поступил в редакцию 28 мая 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andrichenko L. V. Munitsipalnaya sluzhba v Rossiyskoy Federatsii // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2008. — № 7. — S. 12–22.
2. Bondar N. S. Sudebnyy konstitutsionalizm v Rossii v svete konstitutsionnogo pravosudiya. — M.: Norma, Infra-M, 2011. — 544 s.
3. Glushko E. K. Pravovoe regulirovanie munitsipalnoy sluzhby v Rossiyskoy Federatsii // Publichno-pravovye issledovaniya: ezhegodnik Tsentra publichno-pravovykh issledovaniy. T. 2. — M.: ANO «Tsentr publichno-pravovykh issledovaniy», 2007. — S. 375–394.
4. Shugrina E. S. Novyy etap munitsipalnoy reformy ili kontrreformirovanie kontrreform? // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2015. — № 4. — S. 68–71.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.045-053

А. Ф. Мещерякова*

Проблемы нормативно-правового регулирования религиозной безопасности в России

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с проблемами совершенствования правовой базы, обеспечивающей безопасность развития общественных отношений в сфере религии. Интерес к данной тематике вызван тем, что религия, как достаточно сложный феномен, может являться не только благом, но и зоной риска. При определенных условиях религиозная мотивация способна стать источником угроз для безопасности личности, общества и государства. Автором сформулирована дефиниция религиозной безопасности, проанализирована система правовых источников, регламентирующих ее обеспечение. Показано, что при наличии существенного количества правовых норм, так или иначе затрагивающих различные аспекты религиозной безопасности, действующее законодательство не содержит ее легального определения и не отводит ей конкретного места в структуре национальной безопасности. На конституционном уровне религиозная безопасность также не обозначена, что создает трудности для наделения субъектов РФ законодательными полномочиями в данной сфере, хотя региональная практика принятия соответствующих законов начинает складываться. Рассмотрены варианты устранения неопределенности в правовом регулировании религиозной безопасности, такие как принятие специального закона о религиозной безопасности, корректировка системы актов стратегического планирования и внесение поправок в Конституцию РФ.

Ключевые слова: безопасность; национальная безопасность; религиозная безопасность; свобода совести; правовое регулирование; акты стратегического планирования; стратегия; религиозные объединения; религия; нормативные правовые акты; законодательство субъектов РФ.

Для цитирования: Мещерякова А. Ф. Проблемы нормативно-правового регулирования религиозной безопасности в России // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 12. — С. 45–53. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.045-053.

Problems of Normative-Legal Regulation of Religious Security in Russia

Anna F. Meshcheryakova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Justice, Law Institute, Penza State University, Penza, Russian Federation
fuga9@yandex.ru

Abstract. The paper examines issues related to improving the legal framework that ensures the security of social relations in the sphere of religion. Interest in this topic stems from the fact that religion, as a complex phenomenon, can be both a benefit and a zone of risk. Under certain conditions, religious motivation can become a source of threats to the security of the individual, society, and the state. The author provides a definition of religious security and analyzes the system of legal sources regulating its provision. It is shown that despite a considerable number of legal norms that in one way or another affect various aspects of religious security, the current legislation

© Мещерякова А. Ф., 2025

* Мещерякова Анна Федоровна, кандидат юридических наук, доцент, кафедра правосудия Юридического института Пензенского государственного университета
Красная ул., д. 40, г. Пенза, Российская Федерация, 440026
fuga9@yandex.ru

contains no legal definition of it and does not assign it a specific place within the structure of national security. Religious security is likewise not designated at the constitutional level, which creates difficulties for empowering the constituent entities of the Russian Federation with lawmaking authority in this area, although regional practice of adopting relevant laws is beginning to emerge. The paper considers options for removing the legal uncertainty regarding religious security, such as adopting a special law on religious security, adjusting the system of strategic planning acts, and making amendments to the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: security; national security; religious security; freedom of conscience; legal regulation; acts of strategic planning; strategy; religious associations; religion; normative legal acts; legislation of the constituent entities of the Russian Federation.

Cite as: Meshcheryakova AF. Problems of Normative-Legal Regulation of Religious Security in Russia. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(12):45-53. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.045-053.

Изменения военно-политической ситуации в нашей стране и в мире выдвинули на первый план вопросы обеспечения национальной безопасности. В стремлении обострить отношения с Россией недружественные страны используют весьма циничные приемы, не считаются ни с нормами международного права, ни даже с религиозными канонами. В прошлом году, например, резонансным стал факт ввоза на территорию Российской Федерации в канун особо почитаемого верующими праздника — Светлого Христова Воскресения (Пасхи) — взрывчатых веществ, спрятанных в православные иконы и церковную утварь¹. Практически в это же время террористы напали на два православных храма и две синагоги, с особой жестокостью убили православного священника в Дагестане, на глазах у жены². Приведенные примеры показывают, что в современных условиях ресурсы государства должны быть направлены на обеспечение безопасности каждого человека в любых сферах его жизнедеятельности, в том числе в религиозной.

Кроме того, не теряют актуальности такие угрозы национальным интересам России, как религиозный экстремизм, религиозный сепаратизм, деятельность деструктивных религиозных

объединений, девальвация традиционных религиозных ценностей и т.д.

В этой связи большое правовое и практическое значение приобретает обеспечение религиозной безопасности.

По мнению ряда исследователей, религиозная безопасность является разновидностью национальной безопасности³, которая регламентируется целым комплексом нормативных правовых актов. Их действие направлено на «создание и закрепление на уровне государства условий, необходимых для полноценной деятельности России»⁴. Однако детальный анализ нормативной базы позволяет обнаружить определенные недостатки в регулировании общественных отношений, связанных с обеспечением безопасности в религиозной сфере.

Первое, что обращает на себя внимание, — это наличие серьезного пробела, обусловленного отсутствием дефиниции религиозной безопасности в правовых источниках. Отсюда могут возникать трудности в правопонимании, т.к. неточность понятийного аппарата порождает потребность в использовании оценочных суждений.

Вопросам безопасности, ее правовой регламентации и обеспечения уделяется самое

¹ Иерей заявил, что пытавшиеся ввезти в Россию взрывчатку в иконах воюют против Бога // URL: <https://tass.ru/obschestvo/20421267?ysclid=lutj7tze2a42900314> (дата обращения: 08.05.2025).

² Андриенко Ю., Цвенгер Т., Лялин Р., Юрков Д. Отец Николай погиб как мученик, спасая икону // Комсомольская правда. 2024. 25 июня.

³ Исаева А. А. Правовые основы религиозной безопасности в информационном пространстве российского общества // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 16.

⁴ Манкиева А. В., Воропаев И. Г., Решетняк С. Р. Правовые основы и проблемы обеспечения национальной безопасности в современной России // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 4. С. 189.

пристальное внимание как федеральными, так и региональными органами власти. Сформирована обширная законодательная база, включающая федеральные законы «О безопасности»⁵, «О безопасности дорожного движения»⁶, «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»⁷, «О пожарной безопасности»⁸, «О радиационной безопасности населения»⁹, «О транспортной безопасности»¹⁰ и др.

К сожалению, не удается продолжить данный перечень указанием на специальный законодательный акт о религиозной безопасности ввиду отсутствия такового в правовом пространстве. В Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹¹ словосочетание «религиозная безопасность» не встречается, хотя отдельные ее аспекты, например приостановление и запрет деятельности религиозного объединения, ликвидация религиозных организаций, порядок осуществления миссионерской деятельности, в нем освещаются. Федеральный закон «О безопасности» с методологической точки зрения и вовсе порождает неопределенность, поскольку предмет его правового регулирования составляют «безопасность государства, общественная безопасность, экологическая безопасность, безопасность личности, иные виды безопасности» (ст. 1). Можно предположить, что религиозная безопасность как раз охватывается юридической конструкцией «иные виды безопасности». Но ее также допустимо рассматривать в качестве элемента безопасности личности, когда возникает необходимость в

защите прав и свобод человека и гражданина, например от социально опасной деятельности деструктивных религиозных объединений. В то же время она является частью государственной и общественной безопасности, если возникают угрозы межнациональных или межконфессиональных конфликтов.

По справедливому замечанию Е. Н. Марковой, рассматриваемый правовой феномен охватывает несколько уровней¹². Первый уровень представлен государственной религиозной безопасностью. Угроза интересам государства, по мнению исследователя, исходит от экстремистской и террористической деятельности, которая может осуществляться религиозными объединениями, пропагандирующими незаконные идеи и взгляды. На второй уровень Е. Н. Маркова поставила общественную религиозную безопасность, источником угроз которой выступают религиозная нетерпимость, насилие и т.д. Третий уровень — безопасность религиозных объединений, т.к. по отношению к ним могут совершаться преступные и иные противоправные действия. Четвертый уровень составляет индивидуальная религиозная безопасность, угрозу которой представляют различные нарушения свободы совести конкретного человека.

По нашему мнению, религиозная безопасность представляет собой систему правовых гарантий защиты личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, возникающих в религиозной сфере и связанных с нарушением конституционных прав и свобод, разрушением традиционных духовно-нрав-

⁵ Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

⁶ Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.

⁷ Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3588.

⁸ Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.

⁹ Федеральный закон от 09.01.1996 № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 141.

¹⁰ Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 837.

¹¹ Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

¹² Маркова Е. Н. Доктрина религиозной безопасности как обоснование защиты и ограничения свободы вероисповедания: две стороны одной медали // *Studia Religiosa Rossica*. 2022. № 3. С. 23–25.

ственных ценностей, проявлениями различных форм религиозного экстремизма и терроризма, совершением преступлений по мотивам религиозной вражды и ненависти, деятельностью деструктивных религиозных объединений.

Закономерно возникает вопрос, какой нормативный правовой акт должен содержать понятие религиозной безопасности и в целом иметь предметом регулирования общественные отношения, складывающиеся в данной сфере. В юридической литературе на него нет однозначного ответа, поскольку мнения ученых кардинально расходятся. Предлагаются различные варианты.

Первый вариант базируется на выводах исследователей о том, что религиозная безопасность является разновидностью национальной безопасности. Это обстоятельство делает необходимым либо внесение изменений в Стратегию национальной безопасности¹³, либо принятие Стратегии религиозной безопасности. В частности, такой точки зрения придерживается И. А. Тарасевич в докторской диссертации¹⁴.

Статья 11 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹⁵ относит к документам стратегического планирования, разрабатываемым на федеральном уровне, стратегию национальной безопас-

ности Российской Федерации, а также основы государственной политики, доктрины и другие документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Стратегия — это официально признанная система стратегических проектов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу¹⁶. Она является так называемым программным документом и служит фундаментом для последующей разработки и принятия законов и нормативных правовых актов.

Содержание Стратегии национальной безопасности дополняют и развивают акты стратегического планирования, которые имеют более узкую направленность: Стратегия экономической безопасности¹⁷, Доктрина информационной безопасности¹⁸, Концепция общественной безопасности¹⁹, Стратегия противодействия экстремизму²⁰ и т.д.

Второй вариант предполагает принятие отдельного закона о религиозной безопасности. Такой точки зрения (и небезосновательно) придерживается Н. Г. Келеберда²¹. Регулирование вопросов обеспечения пожарной безопасности, безопасности дорожного движения и иных

¹³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

¹⁴ Тарасевич И. А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2015. С. 24.

¹⁵ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.

¹⁶ О проекте Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. // URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/367/> (дата обращения: 08.05.2025).

¹⁷ Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

¹⁸ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

¹⁹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/19653> (дата обращения: 09.05.2025).

²⁰ Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280115> (дата обращения: 08.05.2025).

²¹ Келеберда Н. Г. Религиозная безопасность России в условиях современных вызовов // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2016. № 2 (23). С. 113.

видов безопасности, которые можно отнести к важнейшим функциям государства, осуществляется посредством принятия специальных законодательных актов в указанных сферах. С их помощью также определяются отношения между уполномоченными органами власти, органами местного самоуправления, общественными объединениями, а также организациями и гражданами.

М. Д. Фоминская и А. И. Овчинников считают необходимым «инициировать принятие федерального закона “О религиозной безопасности” вместо давно устаревшего Федерального закона “О свободе совести и религиозных объединениях”»²². Однако возразим, что данный законодательный акт является основой для регламентации правоотношений в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также правового положения религиозных объединений, в том числе особенностей их гражданско-правового положения (ст. 1). Соответственно, в случае его отмены целый пласт общественных отношений, возникающих в религиозной сфере, может остаться неурегулированным.

Наконец, третий вариант, который объединяет два предыдущих, заключается в создании комбинации двух документов: специального закона и стратегии религиозной безопасности. Например, в настоящее время действуют Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»²³ и Стратегия противодействия экстремизму, которые составляют правовую основу для предупреждения и борьбы с проявлениями экстремизма, включая религиозную сферу.

Полагаем, что первым шагом на пути совершенствования правового регулирования изучаемой проблемы должно стать внесение изменений в Стратегию национальной безопасности.

В документе следует закрепить само понятие религиозной безопасности, обозначить ее как неотъемлемую часть национальной безопасности наряду с государственной, общественной, информационной, экономической и экологической безопасностью, выделить основные угрозы и их источники, определить комплекс мер по борьбе с ними. Отдельные положения Стратегии национальной безопасности как бы вскользь затрагивают религиозные аспекты, но они не имеют системного характера. Так, в ней сформулирована задача по предупреждению и нейтрализации межконфессиональных конфликтов, предупреждению распространения религиозного радикализма, деструктивных религиозных течений, формирования этнических и религиозных анклавов (п. 47), сделан акцент на разрушительном воздействии, которому подвергаются религиозные устои (п. 85). Полагаем, что религиозной безопасности должен быть отведен специальный раздел в Стратегии, в котором будут собраны положения, направленные на обеспечение национальных интересов в сфере религии. Надеемся, что высказанные замечания будут учтены разработчиками данного документа, поскольку в настоящее время осуществляется активная деятельность по его корректировке.

В дальнейшем, когда будет выработана программа действий в целях обеспечения религиозной безопасности, не исключено принятие специального закона, посвященного данной проблеме. Система источников, так или иначе регламентирующих религиозную безопасность, является довольно разветвленной. Было бы гораздо проще, если бы нормы о религиозной безопасности были консолидированы в одном законе или ином нормативном правовом акте.

Достаточно подробную характеристику источников дает А. О. Ласария²⁴ и относит к ним:

²² Овчинников А. И., Фоминская М. Д. Религиозная безопасность России и роль права в ее обеспечении // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 3. С. 7–15.

²³ Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

²⁴ Ласария А. О. Вопросы правовой регламентации религиозной безопасности Российской Федерации // Вестник военного права. 2022. № 4. С. 78–79.

1) Всеобщую декларацию прав человека²⁵, провозглашающую свободу совести, свободу вероисповедания как основополагающие права человека и гражданина;

2) Конституцию РФ, которая также декларирует незыблемость свободы совести и закрепляет светские начала российской государственности;

3) Федеральный закон «О безопасности», устанавливающий политико-правовые основы обеспечения безопасности граждан, общества и государства, а также допускающий существование религиозной безопасности в силу открытого перечня видов безопасности;

4) Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», который закрепляет правовые гарантии реализации свободы совести, свободы вероисповедания и определяет правовой статус религиозных объединений;

5) федеральные законы «О противодействии экстремистской деятельности» и «О противодействии терроризму»²⁶, направленные на предотвращение и нейтрализацию угроз религиозной безопасности (религиозного экстремизма и терроризма);

6) Стратегию национальной безопасности, определяющую приоритеты обеспечения национальной безопасности, и иные акты стратегического планирования, принятые в развитие ее положений.

В один ряд со Стратегией национальной безопасности следует поставить Стратегию противодействия экстремизму, Концепцию общественной безопасности и принятые не так давно Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей²⁷.

Не называет А. О. Ласария и УК РФ, хотя статья 148 Кодекса непосредственно направлена

на охрану прав граждан в сфере религии, порядка отправления религиозных культов и защиту чувств верующих. Иные статьи, например п. «л» ч. 2 ст. 105, ст. 205, 280 УК РФ, образуют правовой заслон от разжигания религиозной вражды и ненависти.

Административное законодательство также ограждает субъектов права от нарушений законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях. В частности, этому посвящена статья 5.26 КоАП РФ.

Кроме того, полагаем, что приведенный перечень следует дополнить законодательством субъектов Российской Федерации. Так, статья 17 Закона Воронежской области «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства» получила наименование «Религиозная безопасность семьи»²⁸. По смыслу этой нормы в медицинских и образовательных учреждениях запрещаются агитация и распространение псевдонаучных, эзотерических учений, а также функционирование религиозных сообществ деструктивной направленности. Также регламентируется доступ религиозных структур в образовательные учреждения. Так, религиозная организация вправе преподавать основы религии за пределами образовательной программы при следующих условиях: это согласовано с муниципальными органами власти; обусловлено согласием обучающихся и просьбой их родителей. Таким образом, складывается определенная практика регионального законодательства в сфере обеспечения религиозной безопасности.

И здесь возникает еще одна проблема. Возможность принятия субъектами РФ законов, регламентирующих вопросы обеспечения национальной безопасности и ее видов (вклю-

²⁵ Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН Резолюцией от 10.12.1948 217 А (III)) // Российская газета. 1998. 10 дек.

²⁶ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

²⁷ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 08.05.2025).

²⁸ Закон Воронежской области от 02.08.2000 № 176-II-ОЗ «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства» // Коммуна. 2000. 15 авг.

чая религиозную безопасность), предполагает наличие у них определенных полномочий, которыми изначально их должна наделить Конституция РФ. Однако она не упоминает ни о национальной безопасности, ни о ее видах. Исключение составляет только государственная, общественная и экологическая безопасность. Так, в соответствии с п. «м» ст. 71 Конституции РФ непосредственно к ведению Российской Федерации относится безопасность в значении «безопасность государства», «государственная безопасность». Такой вывод можно сделать исходя из того, что категория «безопасность» в данной конституционной норме стоит в одном ряду с обороной. Ее содержание органично дополняет статья 24 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации»²⁹, согласно которой высший орган исполнительной власти осуществляет необходимые меры по «обеспечению обороны страны и безопасности государства». В статье 72 Конституции РФ, разграничивающей предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, говорится об общественной безопасности (п. «б») и экологической безопасности (п. «д»).

Впрочем, как уже было сказано, религиозную безопасность нельзя сводить только к государственной или общественной безопасности.

Таким образом, на конституционном уровне существует правовая неопределенность, которая выражается в том, что с теоретической точки зрения субъекты РФ не могут самостоятельно принимать законодательные акты по вопросам обеспечения религиозной безопасности, если они выходят за пределы общественной безопасности. Религиозная безопасность в полной мере не охватывается и понятием «государственная безопасность», поэтому относить ее к исключительному ведению Российской Федерации также неверно.

С учетом этого региональный законодатель идет по другому пути: пытается восполнить пробелы в регламентации вопросов религиозной безопасности, опираясь на содержание иных положений ст. 72 Конституции РФ. Возвращаясь к упомянутому Закону Воронежской области, содержащему понятие «религиозная безопасность семьи», отметим, что предметом его непосредственного регулирования является защита семьи, материнства, отцовства и детства, обозначенная в п. «ж.1» ст. 72 Конституции РФ.

Такой подход позволяет преодолеть трудности в правотворчестве, но отодвигает религиозную безопасность как бы на второй план, поэтому полагаем, что имеющаяся неопределенность в конституционно-правовом регулировании вопросов обеспечения национальной безопасности, а также ее видов (включая религиозную безопасность) должна быть устранена.

В литературе указывается на необходимость трансформации существующей сегодня системы обеспечения безопасности и активизации работы региональных органов власти в этом направлении³⁰. С учетом этого считаем целесообразным при проведении следующей кампании по изменению текста Конституции РФ дополнить ее соответствующими положениями о национальной безопасности, включая религиозную безопасность как ее составляющую. Подобная инициатива позволит определить место данных видов безопасности в системе конституционного строя России, а также создаст основу для реализации механизма их обеспечения.

Поправки, касающиеся религии, уже вносились в Конституцию РФ. В частности, в 2020 г. появилась статья 67.1, в которой присутствует упоминание Бога. Интересно, что Конституционный Суд РФ подтвердил соответствие содержания данной нормы принципу светскости государства, сформулированному в ст. 14 Конституции РФ³¹.

²⁹ Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.

³⁰ Манкиева А. В., Воропаев И. Г., Решетняк С. Р. Указ. соч. С. 191.

³¹ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации

В заключение отметим, что решение проблем религиозной безопасности требует системного подхода и кропотливой работы. Прежде всего необходимо сформировать пакет нормативных правовых актов, закрепляющих общие правовые, экономические и социальные основы обеспечения данного вида безопасности.

Грамотная реализация и защита религиозной свободы и безопасности способствуют укреплению демократических ценностей, гражданского мира и толерантности в обществе. Ряд предложений, сделанных в рамках настоящего исследования, могли бы способствовать укреплению безопасности Российской Федерации в целом, а также устойчивому развитию нашей страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андриенко Ю., Цвенгер Т., Лялин Р., Юрков Д. Отец Николай погиб как мученик, спасая икону // Комсомольская правда. — 2024. — 25 июня.
2. Иерей заявил, что пытавшиеся ввезти в Россию взрывчатку в иконах воюют против Бога // URL: <https://tass.ru/obschestvo/20421267?ysclid=lutj7tze2a42900314>.
3. Исаева А. А. Правовые основы религиозной безопасности в информационном пространстве российского общества // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 10. — С. 16–20.
4. Келеберда Н. Г. Религиозная безопасность России в условиях современных вызовов // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. — 2016. — № 2 (23). — С. 113–117.
5. Ласария А. О. Вопросы правовой регламентации религиозной безопасности Российской Федерации // Вестник военного права. — 2022. — № 4. — С. 78–79.
6. Манкиева А. В., Воропаев И. Г., Решетняк С. Р. Правовые основы и проблемы обеспечения национальной безопасности в современной России // Социально-политические науки. — 2022. — Т. 12. — № 4. — С. 188–194. — DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-4-188-194/.
7. Маркова Е. Н. Доктрина религиозной безопасности как обоснование защиты и ограничения свободы вероисповедания: две стороны одной медали // Studia Religiosa Rossica. — 2022. — № 3. — С. 23–25.
8. Овчинников А. И., Фоминская М. Д. Религиозная безопасность России и роль права в ее обеспечении // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2014. — № 3. — С. 7–15.
9. Тарасевич И. А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Тюмень, 2015. — 49 с.

Материал поступил в редакцию 9 мая 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andrienko Yu., Tsvenger T., Lyalin R., Yurkov D. Otets Nikolay pogib kak muchenik, spasaya ikonu // Komsomolskaya pravda. — 2024. — 25 iyunya.
2. Ierey zayavil, chto pytavshiesya vvezti v Rossiyu vzryvchatku v ikonakh voyuyut protiv Boga // URL: <https://tass.ru/obschestvo/20421267?ysclid=lutj7tze2a42900314>.
3. Isaeva A. A. Pravovye osnovy religioznoy bezopasnosti v informatsionnom prostranstve rossiyskogo obshchestva // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2019. — № 10. — S. 16–20.

о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

4. Keleberda N. G. Religioznaya bezopasnost Rossii v usloviyakh sovremennykh vyzovov // Akademicheskiy vestnik Rostovskogo filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii. — 2016. — № 2 (23). — S. 113–117.
5. Lasariya A. O. Voprosy pravovoy reglamentatsii religioznoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii // Vestnik voennogo prava. — 2022. — № 4. — S. 78–79.
6. Mankieva A. V., Voropaev I. G., Reshetnyak S. R. Pravovye osnovy i problemy obespecheniya natsionalnoy bezopasnosti v sovremennoy Rossii // Sotsialno-politicheskie nauki. — 2022. — T. 12. — № 4. — S. 188–194. — DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-4-188-194/.
7. Markova E. N. Doktrina religioznoy bezopasnosti kak obosnovanie zashchity i ogranicheniya svobody veroispovedaniya: dve storony odnoy medali // Studia Religiosa Rossica. — 2022. — № 3. — S. 23–25.
8. Ovchinnikov A. I., Fominskaya M. D. Religioznaya bezopasnost Rossii i rol prava v ee obespechenii // Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik. — 2014. — № 3. — S. 7–15.
9. Tarasevich I. A. Konstitutsionno-pravovye osnovy religioznoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Tyumen, 2015. — 49 s.

Регулирование формирования и использования резервных фондов: опыт государств БРИКС и СНГ

Аннотация. В статье анализируется правовое регулирование основных вариантов формирования и использования государственных финансовых резервов в Российской Федерации и в странах — членах БРИКС и СНГ в связи с активным развитием экономических и финансовых связей с государствами, входящими в эти объединения. Российская Федерация использует международный опыт создания государственных финансовых резервов, применяя основные варианты создания фондов, причем все рассмотренные фонды в отечественной практике являются бюджетными и имеют нормативно установленные источники формирования и направления использования. Анализ законодательства показал, что фонды, носящие резервный характер, образуемые в государствах, входящих в БРИКС или СНГ, различаются по источникам формирования и целям использования средств, а также по способам управления этими средствами. Государство может законодательно закрепить возможность формирования и использования не только собственно резервных фондов, но и иных (чаще всего носящих стабилизационный характер), формируемых в основном в зависимости от конъюнктуры рынка. В последнем случае такие фонды являются резервами финансовых средств публично-правового образования. Резервные фонды в узком понимании формируются для решения чрезвычайных, не предусмотренных в бюджете задач. В государствах — членах СНГ такие бюджетные резервные фонды используются активнее, чем в странах БРИКС, в связи с чем их законодательное регулирование более подробно и детализировано.

Ключевые слова: резервный фонд; стабилизационный фонд; суверенный фонд; фонд национального благосостояния; БРИКС; СНГ; БК РФ; чрезвычайные расходы; резервы государственных финансов; местные бюджеты; государственные бюджеты.

Для цитирования: Керимов А. Х. Регулирование формирования и использования резервных фондов: опыт государств БРИКС и СНГ // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 12. — С. 54–60. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.054-060.

© Керимов А. Х., 2025

* Керимов Аслан Хусейнович, аспирант кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
kerimov-80@mail.ru

Regulation of the Reserve Funds Formation and Use: The Experience of BRICS and CIS Countries

Aslan Kh. Kerimov, Postgraduate Student, Department of Finance Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
kerimov-80@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the legal regulation of the main options for forming and using state financial reserves in the Russian Federation and in BRICS and CIS member states against the backdrop of expanding economic and financial ties with countries in these groupings. The Russian Federation applies international experience in creating state financial reserves, using the principal models of fund creation; in domestic practice, all examined funds are budgetary and have legally defined sources of formation and directions for use. The analysis shows that reserve-type funds formed in BRICS and CIS countries differ in their sources of funding, purposes for using the funds, and methods of management. A state may legally provide for the formation and use not only reserve funds but also other funds (most often stabilization funds) that are primarily formed in response to market conditions; in such cases, these funds function as reserves of a public-law entity. Reserve funds in the narrow sense are formed to address extraordinary, non-budgeted tasks. In CIS member states such budgetary reserve funds are used more actively than in BRICS countries, and accordingly their statutory regulation tends to be more detailed and elaborated.

Keywords: reserve fund; stabilization fund; sovereign wealth fund; National Welfare Fund; BRICS; CIS; Budget Code of the Russian Federation; emergency expenditures; state financial reserves; local budgets; state budgets.

Cite as: Kerimov AKh. Regulation of the Reserve Funds Formation and Use: The Experience of BRICS and CIS Countries. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(12):54-60. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.054-060.

В мировой практике накоплен большой опыт формирования резервов государственных финансовых средств, дальнейшее использование которых предполагает различные цели. Речь идет не только о фондах, которые образуются внутри бюджета и/или прямо носят наименование «резервные», но и об иных формах создания резервов публичных (общественных) финансов. Надо отметить, что часто на практике используется более общий термин «суверенные фонды», поскольку наименование фонда в каждой стране может отличаться.

Российская Федерация использовала обширный многолетний международный опыт формирования бюджетных и внебюджетных резервных фондов, на различных этапах развития бюджетных отношений в Российской Федерации функционировали различные виды фондов. Их правовое регулирование было обусловлено особенностями экономической и бюджетной политики государства в конкретный период. В связи

с этим в целях анализа регулирования формирования и использования средств резервных фондов зарубежных стран были рассмотрены фонды, которые именуются как резервными, так и суверенными, стабилизационными или имеют иные названия, но объединены общей целью — созданием резервов, использование которых носит целевой характер.

Такие финансовые резервы публично-правовых образований могут как быть бюджетными, так и формироваться вне основного денежного фонда государства. О. В. Болтинова определяет следующие основные экономические функции таких фондов: аккумуляция избыточных экспортных поступлений в период высоких цен на определенные ресурсы (в цитируемой публикации речь идет о нефти) и покрытие дефицита бюджета при неблагоприятной конъюнктуре; предотвращение быстрого роста государственных расходов, но данная функция характеризуется как политическая¹.

¹ Болтинова О. В. Проблемы функционирования фондов в составе федерального бюджета Российской Федерации // Очерки бюджетно-правовой науки современности : монография / под общ. ред. Е. Ю. Грачевой и Н. П. Кучерявенко. М. ; Харьков : Право, 2012. С. 307.

В связи с указанными экономическими функциями резервных фондов можно выделить основные цели их формирования: резервирование средств для удовлетворения потребностей, могущих возникнуть в дальнейшем в случае истощения некоторых ресурсов, либо откладывание средств на непредвиденные расходы. В последнем случае фонд также может создаваться для вложения уже накопленных государственных средств или резервов, при этом обычно законодательно закрепляется цель использования полученных в результате инвестирования доходов.

Таким образом, в зависимости от цели можно выделить два основных варианта формирования и использования государственных финансовых резервов.

Примером первого варианта — резервирования средств для возможного использования при истощении ресурсов — в практике Российской Федерации может служить Фонд национального благосостояния, урегулированный статьей 96.10 БК РФ². Он возник в результате трансформации существовавшего ранее в бюджете Стабилизационного фонда, формирование и использование которого регулировались бюджетным законодательством (гл. 13.1 БК РФ) и который, по сути, также являлся примером суверенного фонда, формировавшего резерв бюджетных средств, возникших как некоторый избыток в связи с конъюнктурой цен на определенные природные ресурсы. Стабилизационный фонд был образован в 2004 г., но Е. М. Петрикова считает, что первый этап развития этого фонда начался значительно раньше, когда был накоплен резерв, а с 2004 г., когда произошло правовое оформление существования и использования данного резерва, начался второй этап его развития. Завершилось это третьим этапом — его разделением в 2008 г.³ на собственно Резерв-

ный фонд Российской Федерации (прекратил существование в 2018 г.) и Фонд национального благосостояния⁴. Таким образом, в Российской Федерации практика формирования и использования финансовых резервов на современном этапе правового регулирования бюджетных отношений имеет более чем 20-летнюю историю.

Второй вариант создания бюджетных резервов, в соответствии с БК РФ, изначально реализовывался через вышеупомянутый Стабилизационный фонд. Однако в настоящее время создание резервов на случай непредвиденных, чрезвычайных расходов осуществляется за счет собственно резервных фондов (ст. 81–82 БК РФ). Особенность указанных фондов, отличающая их от вышеупомянутых, состоит в первую очередь в том, что источником их формирования в бюджетах Российской Федерации является определенная часть бюджетных доходов, но далеко не всегда устанавливаются конкретные виды таких доходов. БК РФ не содержит обязательного общего требования закреплять за резервными фондами определенные целевые доходы, как и не устанавливает методы управления этими средствами.

Как уже было сказано, Российская Федерация использовала международный опыт формирования различных видов резервных фондов. На современном этапе развития экономических и финансовых связей государства особую актуальность представляет изучение практики государств, входящих в БРИКС и СНГ. Кратко характеризуем резервные и суверенные фонды, существующие в наиболее развитых экономически странах, входящих в БРИКС.

Наиболее активно возможностью формирования таких фондов воспользовались Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). В этом государстве был создан ряд фондов, носящих стабилизационный характер; в различных эми-

² СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

³ Федеральный закон от 26.04.2007 № 63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 18. Ст. 2117.

⁴ Петрикова Е. М. Суверенные фонды национального благосостояния страны как инструмент стабилизации финансового рынка // Финансы и кредит. 2012. № 10. С. 42–43.

ратах, и даже в одном, их может быть несколько (например, в Абу-Даби их четыре⁵), т.е. закреплена возможность создания резервных фондов субъектами федерации (поскольку ОАЭ — федеративное государство, как и Российская Федерация). Фонды ОАЭ являются одними из крупнейших, сформированы за счет конъюнктуры цен на нефть. При этом в случае недостаточности средств бюджета эмирата часть доходов направляется в распоряжение его правительства. Представляется, что происходит некоторая трансформация характера целей средств фонда (из чисто инвестиционных в использование как резервов бюджета).

Бразилия создала Суверенный фонд благосостояния, формирование которого также было связано с повышением цен на нефть. Китай, Индия и Индонезия образовали свои фонды несколько позже, лишь в XXI в. Так, в Индонезии существует соответствующий фонд на государственном уровне. Бюджеты провинций в Индонезии зависят от цен на нефть, поскольку основными источниками их доходов являются различные платежи, связанные с нефтью, поэтому они также формируют бюджетные резервы, обусловленные конъюнктурой цен на указанные природные ресурсы, чаще всего помещая в итоге эти средства в банки на депозиты. Использование полученных доходов происходит обычно в конце года на цели, которые провинция сочтет необходимыми.

Китайская Народная Республика создала фонд национального благосостояния, который за короткое время стал одним из крупнейших в мире. Формирование такого фонда в Китае, в отличие от большинства суверенных фондов в мировой практике, не зависит от природных ресурсов, он носит инвестиционный характер, т.е. не становится резервом в случае недостаточности бюджетных средств. По этой причине фонд создан вне бюджета за счет средств, которые

были резервами государства в иностранной валюте, и находится под управлением специально созданного юридического лица — корпорации.

В Индии существуют оба вида фондов, аккумулирующих резервы: суверенный фонд государства и фонды чрезвычайных расходов Индии и штатов, указание на которые закреплено в ст. 110 и 199 Конституции Индии⁶, т.е. правовое регулирование этих фондов носит конституционный характер, что является отличительной особенностью данных фондов по сравнению со многими другими государствами. Правом распоряжаться фондами чрезвычайных расходов, использование средств которых носит непредвиденный характер, обладают органы исполнительной власти соответствующего уровня. Именно эти фонды наиболее соответствуют резервным фондам в Российской Федерации. В Индии также существует фонд, который прямо именуется государственным резервным фондом, но он представляет собой фонд аккумуляции пенсионных сбережений.

Что касается стран — членов СНГ, выделим те из них, с которыми Российская Федерация имеет наиболее тесные экономические и социальные связи.

В Республике Казахстан правовое регулирование резервных фондов несколько изменилось с 2025 г., поскольку с 1 января 2025 г. вступил в силу новый Бюджетный кодекс Республики Казахстан⁷. В этом нормативном правовом акте выделена самостоятельная глава 5, регулирующая бюджетные резервы.

Ранее использовалось понятие резервных фондов, теперь же применяется более широкая категория «резервы», что объясняется составом указанных резервов (ст. 20 Кодекса). Например, резерв республиканского Правительства включает в себя чрезвычайный резерв, резерв на неотложные затраты, на покрытие дефицита наличности бюджетов нижестоящего уровня и др.

⁵ См. подробнее, например: Данилина М. В. Особенности суверенного фонда благосостояния ОАЭ Инвестиционного управления Абу-Даби // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 10. С. 62–68.

⁶ URL: <https://legalns.com/download/books/cons/india.pdf> (дата обращения: 10.05.2025).

⁷ Бюджетный кодекс Республики Казахстан от 15.03.2025 № 171-VIII // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2500000171> (дата обращения: 15.05.2025).

(перечень закрытый). Состав резервов местных бюджетов сходен, но не включает резерв для жизнеобеспечения населения при ликвидации чрезвычайных ситуаций; вероятно, это связано с распределением полномочий между уровнями публично-правовых образований.

Кроме того, Кодекс содержит указание на содержание направления расходов из каждого резерва. Например, средства на неотложные затраты могут тратиться на устранение ситуаций, угрожающих политической, экономической и социальной стабильности всего государства или его административно-территориальной единицы, а также жизни и здоровью людей.

Выделяется резерв Президента, предназначенный для финансирования непредвиденных или безотлагательных затрат, связанных с реализацией инициатив Президента. Обязательными критериями расходования резервов являются отсутствие иных бюджетных источников для осуществления таких расходов и указание на причины невозможности их планирования при разработке бюджета.

В соответствии с указанной главой Кодекса резервы образуются в составе бюджетов любого уровня, кроме низшего (местных бюджетов). Целью их формирования является финансирование затрат, не запланированных при разработке соответствующих бюджетов в силу их непредвиденности и требующих безотлагательного финансирования в текущем финансовом году.

Порядок распределения и использования бюджетных средств за счет резервов определяется Правительством, даже если резерв распределяется на инициативы Президента. Выделение и использование средств любого из этих фондов осуществляются на основании решения высшего органа исполнительной власти соответствующего уровня, также указанным правом определять выделение средств из резервов обладает орган в сфере гражданской защиты, что является отличительной чертой правового регулирования резервов бюджетов в Казахстане.

Резервы имеют ограничения по объемам, причем в некоторых случаях устанавливается

минимальный объем, в других — максимальный, а иногда — оба критерия закрепляются законодательно. Например, резерв местного исполнительного органа должен быть не менее 2 % от объема бюджетных поступлений, но из этого объема при соответствующем расчете вычитаются трансферты, займы, бюджетные изъятия в вышестоящий бюджет. В случае недостаточности средств резерва он может быть увеличен за счет перераспределения остальных резервов данного бюджета.

В статье 38 Бюджетного кодекса Республики Беларусь от 16.07.2008 № 412-З⁸ урегулирована возможность создания резервных фондов Президента и Правительства Республики Беларусь, а также резервных фондов местных исполнительных и распорядительных органов. Следует обратить внимание на то, что, как и в случае с Казахстаном, речь идет о фондах соответствующих органов власти и управления, а не публично-правовых образований, в отличие от российского законодательства, которое позволяет на региональном и местном уровнях создавать резервные фонды как органов публичной власти (местного самоуправления), так и публично-правовых образований.

Как и в Российской Федерации, в Беларуси нельзя формировать фонды представительных органов власти (ст. 42 Кодекса), в Казахстане же прямого запрета на такие действия в Кодексе не содержится. Также закреплены ограничения размеров резервных фондов, которые различаются в зависимости от уровня бюджета. Применительно к фонду Президента формулировки менее категоричны, чем по отношению к иным фондам: в соответствии со ст. 43 Кодекса размер данного фонда определяется не в точном процентном выражении, а с оговоркой, и, как правило, не может превышать 1 % доходов бюджета Республики Беларусь.

В отличие от Казахстана в Беларуси характер расходов резервных фондов не настолько детализирован, и резервы не делятся по различным целевым направлениям. Характер расходов описан общим образом: предупреждение и лик-

⁸ Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Nk0800412> (дата обращения: 10.05.2025).

видация последствий чрезвычайных ситуаций и финансирование обязательств, не учтенных при утверждении бюджета / утвержденных в недостаточных размерах.

В Азербайджане существуют как внебюджетный суверенный фонд, так и бюджетные резервные фонды. Создание первого было связано с обладанием значительными природными ресурсами: был образован государственный нефтяной фонд Азербайджана, который носит стабилизационный характер.

В соответствии со ст. 6 Закона Азербайджанской Республики от 02.07.2002 № 358-iiq «О бюджетной системе»⁹ формируются резервные фонды государственного бюджета (правила использования которых устанавливаются Правительством) и Президента Республики Азербайджан (этим фондом распоряжается глава государства). Расходы из указанных фондов предназначены для осуществления мероприятий государственного и местного значения (т.е. распространяются на любой уровень), а также расходов, не предусмотренных государственным бюджетом, бюджетом Нахичеванской Автономной Республики и местными бюджетами. Выделение формирования и использования средств резервного фонда бюджета Нахичеванской Автономной Республики обусловлено конституционно закрепленными особенностями ее статуса: в соответствии со ст. 134 Конституции Республики Азербайджан она является автономным государством в составе Азербайджанской Республики.

Объем средств резервного фонда ограничен 5 % доходов бюджета, если речь идет о резервном фонде государственного бюджета, но также должно учитываться фактическое исполнение расходов этого фонда в предыдущем году. Резервный фонд Президента не должен превышать 2 % доходов бюджета и может расходоваться на мероприятия, имеющие большое значение в социально-экономической жизни государства. Поскольку формулировка законодательства носит достаточно общий характер, это позволяет вариативно использовать средства

фонда, хотя некоторые направления расходования ограничены законом. Например, нельзя тратить средства на проведение выборов и референдумов в стране, а также на пропаганду деятельности Президента. В этом положении прослеживается подход, общий с соответствующей нормой российского законодательства.

В Армении существует резервный фонд Правительства, также законодательство предоставляет возможность сформировать такие фонды на уровне местных бюджетов. Резервный фонд Правительства, в соответствии со ст. 19 Закона Республики Армения от 24.06.1997 № ЗР-137 «О бюджетной системе Республики Армения»¹⁰ (с последующими изменениями и дополнениями), представляет собой источник финансирования непредусмотренных расходов, а также расходов на обеспечение бюджетных гарантий. Последнее направление расходов отличает его от резервных фондов остальных рассматриваемых государств, где возможность такого использования средств фонда прямо не закрепляется. Размер резервного фонда Правительства ограничен 5 % бюджетных расходов на финансовый год. Что касается резервных фондов местного уровня, статья 27 указанного закона характеризует их как гарантию финансирования непрогнозируемых на год расходов и как источник дополнительного финансирования предусмотренных расходов бюджета. Поскольку местные (общинные) бюджеты делятся на административную и фондовую часть, то различны и ограничения резервов, которые муниципалитет вправе формировать внутри бюджета. Например, в административной части фонд может колебаться на практике от 5 до 20 % административной части бюджета, в фондовой части резерв не может превышать 30 % доходов этой части местного бюджета.

Таким образом, исследование показало, что формируемые в государствах, входящих в БРИКС или СНГ, фонды, носящие резервный характер, могут значительно различаться по источникам формирования и целям использования средств, а также по способам управления этими сред-

⁹ URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3600 (дата обращения: 13.05.2025).

¹⁰ URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1503&sel=show&lang=rus> (дата обращения: 13.05.2025).

ствами. Государство может осуществлять регулирование резервных фондов как в узком смысле слова, так и в широком, т.е. законодательство будет предусматривать возможность формирования и использования не только собственно резервных фондов, но и стабилизационных и иных фондов, формируемых в основном в зависимости от конъюнктуры рынка конкретного сырья, ресурса, товара. Чаще всего их функция состоит в сбережении и/или приумножении переданных в эти фонды средств для дальнейшего целевого использования, причем цели могут быть разнообразными. Такие фонды, по сути, являются резервами финансовых средств государства или какой-либо территории (публично-правового образования либо их совокупности). Черты такого фонда прослеживаются у Фонда национального благосостояния, созданного в федеральном бюджете. Резервные фонды в

узком понимании термина формируются для решения чрезвычайных, не предусмотренных в бюджете задач. В Российской Федерации примером таких фондов служат резервные фонды в бюджетах любого уровня бюджетной системы. Следует также обратить внимание на то, что в государствах — членах СНГ такие бюджетные резервные фонды (в узком смысле) используются активнее, чем в странах БРИКС, в связи с чем их законодательное регулирование более подробно и детализировано.

Таким образом, Российская Федерация активно использует международный опыт создания государственных финансовых резервов, применяя оба основных варианта образования фондов, причем все рассмотренные фонды являются бюджетными и имеют законодательно установленные источники формирования и направления использования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Болтинова О. В. Проблемы функционирования фондов в составе федерального бюджета Российской Федерации // Очерки бюджетно-правовой науки современности : монография / под общ. ред. Е. Ю. Грачевой и Н. П. Кучерявенко. — М. ; Харьков : Право, 2012. — С. 300–325.
2. Данилина М. В. Особенности суверенного фонда благосостояния ОАЭ Инвестиционного управления Абу-Даби // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2011. — № 10. — С. 62–68.
3. Петрикова Е. М. Суверенные фонды национального благосостояния страны как инструмент стабилизации финансового рынка // Финансы и кредит. — 2012. — № 10. — С. 39–50.

Материал поступил в редакцию 9 июня 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Boltinova O. V. Problemy funktsionirovaniya fondov v sostave federalnogo byudzheta Rossiyskoy Federatsii // Ocherki byudzhethno-pravovoy nauki sovremennosti: monografiya / pod obshch. red. E. Yu. Grachevoy i N. P. Kucheryavenko. — M.; Kharkov: Pravo, 2012. — S. 300–325.
2. Danilina M. V. Osobennosti suverennoogo fonda blagosostoyaniya OAE Investitsionnogo upravleniya Abu-Dabi // Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost. — 2011. — № 10. — S. 62–68.
3. Petrikova E. M. Suverennyye fondy natsionalnogo blagosostoyaniya strany kak instrument stabilizatsii finansovogo rynka // Finansy i kredit. — 2012. — № 10. — S. 39–50.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.061-069

Г. Э. Ханян*

Правовые принципы финансового обеспечения медицинской деятельности

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых принципов финансового обеспечения медицинской деятельности в Российской Федерации. В ходе исследования анализируется влияние общих принципов финансового и медицинского права на сферу финансового обеспечения медицинской деятельности, а также выделяются собственные принципы в указанной области, в частности принципы диверсификации источников финансового обеспечения медицинской деятельности, дифференциации направлений и правовых режимов финансирования медицинской деятельности; допуска частных медицинских организаций к государственному финансированию; отсутствия привязки государственного финансирования медицины к финансовому результату; подушевого финансирования; подконтрольности денежных средств, выделяемых на финансовое обеспечение медицинской деятельности; финансового обеспечения медицинской деятельности на основе системы обязательного медицинского страхования, а также принципы финансового стимулирования медицинской деятельности и финансовой защиты пациентов.

Ключевые слова: правовые принципы; принципы финансового права; принципы медицинского права; финансовое обеспечение; обязательное медицинское страхование; подушевое финансирование; государственное финансирование; медицинская деятельность; страховые взносы; бюджет; финансовая деятельность.

Для цитирования: Ханян Г. Э. Правовые принципы финансового обеспечения медицинской деятельности // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 12. — С. 61–69. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.061-069.

Legal Principles of Financing Medical Activities

Gayk E. Khanyan, Postgraduate Student, Department of Finance Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
s2022099@edu.msal.ru

Abstract. The paper examines the legal principles of providing financing for medical activities in the Russian Federation. The author analyzes the influence of the general principles of financial and medical law on financing medical activities and identifies specific principles in this area, in particular: diversification of sources of financial support for medical activities; differentiation of funding directions and legal regimes for financing medical activities; the principle of allowing private medical organizations access to state funding; the principle that state financing of healthcare should not be tied to financial results; the principle of per-capita (capitation) financing; the principle of accountability/control of funds allocated for financing medical activities; the principle of financing medical activities on the basis of the mandatory medical insurance system; as well as the principles of financial incentives for medical activities and financial protection of patients..

© Ханян Г. Э., 2025

* Ханян Гайк Эдуардович, аспирант кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
s2022099@edu.msal.ru

Keywords: legal principles; principles of financial law; principles of medical law; financial provision; compulsory medical insurance; capitation-based financing; state financing; medical activities; insurance contributions; budget; financial activity.

Cite as: Khanyan GE. Legal Principles of Financing Medical Activities. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(12):61-69. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.061-069.

Здоровье человека — важнейшее нематериальное благо, требующее должной правовой защиты. Практики врачевания (пусть и в зачаточном виде) восходят к глубокой древности, задолго до государства и права¹. В то же время история свидетельствует о том, что только государство способно создать эффективную систему здравоохранения, удовлетворяющую запросам общества. Важнейшим инструментом обеспечения медицинской деятельности является право: посредством нормативного правового регулирования государство в лице уполномоченных органов закрепляет права и обязанности субъектов медицинской деятельности (пациентов, врачей, медицинских и страховых организаций и т.д.), модель финансирования указанной деятельности, в том числе посредством создания системы обязательного медицинского страхования, устанавливает стандарты оказания медицинской помощи, порядок осуществления контроля и ответственность в рассматриваемой области.

Правовое регулирование медицинской деятельности как части общей системы здравоохранения осуществляется государством в публичном интересе. В частности, оно направлено на защиту прав и законных интересов с одной стороны населения (пациентов), с другой — врачей при взаимодействии с пациентами, медицинскими организациями, государственными органами и иными субъектами. Между тем публичный интерес распространяется далеко за пределы защиты прав отдельных категорий субъектов медицинских правоотношений: система здравоохранения

не в последнюю очередь определяет качество жизни населения страны, значительно влияет на экономические показатели как отдельных хозяйствующих субъектов, так и страны в целом, инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность государства на международной арене, производительность труда и т.д. Сказанное предопределяет тот факт, что общественные отношения, складывающиеся в процессе медицинской деятельности, в первую очередь регламентируются нормами публичных отраслей российского права: конституционной, административной, финансовой и иных. Следует, однако, оговориться, что правовое регулирование отношений в сфере медицинской деятельности носит комплексный характер: оно осуществляется нормами отраслей как публично-правовой, так и частноправовой принадлежности. Совокупность соответствующих норм в последние годы всё чаще стала рассматриваться в юридической науке в качестве комплексной отрасли российского права — медицинского права².

Состояние системы здравоохранения во многом зависит от должного финансирования: только при условии выделения необходимого объема финансовых ресурсов возможно добиться должного качества медицинской помощи, включая ее доступность в отдаленных районах, высокого уровня медицинского образования, достаточного количества медицинского персонала, обеспеченности медицинских организаций лекарственными препаратами, медицинской техникой, иным оборудованием, оперативности внедрения последних достижений науки в прак-

¹ Медицинское право России : учебник / отв. ред. А. А. Мохов. М. : Проспект, 2021. С. 3.

² См.: Панова И. В., Панов А. Б. Медицинское право и его соотношение с административно-процессуальным правом // Публичное право сегодня. 2024. № 1 (19). С. 46–62; Мохов А. А. Медицинское право как отрасль права и его место в системе российского права // Медицинское право. 2003. № 4. С. 4–7; Ситдикова Л. Б. Медицинское право как самостоятельная отрасль права: перспективы развития // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2015. № 1 (17). С. 80–88.

тическую медицину и т.д. Именно государство призвано играть ведущую роль в финансовом обеспечении медицинской деятельности, что предопределяется тем, что оно:

— является обладателем самого большого по объему фонда денежных средств;

— способно в принудительном порядке осуществлять перераспределение денежных средств (посредством обязательных платежей, таких как налоги и страховые взносы) в медицинскую сферу;

— может осуществлять средне- и долгосрочное планирование финансового обеспечения поддержания и развития медицинской деятельности в масштабе всей страны;

— создает систему органов регулирования медицинской деятельности;

— имеет возможность осуществлять финансирование медицины без привязки к положительному финансовому результату.

На сегодняшний день правовые основы финансового обеспечения медицинской деятельности закрепляются в нормативных правовых актах различной юридической силы, включая Конституцию РФ, БК РФ, НК РФ, ежегодные законы о бюджетах бюджетной системы³, федеральные законы от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Россий-

ской Федерации»⁴, от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁵, подзаконные нормативные правовые акты Президента РФ⁶, Правительства РФ⁷, Минздрава России⁸ и ряда других органов. В совокупности нормы названных источников создают правовую модель финансового обеспечения медицинской деятельности.

При этом, как известно, финансовое законодательство, особенно ряда последних лет, характеризуется повышенной изменчивостью: в нормативные правовые акты обозначенной отраслевой принадлежности вносится значительное количество изменений и дополнений, что, со всей очевидностью, не может способствовать стабильности общественных финансовых отношений. Сказанное в полной мере относится и к предмету статьи: правовое регулирование финансового обеспечения медицинской деятельности меняется с течением времени. Так, за последнее десятилетие был осуществлен переход к системе программно-целевого финансирования медицины, произошла унификация тарифного регулирования в рамках обязательного медицинского страхования, введены специальные механизмы финансирования медицинской деятельности в экстраординарных условиях (в связи с пандемией COVID-19), вносились из-

³ Федеральный закон от 30.11.2024 № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 01.12.2024 ; Федеральный закон от 30.11.2024 № 422-ФЗ «О бюджете Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» // СЗ РФ. 2024. № 49 (ч. IV). Ст. 7413.

⁴ СЗ РФ. 2010. № 49. Ст. 6422.

⁵ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁶ Указ Президента РФ от 29.06.1998 № 729 «Вопросы Федерального фонда обязательного медицинского страхования» // СЗ РФ. 1998. № 27. Ст. 3147 ; Указ Президента РФ от 15.01.2016 № 13 «О дополнительных мерах по укреплению платежной дисциплины при осуществлении расчетов с Пенсионным фондом Российской Федерации, Фондом социального страхования Российской Федерации и Федеральным фондом обязательного медицинского страхования» // СЗ РФ. 2016. № 3. Ст. 474.

⁷ Постановление Правительства РФ от 06.05.2003 № 255 «О разработке и финансировании выполнения заданий по обеспечению государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи и контроле за их реализацией» // СЗ РФ. 2003. № 19. Ст. 1838.

⁸ Приказ Минздрава России от 26.06.2015 № 370н «Об утверждении Положения об осуществлении мониторинга формирования, экономического обоснования территориальных программ государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2015. № 41.

менения в правила участия частных клиник в системе ОМС и т.д. В связи с этим необходимо выделить наиболее фундаментальные основы правового регулирования финансового обеспечения медицинской деятельности, выражающиеся в правовых принципах.

Как известно, правовой принцип — это основополагающая идея, которая лежит в основе правового регулирования общественных отношений в целом и отдельных их групп в частности. Как отмечает И. А. Цинделиани, «формирование принципов права — это длительный путь, который начинается с формирования аксиологических ориентиров общества и реализации правотворческой и правореализационной деятельности»⁹. По справедливому замечанию А. А. Ситника, «принципы являются надстройкой всей системы правового регулирования. Они раскрывают сущность права, его ценности и значение. Можно сказать, что принципы права — это философия права»¹⁰. Принципы права определяют направленность правового регулирования, отражают его философские начала.

Формальное выражение норм-принципов как отдельных структурных элементов нормативных правовых актов является важнейшим приемом юридической техники: наличие норм-принципов в законах, с одной стороны, позволяет обеспечить большую стабильность правового регулирования той или иной группы общественных отношений (принципы более устойчивы в сравнении с нормами более частного характера, которые, например, устанавливают отдельные сроки, процедуры, порядки и т.д.), а с другой — делает указанное правовое регулирование более гибким (в случае отсутствия конкретных норм правоприменитель

может опираться на общие принципы). Нормативные правовые акты, со всей очевидностью, не способны предусмотреть все возможные варианты их применения. Подобная неопределенность может выражаться в полном отсутствии норм (вследствие недостатка квалификации нормотворческих органов, появления новых групп общественных отношений, трансформации соответствующих отношений под воздействием различных факторов, квалифицированного умолчания законодателя и т.д.) — в таком случае нормы-принципы позволяют закрыть имеющиеся правовые лакуны. Кроме того, нередки случаи, когда нормы права начинают применяться не в соответствии с тем, как это было задумано изначально при их формулировании, — в таких случаях нормы-принципы позволяют привести правоприменительную практику в соответствие с духом закона.

Вместе с тем принципы права необязательно должны быть закреплены в отдельных нормах: они являются ценностным ориентиром, пронизывающим содержание всех (или большинства) норм, регулирующих отдельные области общественных отношений. Наиболее ярко сказанное проявляется на примере именно финансового права как одной из ведущих отраслей российского права. На сегодняшний день в России отсутствует отдельный нормативный правовой акт, который регулировал бы все финансовые отношения. Представляется, что это и невозможно в силу объема и разнообразия названной группы общественных отношений. В связи с этим в настоящее время в законодательстве закрепляются принципы бюджетного права¹¹, налогового права¹², финансово-правового института валютного регулирования¹³ и других структурных

⁹ Принципы финансового права : монография / И. А. Цинделиани, А. Д. Селюков, Т. А. Вершило [и др.] ; под ред. И. А. Цинделиани. М. : Проспект, 2022. С. 28.

¹⁰ Ситник А. А. Правовое регулирование финансового контроля и надзора в сфере денежного обращения в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 83.

¹¹ Ст. 28–38.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

¹² Ст. 3 Налогового кодекса Российской Федерации (части первой) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

¹³ Ст. 3 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

элементов системы финансового права. Однако общие начала названной отрасли не отражаются в формальном виде в нормах-принципах, установленных в отдельном законе. Принципы финансового права выводятся по модели «от частного к общему»: посредством анализа содержания норм ученые вычленили общие идеи, лежащие в основе указанных положений и характерные для большинства из них.

Сказанное важно для предмета настоящего исследования, поскольку одна часть принципов финансового обеспечения медицинской деятельности находит формальное выражение в отдельных нормах законов, а другая может быть выведена посредством выявления общих черт, характерных для положений, регулирующих отношения, возникающие в процессе финансирования медицины.

Кроме того, принципы правового обеспечения медицинской деятельности представляют сложную систему разноуровневых основополагающих идей с определенной иерархией. Первый уровень составляют общеправовые принципы, характерные для всех отраслей российского права. К таковым можно отнести принципы:

— законности — финансовое обеспечение медицинской деятельности должно осуществляться в точном соответствии с установленным законодательством и подзаконными нормативными правовыми актами правилами;

— федерализма — согласно ст. 72 Конституции РФ¹⁴ координация вопросов здравоохранения, в том числе обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи, относится к предмету совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ. Данная норма служит правовым основанием

для возникновения расходных обязательств по финансовому обеспечению медицинской деятельности в рамках как федерального, так и региональных бюджетов;

— справедливости — финансирование медицинской деятельности, с одной стороны, должно быть направлено на обеспечение равного доступа граждан к медицинской помощи, а с другой — гарантировать доступ к финансовым ресурсам бюджетов бюджетной системы медицинских организаций различных форм собственности (в том числе частных организаций в установленных законом случаях). Справедливость также проявляется в соразмерности и достаточности денежных средств, выделяемых на различные направления медицинской деятельности¹⁵;

— гуманизма — финансирование медицины должно быть человекоцентричным, оно ставит конечной целью обеспечение надлежащего качества жизни населения.

Вторую группу составляют отраслевые принципы финансового и медицинского права. Так, среди принципов финансового права можно отметить¹⁶:

— принцип приоритетности публичных задач в правовом регулировании финансовых отношений, сочетающихся с частными интересами граждан, — финансирование медицины направлено на достижение комплекса целей, отражающих публичный интерес, как то: сохранение и укрепление общественного здоровья, увеличение продолжительности жизни населения, повышение ее качества, поддержание экономического роста и т.д. Одновременно финансовое обеспечение медицинской деятельности сопряжено с реализацией частных интересов

¹⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. № 237. 25.12.1993.

¹⁵ На основании п. 10 ч. 1 ст. 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинская деятельность — это профессиональная деятельность по оказанию медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий и профессиональная деятельность, связанная с трансплантацией (пересадкой) органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях.

¹⁶ См.: Финансовое право : учебник / отв. ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова, Л. Л. Арзуманова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2025. С. 46–52 ; Принципы финансового права. С. 9–29.

отдельных граждан в получении оперативной, качественной и доступной медицинской помощи, а также медицинских организаций в полном и своевременном получении денежных средств;

— принцип транспарентности финансовой системы — проявляется в открытости сведений о финансовом обеспечении системы здравоохранения в целом и медицинской деятельности в частности. Транспарентность также обеспечивается системой органов финансового контроля, представляющих обществу отчетность, в которой отражаются сведения о законности, целевом характере и эффективности расходования публичных денежных средств в рассматриваемой области;

— принцип социальной направленности финансово-правового регулирования — как уже неоднократно отмечалось, государство преследует цель гарантировать населению своевременную, качественную и доступную медицинскую помощь, что выступает одним из проявлений социального государства;

— принцип самостоятельности органов местного самоуправления в формировании и использовании местных бюджетов — согласно ст. 132 Конституции РФ органы местного самоуправления в соответствии с федеральным законом обеспечивают в пределах своей компетенции доступность медицинской помощи, что, помимо всего прочего, также предполагает выделение достаточного объема денежных средств из местных бюджетов;

— принцип плановости — финансовое обеспечение медицинской деятельности основывается на системе плановых актов, в том числе законах (решениях) о бюджетах различных публично-правовых образований, государственных и муниципальных программах, национальных проектах, государственных заданиях и сметах.

Принципы медицинского права в общем виде закреплены в ст. 4 Федерального закона

«Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Среди соответствующих общих начал наиболее тесно с вопросами финансового обеспечения связаны принципы:

— соблюдения прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечения связанных с этим правами государственных гарантий — статья 41 Конституции РФ гарантирует право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также право бесплатного получения соответствующей помощи в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения. Источником финансирования бесплатного оказания помощи выступают средства бюджетов, страховых взносов, других поступлений;

— социальной защищенности граждан в случае утраты здоровья — факт утраты здоровья влечет за собой назначение ряда социальных выплат (например, пособия по временной нетрудоспособности (в том числе в связи с несчастным случаем на производстве), пенсии по инвалидности и т.д.), а также получение льгот, оплачиваемых из бюджетов бюджетной системы;

— доступности и качества медицинской помощи — как отметил Конституционный Суд РФ¹⁷ со ссылкой на Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», данный принцип обеспечивается «в первую очередь организацией оказания медицинской помощи по принципу приближенности к месту жительства, месту работы или обучения и наличием необходимого количества медицинских работников и уровнем их квалификации», а этого можно добиться только в условиях полного и своевременного финансирования.

Наконец, третью группу составляют собственно принципы финансового обеспечения медицинской деятельности, к которым можно отнести:

1) принцип диверсификации источников финансового обеспечения медицинской дея-

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 12.10.2023 № 47-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 65 Федерального закона “О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” и части второй статьи 379.5 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Елисеева».

тельности — соответствующими источниками могут выступать денежные средства:

— бюджетов публично-правовых образований;

— государственных внебюджетных фондов (федерального и территориальных фондов обязательного медицинского страхования);

— частных субъектов;

2) принцип дифференциации направлений финансового обеспечения медицинской деятельности — в зависимости от различных критериев классификации указанных направлений можно говорить о том, что в Российской Федерации осуществляется финансовое обеспечение:

— государственного и частного секторов медицины;

— медицинской помощи, оказываемой в рамках обязательного и добровольного медицинского страхования;

— медицинской помощи, проведения медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований и иных направлений профессиональной медицинской деятельности, перечисленных в п. 10 ч. 1 ст. 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»;

— первичной медико-санитарной помощи, специализированной (в том числе высокотехнологичной), скорой и паллиативной медицинской помощи;

3) принцип дифференциации правовых режимов финансирования медицинской деятельности — пересекается с двумя предыдущими принципами и заключается в том, что государство применяет различный набор правовых средств в области финансового обеспечения медицинской деятельности, составляющих в совокупности отличающиеся друг от друга правовые режимы. Так, правовые режимы финансирования медицинской деятельности различаются в зависимости от источника финансирования, вида медицинской помощи, а также ряда иных факторов. Помимо всего прочего, можно выделить и экстраординарные правовые режимы финансирования медицины — они функционируют в непредвиденных условиях (например, пандемии или эпидемии, преодоление которых

требует интенсификации деятельности медицинских и иных организаций, что сопряжено с дополнительными расходами);

4) принцип допуска частных медицинских организаций к государственному финансированию — частные медицинские организации вправе оказывать медицинские услуги в рамках обязательного медицинского страхования и получать причитающееся им возмещение понесенных в связи с этим расходов;

5) принцип отсутствия привязки государственного финансирования медицины к финансовому результату — медицинские расходы носят социальный характер, их объем не может быть связан с получаемой медицинскими организациями прибылью или убытками и рентабельностью медицинских услуг. Государственное финансирование зависит от установленных нормативов. Подобный подход направлен на защиту интересов пациентов и противодействует тотальной коммерциализации медицинских услуг;

6) принцип подушевого финансирования — финансовое обеспечение медицинской деятельности осуществляется на основании дифференцированных подушевых нормативов финансового обеспечения обязательного медицинского страхования. В Российской Федерации государственное финансирование основывается на подходе «деньги следуют за пациентом»;

7) принцип подконтрольности денежных средств, выделяемых на финансовое обеспечение медицинской деятельности, — финансовый контроль в рассматриваемой сфере обеспечивается контрольно-счетными органами, органами Казначейства России, финансовыми органами субъектов РФ и муниципальных образований, Федеральным и территориальными фондами обязательного медицинского страхования, страховыми медицинскими организациями, внутренними подразделениями медицинских организаций (в частности, бухгалтерией);

8) принцип финансового обеспечения медицинской деятельности на основе системы обязательного медицинского страхования — главным источником финансирования медицины выступают денежные средства, поступающие в результате взимания страховых взносов. Рассматриваемая система характеризуется:

— обязательностью — позволяет охватить практически все население страны;

— целевым характером — поступившие в результате взимания страховых взносов денежные средства обособляются в государственных внебюджетных фондах и идут на конкретные цели;

— солидарностью поколений — работающее поколение фактически обеспечивает доступность медицинских услуг для людей старшего поколения, которые уже утратили трудоспособность в силу возраста;

— неперсонифицированностью — объем получаемой медицинской помощи не ограничивается объемом уплаченных страховых взносов;

9) принцип финансового стимулирования медицинской деятельности — государство устанавливает льготы финансового характера (в первую очередь налоговые), способствующие снижению издержек, которые несут медицин-

ские организации в связи с осуществляемой ими деятельностью;

10) принцип финансовой защиты пациентов — очевидно, что государственное финансирование не может покрыть все издержки пациентов (например, на приобретение лекарственных препаратов), однако оно позволяет защитить население от непомерных расходов, связанных с восстановлением здоровья.

Приведенные принципы, безусловно, не исчерпывают всего многообразия фундаментальных идей, которые лежат в основе правового механизма финансового обеспечения медицинской деятельности, однако они позволяют с достаточной степенью полноты охарактеризовать суть указанного механизма и отразить ценностные ориентиры, которым следует правовое регулирование общественных отношений, возникающих в процессе финансирования медицины.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Мохов А. А. Медицинское право как отрасль права и его место в системе российского права // Медицинское право. — 2003. — № 4. — С. 4–7.
2. Панова И. В., Панов А. Б. Медицинское право и его соотношение с административным и административно-процессуальным правом // Публичное право сегодня. — 2024. — № 1 (19). — С. 46–62.
3. Принципы финансового права : монография / И. А. Цинделиани, А. Д. Селюков, Т. А. Вершило [и др.] ; под ред. И. А. Цинделиани. — М. : Проспект, 2022. — 560 с.
4. Ситдикова Л. Б. Медицинское право как самостоятельная отрасль права: перспективы развития // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». — 2015. — № 1 (17). — С. 80–88.
5. Ситник А. А. Правовое регулирование финансового контроля и надзора в сфере денежного обращения в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2021. — 506 с.
6. Финансовое право : учебник / Л. Л. Арзуманова, Н. М. Артемов, О. В. Болтинова [и др.] ; отв. ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2020. — 624 с.
7. Финансовое право : учебник / отв. ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова, Л. Л. Арзуманова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2025. — 712 с.

Материал поступил в редакцию 12 мая 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Mokhov A. A. Meditsinskoe pravo kak otrasl prava i ego mesto v sisteme rossiyskogo prava // Meditsinskoe pravo. — 2003. — № 4. — S. 4–7.
2. Panova I. V., Panov A. B. Meditsinskoe pravo i ego sootnoshenie s administrativnym i administrativno-protsessualnym pravom // Publichnoe pravo segodnya. — 2024. — № 1 (19). — S. 46–62.
3. Printsipy finansovogo prava: monografiya / I. A. Tsindeliani, A. D. Selyukov, T. A. Vershilo [i dr.]; pod red. I. A. Tsindeliani. — M.: Prospekt, 2022. — 560 s.
4. Sitdikova L. B. Meditsinskoe pravo kak samostoyatel'naya otrasl prava: perspektivy razvitiya // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». — 2015. — № 1 (17). — S. 80–88.
5. Sitnik A. A. Pravovoe regulirovanie finansovogo kontrolya i nadzora v sfere denezhnogo obrashcheniya v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2021. — 506 s.
6. Finansovoe pravo: uchebnik / L. L. Arzumanova, N. M. Artemov, O. V. Boltinova [i dr.]; otv. red. E. Yu. Gracheva, O. V. Boltinova. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2020. — 624 s.
7. Finansovoe pravo: uchebnik / otv. red. E. Yu. Gracheva, O. V. Boltinova, L. L. Arzumanova. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2025. — 712 s.

Многофункциональный подход к правовому режиму земельного участка: анализ правоприменения

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые спорные моменты правоприменения, связанные с толкованием норм о правовом режиме земельного участка. Ввиду того, что правовой режим земельного участка устанавливается исходя из его принадлежности к соответствующей категории и разрешенному использованию, сделан акцент на нормах о целевом назначении земель. Мониторинг практики показал, что административные органы по-разному оценивают использование земельного участка в соответствии с видом разрешенного использования, установленным в градостроительном регламенте, но вразрез с закрепленным в ЕГРН, а также одновременно по нескольким основным видам разрешенного использования, зачастую трактуя данные действия как правонарушение. Автор, проанализировав положения земельного и градостроительного законодательства, акты высших судов, задачи правового института целевого назначения земель, выступает за многофункциональный подход к правовому режиму земельного участка. По результатам исследования сделан вывод о том, что использование земельного участка по нескольким видам разрешенного использования, установленным для данной территориальной зоны, в том числе занесение такой информации в ЕГРН, не противоречит законодательству и соответствует функциональной направленности норм о правовом режиме земель. В публикации обосновывается предложение об отмене установленной в ЗК РФ обязанности собственника информировать органы ЕГРН о виде (видах) разрешенного использования земельного участка как искусственно созданной.

Ключевые слова: земельный участок; целевое назначение земель; вид разрешенного использования; категория земель; территориальная зона; зонирование территорий; градостроительный регламент; земельное право; публичный интерес; права собственника.

Для цитирования: Андреева Е. М. Многофункциональный подход к правовому режиму земельного участка: анализ правоприменения // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 12. — С. 70–80. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.070-080.

© Андреева Е. М., 2025

* Андреева Елена Михайловна, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правовой охраны окружающей среды Санкт-Петербургского государственного университета
Университетская наб., д. 7–9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034
elenaandreeva09@mail.ru

A Multifunctional Approach to the Legal Regime of a Land Lot: Analysis of Law-Application Practice

Elena M. Andreeva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Legal Protection of the Environment, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
elenaandreeva09@mail.ru

Abstract. The paper examines several contentious issues of law enforcement related to interpretation of the rules regarding the legal regime of a land lot. Since the legal regime is determined by the lot's category and permitted use, the author focuses on norms concerning the designated purpose of land. Monitoring of practice shows that administrative bodies differently assess use of a plot that corresponds to the type of permitted use established in the urban-planning regulations but contradicts the entry in the Unified State Register of Real Estate (EGRN), and likewise assess simultaneous use under several main permitted-use types — often treating such actions as violations. Having analyzed land and urban-planning legislation, rulings of higher courts, and the aims of the legal institute of land designation, the author advocates a multifunctional approach to the legal regime of a land plot. The study concludes that using a plot under several permitted-use types established for a given territorial zone, including entering such information in the EGRN, does not contradict legislation and aligns with the functional purpose of the norms regulating land legal regimes. The paper substantiates a proposal to abolish the obligation established in the Land Code of the Russian Federation for the owner to inform the EGRN authorities about the type(s) of permitted use of a land plot as an artificially created requirement.

Keywords: land lot; designated purpose of land (land-use designation); type of permitted use; land category; territorial zone; territorial zoning; urban-planning regulation; land law; public interest; property-owner rights.

Cite as: Andreeva EM. A Multifunctional Approach to the Legal Regime of a Land Lot: Analysis of Law-Application Practice. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(12):70-80. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.070-080.

Введение в проблематику выбора правового режима земельного участка

Несмотря на то что законодательство не содержит дефиниции понятия «правовой режим земельного участка», из ст. 7 ЗК РФ следует, что он предопределен принадлежностью земельного участка к той или иной категории земель и разрешенному использованию. В свою очередь, категория земель и разрешенное использование являются многосоставными понятиями, одним из наиболее значимых элементов является целевое предназначение земель. Последним обусловлена обязанность собственников и не-собственников земельных участков использовать их в соответствии с целевым назначением (ст. 42 ЗК РФ). Правовой каркас норм о целевом использовании земель составляют ЗК и ГрК РФ. Исторически первой легальной единицей ста-

ла категория земель, которая была введена в 1968 г. Основами земельного законодательства Союза ССР и союзных республик¹. В начале 90-х годов ввиду того, что этот механизм не мог полностью обеспечить выполнение тех функций, которые были на него возложены, в первую очередь в отношении земель населенных пунктов, в законодательстве появилась дефиниция разрешенного использования (вида разрешенного использования), которая имела своей целью регламентацию целевого использования земель внутри одной категории (изначального, территории населенных пунктов). Названный аспект правового режима земельного участка будет предметом изучения в рамках настоящей статьи. Следует обратить внимание на то, что виды разрешенного использования земельных участков определяются в соответствии с классификатором, утвержденным фе-

¹ Ведомости ВС СССР. 1968. № 51. Ст. 485.

деральным органом исполнительной власти (ст. 7 ЗК РФ). Согласно данному классификатору, утвержденному в настоящее время приказом Росреестра от 10.11.2020 № П/0412, определено более 100 различных видов разрешенного использования². ЗК и ГрК РФ также делят разрешенное использование на три вида: основной, вспомогательный и условно разрешенный, не разясняя данные понятия. Таким образом, термин «вид разрешенного использования» применяется к двум разным классификационным рядам — в части разграничения на основной, вспомогательный и условно разрешенный виды и в отношении разделения на виды целевого использования (например, индивидуальная жилая застройка, садоводство, дома социального обслуживания), которые определены классификатором и тоже могут быть основными, условно разрешенными или вспомогательными.

Поскольку вид разрешенного использования является относительно новым правовым явлением, в правоприменении возникает много спорных моментов с интерпретацией надлежащего поведения лица по эксплуатации земельного участка в соответствии с видом разрешенного использования. В частности, судебная практика не дает однозначного ответа на следующие вопросы: 1) имеет ли место факт целевого использования земельного участка, когда он используется в соответствии с основными видами разрешенного использования, установленными в градостроительном регламенте, но не в соответствии с видом разрешенного использования, указанными для него в ЕГРН; 2) можно ли использовать земельный участок одновременно в соответствии с несколькими предусмотренными в градостроительном регламенте основными видами разрешенного использования; 3) можно ли внести в ЕГРН одновременно несколько основных видов разрешенного использования земельного участка, соответствующих градостроительному регламенту? Указанная проблематика объединена одной идеей, а именно многофункциональностью (либо отсутствием) выбора собственником

правового режима земельного участка в фокусе его целевого использования. Изучение практики, доктрины, отдельных норм земельного и градостроительного законодательства привело автора к мнению об обоснованности предоставления собственнику права самостоятельно выбирать и использовать земельный участок в соответствии с любым основным (основными) видом разрешенного использования, предусмотренным градостроительным регламентом, без каких-либо дополнительных формальностей.

Правомерность использования земельного участка в соответствии с основными видами разрешенного использования, установленными в градостроительном регламенте, но не в соответствии с видами разрешенного использования, указанными для него в ЕГРН

При рассмотрении жалоб на законность постановлений о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ суды вынуждены обращаться к оценке объективной стороны этого состава. Она заключается в действиях по использованию земельного участка не по целевому назначению. В рамках настоящего исследования автора заинтересовала интерпретация со стороны субъектов правоприменения факта эксплуатации земельного участка по назначению, указанному в градостроительном регламенте, но вразрез с закрепленным в правоудостоверяющих документах на земельный участок (ЕГРН).

Многие суды рассматривают названное обстоятельство как правонарушение. Например, в одном из решений в ответ на аргумент заявителя об использовании земельного участка согласно виду разрешенного использования данной территориальной зоны, суд, имея в виду ЕГРН, указал, что «за установлением вида разрешенного использования земельного участка, соответствующего фактическому, заявитель не обращался», и признал его действия нецелевым

² Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 22.01.2025.

³ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 05.12.2019 по делу № А40-232562/2019-122-1871 // СПС «КонсультантПлюс».

использованием³. В другом решении суд, оценивая факт использования земельного участка в соответствии с видами разрешенного использования, определенными в градостроительном регламенте, обратил внимание на то, что к числу дополнительных сведений, вносимых в государственный кадастр недвижимости, относится разрешенное использование, если объектом недвижимости является земельный участок⁴, и отказал в отмене постановления о привлечении к административной ответственности за использование земель не в соответствии с видом разрешенного использования, указанным в кадастре. Однако есть и противоположные примеры. Так, Арбитражный суд Забайкальского края, выяснив, что земельный участок используется в соответствии с категорией земель и назначенной для него территориальной зоной, указал: «То обстоятельство, что в Едином государственном реестре недвижимости для земельного участка зарегистрирован иной вид разрешенного использования... в целях применения части 1 статьи 8.8 КоАП Российской Федерации не имеет правового значения» — и квалифицировал действия землепользователя как правомерные⁵.

В 2021 г. Конституционный Суд РФ, обратившись к комментируемому обстоятельству, констатировал правовую неопределенность в вопросе о том, нужно ли собственнику земельного участка отражать в ЕГРН вид разрешенного использования, и рекомендовал законодателю ее устранить⁶. Рекомендации Конституционно-

го Суда РФ были учтены Федеральным законом от 30.12.2021 № 493-ФЗ⁷. Им в ЗК и ГрК РФ были включены нормы о том, что основной или условно разрешенный вид разрешенного использования земельного участка считается выбранным со дня внесения сведений в ЕГРН. В пояснительной записке к проекту закона отмечалось, что ни ГрК РФ, ни ЗК РФ непосредственно не возлагают на лицо, использующее земельный участок не только в соответствии с основным видом его разрешенного использования, указанным в ЕГРН, но и в соответствии со вспомогательным видом разрешенного использования, каких-либо обязанностей по уведомлению о своем решении тех или иных органов публичной власти. В то же время обязанность собственника (правообладателя) вносить сведения о выбранных им видах разрешенного использования принадлежащего ему земельного участка в ЕГРН может быть установлена исходя из взаимосвязанных положений ст. 5 и 13 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»^{8, 9} (далее — Закон № 218-ФЗ).

Отсюда можно сделать вывод, что законодатель однозначно настаивает на обязанности землепользователя эксплуатировать земельный участок крайне ограниченно, а именно только по выбранному им и внесенному в ЕГРН виду разрешенного использования, даже несмотря на то, что соответствующая территориальная зона предлагает вариативность правовых режимов.

⁴ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 15.10.2018 по делу № А40-167728/18-130-1978 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Решение Арбитражного суда Забайкальского края от 28.01.2022 по делу № А78-5740/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.10.2020 № 42-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки М. Г. Анциновой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 6.

⁷ Федеральный закон от 30.12.2021 № 493-ФЗ «О внесении изменений в статью 7 Земельного кодекса Российской Федерации и статью 8 Федерального закона “О государственной регистрации недвижимости”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.12.2024).

⁸ СЗ РФ. 2015. № 29. Ст. 4344.

⁹ См.: пояснительная записка к проекту федерального закона № 1153910-7 «О внесении изменений в статью 7 Земельного кодекса Российской Федерации и статью 8 Федерального закона “О государственной регистрации недвижимости”» // СПС «КонсультантПлюс».

Проведенный автором анализ правопримени- тельной практики после внесения прокоммен- тированных изменений свидетельствует о том, что она также пошла по пути признания неце- левым использования земельного участка не в соответствии с видом разрешенного исполь- зования, занесенным в реестр недвижимости. В этой связи интересна позиция Т. С. Красновой и В. А. Савиных, которые в своем исследовании хотя и признают обязанность правообладателя по внесению данных о выбранном виде разре- шенного использования в ЕГРН, однако пред- лагают предусмотреть самостоятельный состав административного правонарушения за ее неис- полнение. По их мнению, осуществление вида разрешенного использования из числа допустимых, даже если он не задекларирован собствен- ником в качестве фактического вида использо- вания и не внесен в ЕГРН, не причиняет вреда общественным отношениям, защищаемым ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ и, как следствие, не образует со- став правонарушения, предусмотренного упомя- нутой нормой¹⁰. Автор полностью поддерживает выводы названных ученых об отсутствии факта нецелевого использования земель и обществен- ной опасности такого деяния. Более того, в про- должение темы следует поставить под сомнение целесообразность вменения собственникам зе- мельных участков обязанности по инициативно- му внесению данных о конкретном виде разре- шенного использования в ЕГРН.

Правомерность занесения в ЕГРН и использования земельного участка в соответствии с двумя и более основными видами разрешенного использования, установленными в градостроительном регламенте

Развивая многофункциональный подход к использованию земли, необходимо коснуться еще

одного поднятого практикой спорного вопроса: может ли правообладатель земельного участка выбрать и внести в ЕГРН несколько основных видов разрешенного использования, предусмотренных градостроительным регламентом? Судами этот важный вопрос решается неодно- значно. Например, в одном из дел гражданин обжаловал отказ Росреестра в регистрации права собственности на реконструированный индивидуальный жилой дом, расположенный на земельном участке с видом разрешенного использования для размещения индивидуаль- ного жилого дома. Поводом для отказа явилось то, что после реконструкции жилой дом пред- ставлял собой два строения — односемейный жилой дом и двухэтажный дом, в одном из ко- торых были расположены кафе и магазин по продаже цветов и фейерверков. Судебные ор- ганы всех инстанций подтвердили законность отказа в государственной регистрации права, в том числе указав на то, что отведение зна- чительной части жилого дома под строения коммерческого назначения не предполагает сохранение параметров, установленных для жилого помещения. Строительство подобного сооружения не согласовано в установленном порядке, не учитывает вид разрешенного ис- пользования земельного участка¹¹. Позднее то же лицо при тех же обстоятельствах в судебном порядке потребовало признать право собствен- ности на указанную недвижимость. Эксперти- за, назначенная в апелляционной инстанции, показала, что объект недвижимости является индивидуальным жилым домом со встроенны- ми помещениями общественного назначения. Постройка соответствует видам разрешенного использования, установленным для террито- риальной зоны. Встроенные помещения об- щественного назначения, используемые под кафе и магазин цветов, предназначены для

¹⁰ Савиных В. А., Краснова Т. С. «Безответственное» изменение вида использования земельного участка // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 7. С. 5–20.

¹¹ Решение Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга от 27.06.2016 по делу № 2а-5218/2016 ; апел- ляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.11.2016 по делу № 33а-22901/2016 ; определение Верховного Суда РФ от 26.06.2017 № 78-КФ-17-926 // Сайт Приморского районного суда Санкт-Петербурга. URL: https://primorsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=case&case_id=665915498&case_uid=08e53dd1-f363-4f68-b101-1f67943a1b35&delo_id=41.

удовлетворения как бытовых нужд, связанных с проживанием в индивидуальном жилом доме, так и для удовлетворения иных нужд. В итоге требования гражданина были удовлетворены и фактически судом признано законным использование его земельного участка по нескольким видам разрешенного использования, соответствующим территориальной зоне¹².

В другом деле Новосибирский районный суд, хотя и признал законным привлечение организации к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ ввиду того, что в ЕГРН фактический вид разрешенного использования ею внесен не был, заметил, что в отношении земельного участка может быть установлено несколько видов разрешенного использования. При этом он сослался на ст. 8 Закона № 218-ФЗ, согласно которой в кадастр недвижимости вносятся вид или виды разрешенного использования земельного участка, здания, сооружения, помещения. Соответственно, собственник имеет право зарегистрировать несколько видов разрешенного использования земельного участка. Суд также указал, что из системного толкования ст. 37 ГрК РФ и Закона № 218-ФЗ следует, что наличие согласно градостроительному регламенту возможности использования земельного участка в соответствии с другим видом разрешенного использования не отменяет обязанности пользователя земельного участка оформить в установленном действующим законодательством порядке свой выбор разрешенного использования земельного участка из числа всех допустимых видов¹³. Данное решение было проверено в двух последующих инстанциях.

Третий пример интересен тем, что местная администрация (административный истец) об-

жаловала в суд решение Федеральной кадастровой палаты, которым последняя по заявлению правообладателя ранее установленный вид разрешенного использования земельного участка «под эксплуатацию рынка» изменила одновременно на нескольких видов, а именно на предприятия общественного питания; ночные клубы, залы для аттракционов и развлечений, танцевальные залы и дискотеки, развлекательные комплексы, помещения для игр в боулинг, бильярда, активных детских игр, информационные, компьютерные (неигровые) центры, справочные бюро, архивы, библиотеки; магазины продовольственные и промтоварные; рынки продовольственных и непродовольственных товаров. Градостроительный регламент территориальной общественно-деловой зоны (ОД), на которой расположен земельный участок, содержит данные основные виды разрешенного использования. Истец просил восстановить прежний (один) вид разрешенного использования земельного участка. При этом в обоснование своих требований он утверждал, что указание в государственном кадастре недвижимости более одного вида разрешенного использования земельного участка не предусмотрено действующим законодательством. Напротив, Федеральная кадастровая палата отмечала, что действующее законодательство не содержит ограничения по количеству видов разрешенного использования, которые могут быть выбраны самостоятельно правообладателями. Суды первой и апелляционной инстанций посчитали действия Федеральной кадастровой палаты правомерными, тогда как кассационная инстанция, поддержанная Верховным Судом РФ, напротив, указала на их незаконность¹⁴.

¹² Решение Приморского районного суда Санкт-Петербурга от 06.03.2019 по гражданскому делу № 2-1869/2019 ; апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 20.10.2020 № 33-5372/2020 // URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=doc&number=43209647&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 05.01.2025).

¹³ Решение Новосибирского районного суда Новосибирской области по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении от 13.02.2020 по делу № 12-21/2020 // Сайт Новосибирского районного суда. URL: https://novosibirsky--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=doc&number=164944144&delo_id=1502001&new=0&text_number=1 (дата обращения: 07.01.2025).

¹⁴ См., например: постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 01.06.2015 по делу № А57 11143/2014 ; определение Верховного Суда РФ от 25.09.2015 № 306-КГ15-11399 по делу № А57-

В четвертом примере (дело № 12-896/2021) был установлен и не опровергнут факт наличия у земельного участка одновременно двух видов разрешенного использования, занесенных и в ЕГРН, и в договор аренды городского земельного участка г. Москвы¹⁵.

Законодательство прямого ответа на рассматриваемый вопрос тоже не дает. Так, часть 2 ст. 7 ЗК РФ провозглашает, что в отношении земельного участка в соответствии с федеральным законом могут быть *установлены один или несколько* основных, условно разрешенных или вспомогательных видов разрешенного использования, как бы указывая на множество возможных вариантов. Однако предложением ниже уже в единственном числе установлено, что любой *основной* или *вспомогательный* вид разрешенного использования из предусмотренных градостроительным зонированием территорий выбирается правообладателем. По тексту ст. 37 ГрК РФ термин «вид разрешенного использования» употребляется во множественном числе. Минэкономразвития России в своем письме, разъясняющем порядок определения кадастровой стоимости земельного участка *с более чем одним видом разрешенного использования*, косвенно подтверждает возможность наличия у земельного участка нескольких видов разрешенного использования¹⁶.

Как будет обосновано ниже, рассматриваемую проблему стоит решать в пользу собственников исходя из многофункциональности (вариативности) использования земельного участка.

Положительные и отрицательные стороны многофункционального подхода к правовому режиму использования земельного участка

Как показано выше, правовой режим земельного участка напрямую зависит от того, каким образом будут разрешены поднятые вопросы правоприменения. Признание возможности эксплуатации земельного участка по любым основным видам разрешенного использования, установленным для соответствующей территориальной зоны, ведет к широкой вариативности выбора его целевого назначения.

Вместе с тем законодатель и правоприменительная практика в большинстве случаев идут по пути ограничений и запретов. Каковы же причины такого подхода? Стороны процесса, а также суды в своих решениях объясняют это необходимостью обеспечения фискальных интересов государства. Например, в одном из дел суд указал, что «осуществление на земельном участке деятельности, связанной с размещением пункта общественного питания... влечет изменение вида разрешенного использования земельного участка, в зависимости от которого изменяется процентная ставка по выплате арендных платежей (земельного налога), основанная на оценке рыночной стоимости земельных участков в составе земель населенных пунктов, в соответствии с приказом Минэкономразвития РФ от дата № 540»¹⁷. Таким образом, вариативность вида разрешенного использования может повлечь уменьшение доходов государства. С этим следует согласиться, однако и здесь не все так однозначно. Прежде всего следует разобраться

11143/2014 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://arb.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&service=aa2&base=ASPV&n=860249> (дата обращения: 05.01.2025).

¹⁵ Решение Тушинского районного суда г. Москвы от 05.05.2021 по делу № 2-896/2021 // Сайт Тушинского районного суда г. Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tushinskij/services/cases/appeal-admin/details/21217890-4456-11eb-bba8-7f4ced88ecee?caseDateFrom=&caseDateTo=&caseFinalDateFrom=&caseFinalDateTo=&caseNumber=&codex=8.8&docsDateFrom=&docsDateTo=&documentStatus=&documentType=&hearingRangeDateFrom=&hearingRangeDateTo=&judge=&participant=&publishingState=&sessionRangeTimeFrom=&sessionRangeTimeTo=&sessionRoom=&uid=&year=&formType=fullForm&page=3> (дата обращения: 07.01.2025).

¹⁶ Письмо Минэкономразвития России от 21.07.2010 № Д06-2323 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ См.: решение Савеловского районного суда г. Москвы от 11.08.2022 по делу № 12-0550/2021 // Официальный сайт Савеловского районного суда г. Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/savyolovskij/services/>

с тем, о каких фискальных интересах идет речь, и каким образом на них может повлиять целевое назначение земельного участка. Если речь идет о налоговых доходах, то в первую очередь это земельный налог. Он рассчитывается исходя из кадастровой стоимости земли, которая в том числе зависит от рассматриваемой характеристики земельного участка. В пункте 10 Методических указаний о государственной кадастровой оценке (далее — Методические указания) сказано, что земельный участок характеризуется его целевым назначением, **а также** видом осуществляемой на нем деятельности. Согласно п. 2 того же документа предусмотрен учет вида (*видов*) разрешенного использования, а также назначения или наименования объекта недвижимости, содержащихся в ЕГРН¹⁸. Как можно заметить, при расчете стоимости применяется не только целевое назначение, но и иные характеристики земельного участка.

К этому добавим, что инициативное установление вида разрешенного использования может как увеличить, так и уменьшить доходную базу государства. Некоторые авторы справедливо отмечают, что зачастую правообладатели злоупотребляют своими правами на установление вида разрешенного использования для снижения размера земельного налога. Как указывает В. С. Исаков, «не все правообладатели руководствуются исключительно хозяйственными мотивами при изменении ВРИ земельного участка. Одно дело, когда снижение размера земельного налога имеет второстепенное значение для

правообладателей, которые в первую очередь заинтересованы в освоении нового вида деятельности или развитию находящейся в их пользовании территории. Совсем иной складывается ситуация, в которой правообладатель злоупотребляет правом на изменение ВРИ земельного участка с целью избегания повышенного налогообложения»¹⁹. О. В. Вагина пишет, что выбор указанного вида разрешенного использования на практике может носить мнимый (фиктивный) характер, что неблагоприятно отразится на фискальной цели, связанной с формированием местного бюджета²⁰.

Возможно, поэтому пунктом 3 Методических указаний предусмотрено, что выбор подхода к оценке или обоснованный отказ от его использования осуществляется исходя из особенностей вида разрешенного использования, назначения или наименования объектов недвижимости, а также достаточности и достоверности располагаемой рыночной информации, которые определяются по итогам анализа рынка недвижимости. Кроме того, согласно п. 55 Методических указаний для целей определения кадастровой стоимости объекты недвижимости, подлежащие оценке, объединяются в группы (подгруппы) на основе сегментации объектов недвижимости²¹.

Таким образом, можно прийти к выводу, что, во-первых, установление единственного вида разрешенного использования может как уменьшить, так и увеличить доходы бюджета. Во-вторых, нормативно-правовые документы позволяют учесть многофункциональный

cases/appeal-admin/details/8b36fb80-0fac-11eb-a27e-df3c553d1756?codex=8.8&judge=%D0%A7%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0+%D0%9E.%D0%AE.&year=2021&formType=fullForm (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁸ Приказ Росреестра от 04.08.2021 № П/0336 «Об утверждении Методических указаний о государственной кадастровой оценке» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.12.2021).

¹⁹ Исаков В. С. Право на изменение вида разрешенного использования земельного участка: проблемы злоупотребления // Вопросы российского и международного права. 2019. № 11. С. 142–149.

²⁰ Вагина О. В. О допустимости выбора собственником земельного участка вида разрешенного использования «запас» (на примере анализа Правил землепользования и застройки муниципальных образований Свердловской области) // Экологическое право. 2023. № 3. С. 17–20.

²¹ Приказ Росреестра от 04.08.2021 № П/0336 «Об утверждении Методических указаний о государственной кадастровой оценке» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.12.2021).

подход к определению видов разрешенного использования при расчете кадастровой стоимости земли. Более того, во избежание злоупотреблений целесообразно определять кадастровую стоимость с учетом *потенциальных* видов разрешенного использования земельного участка (установленных градостроительным регламентом), а *не фактических*, которые часто не совпадают, и, конечно, иных характеристик земли.

Сам термин «вид разрешенного использования» встречается в НК РФ только в ст. 378.2 применительно к расчету налога на имущество организаций. В ней отнесение недвижимого имущества к административно-деловому или торговому центру возможно, если «один из видов» разрешенного использования земельного участка, на котором оно расположено, предусматривает размещение офисных зданий делового, административного и коммерческого назначения либо торговых объектов, объектов общественного питания и (или) бытового обслуживания. Как видим, трактовка названной статьи предполагает множество видов разрешенного использования соответствующего участка. Допускается отнесение объекта к торговому или административному центру и по другим критериям. Иные налоги привязаны не к виду разрешенного использования конкретного земельного участка, а, скорее, к виду деятельности, которую осуществляет налогоплательщик, либо к его правовому статусу. Например, категория организаций имеет льготные ставки по ряду налогов в силу своего некоммерческого статуса. Таким образом, многофункциональный подход к правовому режиму земель не будет препятствием для определения размера земельного или иного налога.

Если говорить о неналоговых доходах государства, то суды чаще всего апеллируют к арендной плате за аренду земельных участков, находящихся в публичной собственности. Действительно, размер данного дохода может зависеть от вида разрешенного использования

передаваемого в аренду земельного участка. Вместе с тем целевое использование земельного участка может быть при необходимости сужено публичным собственником путем указания конкретного вида разрешенного использования в договоре аренды земельного участка. А значит, и арендная плата может быть дифференцирована в зависимости от того вида разрешенного использования, который будет установлен договором. За невыполнение обязанности арендатора использовать земельный участок по целевому назначению, *определенному договором*, предусмотрена ответственность по гражданскому и земельному законодательству. Дополнительная ответственность может быть установлена самим договором.

В этой связи следует отметить, что правовой институт целевого использования земельных участков сам по себе не направлен на получение бюджетных доходов. Конституционный Суд РФ по этому поводу отмечает, что фискальные обязательства, включая налоговую базу по конкретному налогу, пусть и отнесенные к условиям землепользования и градостроительного дела, определяет прежде всего налоговый закон. Тем самым виды разрешенного использования и местоположение каждого земельного участка непосредственно предопределены не фискальными принципами и задачами, но принципами и целями комплексного и устойчивого развития территорий, территориального планирования и градостроительного зонирования, землепользования и застройки, границами территориальной зоны, правилами землепользования и застройки и градостроительным регламентом, а также особенностями уже сложившегося (согласно ранее действовавшим правилам) землепользования в отношении конкретных участков. При таком их назначении и разнообразии архитектурно-градостроительная деятельность и землеустройство имеют иные цели и последствия, нежели гарантии экономически обоснованного, равномерного и справедливого налогообложения недвижимости²².

²² Постановление Конституционного Суда РФ от 12.11.2020 № 46-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 4 статьи 378.2 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Московская шерстопрядильная фабрика»» // СЗ РФ. 2020. № 47. Ст. 7624.

Таким образом, фискальные интересы государства могут быть учтены при обеспечении вариативности выбора правового режима земельного участка. Более того, разнообразие допустимых целей использования земельного участка будет стимулировать экономическую активность и создаст условия для роста доходной базы бюджета. С точки зрения публичного управления земельным фондом многофункциональный подход к определению вида разрешенного использования упростит ведение земельного надзора за целевым использованием земель, сократит государственные расходы, связанные с функционированием ЕГРН (ввиду отмены обязательной фиксации в нем изменений вида разрешенного использования), а также минимизирует случаи манипулирования видами разрешенного использования для уменьшения кадастровой стоимости земельного налога или иных противоправных целей. Такой подход позволит избежать случаев обхода закона собственниками, которые вынуждены прибегать к искусственным разделам своих земель, чтобы установить различные виды разрешенного использования для вновь создаваемых участков и, например, возвести на них объекты капитального строительства разного целевого назначения.

Выводы

Исходя из изложенного, автор ратует за многофункциональный подход к правовому режиму земель, который в первую очередь должен проявляться в наделении собственника правом на использование земельного участка по любому

виду разрешенного использования, указанному в градостроительном регламенте, без каких-либо дополнительных формальностей. Обязанность землепользователя по инициативному извещению государства о выбранном (выбранных) виде (видах) разрешенного использования и внесению сведений о нем (них) в ЕГРН кажется искусственно созданной, а потому излишней. При этом полагаем, что в ЕГРН должна указываться территориальная зона участка либо перечисляться все виды разрешенного использования, относящиеся к данной зоне. Как показано выше, многофункциональный подход не будет нарушать публичные интересы, а, наоборот, обеспечит их баланс с интересами конкретных собственников земельных участков. По мнению автора, детализация вида разрешенного использования в ЕГРН безосновательно ограничивает право собственности и право на осуществление предпринимательской деятельности, гарантированные Конституцией РФ. Здесь уместно привести высказывание судей кассационной инстанции В. А. Сидоренко, Е. О. Никифорова и Н. В. Ломако, которые отметили, что сама формальная невозможность установления в силу п. 3 ст. 37 ГрК РФ для земельного участка в сведениях кадастрового учета одновременно нескольких видов разрешенного использования либо всех предусмотренных градостроительным регламентом видов разрешенного использования не представляется оправданной какими-либо общественными либо публичными интересами²³. Полагаем, что устранение данных барьеров будет стимулировать экономическую активность и создаст условия для роста доходной базы бюджета.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вагина О. В. О допустимости выбора собственником земельного участка вида разрешенного использования «запас» (на примере анализа Правил землепользования и застройки муниципальных образований Свердловской области) // Экологическое право. — 2023. — № 3. — С. 17–20.
2. Исаков В. С. Право на изменение вида разрешенного использования земельного участка: проблемы злоупотребления // Вопросы российского и международного права. — 2019. — № 11. — С. 142–149.

²³ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа по делу от 01.06.2015 № А57-11143/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Липски С. А. Зонирование территорий как механизм обеспечения целевого использования земель // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2013. — № 6. — С. 59–65.
4. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 1153910-7 «О внесении изменений в статью 7 Земельного кодекса Российской Федерации и статью 8 Федерального закона “О государственной регистрации недвижимости”» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Рыженков А. Я. Принцип деления земель по целевому назначению на категории и его значение // Вестник Волгоградского института бизнеса. — 2016. — № 4 (37). — С. 208–213.
6. Савиных В. А., Краснова Т. С. «Безответственное» изменение вида использования земельного участка. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 01.10.2020 № 310-ЭС20-8733 и постановлению КС РФ от 16.10.2020 № 42-П // Вестник экономического правосудия РФ. — 2021. — № 7. — С. 5–20.
7. Сутягин М. Д. Зонирование территорий и разрешенное использование земель как способ определения правового режима земель и земельных участков // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 6. — С. 187–195.

Материал поступил в редакцию 22 апреля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vagina O. V. O dopustimosti vybora sobstvennikom zemelnogo uchastka vida razreshennogo ispolzovaniya «zapas» (na primere analiza Pravil zemlepolzovaniya i zastroyki munitsipalnykh obrazovaniy Sverdlovskoy oblasti) // *Ekologicheskoe pravo*. — 2023. — № 3. — S. 17–20.
2. Isakov V. S. Pravo na izmenenie vida razreshennogo ispolzovaniya zemelnogo uchastka: problemy zloupotrebleniya // *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*. — 2019. — № 11. — S. 142–149.
3. Lipski S. A. Zonirovanie territoriy kak mekhanizm obespecheniya tselevogo ispolzovaniya zemel // *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*. — 2013. — № 6. — S. 59–65.
4. Poyasnitelnaya zapiska k proektu federalnogo zakona № 1153910-7 «O vnesenii izmeneniy v statyu 7 Zemelnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i statyu 8 Federalnogo zakona «O gosudarstvennoy registratsii nedvizhimosti»» // СПС «KonsultantPlyus».
5. Ryzhenkov A. Ya. Printsip deleniya zemel po tselevomu naznacheniyu na kategorii i ego znachenie // *Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa*. — 2016. — № 4 (37). — S. 208–213.
6. Savinykh V. A., Krasnova T. S. «Bezotvetstvennoe» izmenenie vida ispolzovaniya zemelnogo uchastka. Kommentariy k opredeleniyu Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot 01.10.2020 № 310-ES20-8733 i postanovleniyu KS RF ot 16.10.2020 № 42-P // *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF*. — 2021. — № 7. — S. 5–20.
7. Sutyagin M. D. Zonirovanie territoriy i razreshennoe ispolzovanie zemel kak sposob opredeleniya pravovogo rezhima zemel i zemelnykh uchastkov // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. — 2022. — № 6. — S. 187–195.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.081-089

Е. Е. Леканова*

Установление отцовства в отношении лиц, родившихся в период действия Кодекса о браке и семье РСФСР

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что в 2024 г. Конституционный Суд РФ пришел к неожиданному выводу, что более 28 лет суды общей юрисдикции, Верховный Суд РФ неправильно толковали статью 48 Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 г. (применяемую в настоящее время на основании ст. 169 СК РФ) и неверно указывали на закрытость перечня обстоятельств, необходимых для установления отцовства в отношении лиц, родившихся в период с 1 октября 1968 г. до 1 марта 1996 г. Согласно позиции Конституционного Суда РФ, статья 48 Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 г. допускает в качестве достаточного доказательства результаты судебной молекулярно-генетической экспертизы, подтверждающие родство гражданина с предполагаемым отцом. В качестве аргумента Конституционный Суд РФ указал, что прежнее правовое регулирование (действовавшее до введения СК РФ), подлежащее применению с учетом разъяснений Пленума Верховного Суда СССР, позволяло назначение судебно-медицинской экспертизы для выяснения вопросов, связанных с происхождением ребенка. Автор придерживается традиционного толкования ст. 48 Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 г. и приводит аргументы, указывающие на закрытость перечня обстоятельств (и, соответственно, доказательств), необходимых для установления отцовства. Тем не менее внимания заслуживает позиция Конституционного Суда РФ о том, что придание судами общей юрисдикции ст. 48 Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 г. смысла, ограничивающего пределы доказывания по делам об установлении отцовства и дифференцирующего состав оцениваемых судом доказательств в зависимости лишь от даты рождения гражданина, не согласуется с принципом равенства всех перед судом. Автор приходит к выводу, что для устранения необоснованной дифференциации права на установление факта отцовства в зависимости от даты рождения (дискриминации лиц, родившихся в период с 1 октября 1968 г. до 1 марта 1996 г.) необходимо придать ст. 49 СК РФ обратную силу, сделав об этом указание в ст. 169 СК РФ.

Ключевые слова: Кодекс о браке и семье; установление отцовства; происхождение ребенка; Верховный Суд РФ; Конституционный Суд РФ; ДНК-экспертиза; молекулярно-генетическая экспертиза; судебно-медицинская экспертиза; экспертиза крови; дискриминация.

Для цитирования: Леканова Е. Е. Установление отцовства в отношении лиц, родившихся в период действия Кодекса о браке и семье РСФСР // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 12. — С. 81–89. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.081-089.

© Леканова Е. Е., 2025

* Леканова Екатерина Евгеньевна, аспирант Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова

Советская ул., д. 14, г. Ярославль, Российская Федерация, 150003
lekanova.katya@yandex.ru

Establishing Paternity for Persons Born During the Period of the RSFSR Code on Marriage and Family

Ekaterina E. Lekanova, Postgraduate Student, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov,
Yaroslavl, Russian Federation
lekanova.katya@yandex.ru

Abstract. The relevance of the study can be justified by conclusion in 2024 of the Constitutional Court of the Russian Federation that for more than 28 years the courts of general jurisdiction and the Supreme Court misinterpreted Article 48 of the 1969 RSFSR Code on Marriage and Family (applied now pursuant to Article 169 of the Family Code) and wrongly treated the list of circumstances necessary for establishing paternity for persons born between 1 October 1968 and 1 March 1996 as exhausted. According to the Constitutional Court, Article 48 of the 1969 Code admits as sufficient proof the results of a judicial molecular-genetic expert examination confirming kinship between the citizen and the alleged father. As an argument, the Constitutional Court noted that the earlier legal regime (in force before the introduction of the Family Code), when applied with account of the Plenum of the Supreme Court of the USSR's explanations, allowed appointment of forensic-medical examinations to clarify questions related to a child's origin.

The author adheres to the traditional interpretation of Article 48 of the 1969 Code and adduces arguments indicating the exhausted character of the list of circumstances (and, accordingly, of the admissible evidence) necessary to establish paternity. At the same time, the Constitutional Court's position — that construing Article 48 in a way that restricts the scope of proof in paternity cases and differentiates the set of evidence admissible solely based on a person's date of birth is inconsistent with the principle of equality before the court — deserves attention. The author concludes that to eliminate an unjustified differentiation of the right to establish paternity depending on date of birth (i.e., the discrimination against persons born from 1 October 1968 to 1 March 1996) it is necessary to give Article 49 of the Family Code retroactive effect by making an explicit provision to that effect in Article 169 of the Family Code.

Keywords: Code on Marriage and Family; establishment (determination) of paternity; child's origin; Supreme Court of the Russian Federation; Constitutional Court of the Russian Federation; DNA testing (DNA examination); molecular-genetic examination; forensic-medical examination; blood test; discrimination.

Cite as: Lekanova EE. Establishing Paternity for Persons Born During the Period of the RSFSR Code on Marriage and Family. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(12):81-89. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.081-089.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в 2024 г. Конституционный Суд РФ выработал позицию об установлении отцовства в отношении лиц, родившихся в период с 1 октября 1968 г. до 1 марта 1996 г., которая разительно отличается от позиции, которой последние 28 лет придерживались Верховный Суд РФ, суды общей юрисдикции и правоведы. Это серьезным образом влияет на правовое положение лиц, родившихся в период с 1 октября 1968 г. до 1 марта 1996 г., на порядок установле-

ния и оспаривания ими своего происхождения, на осуществление ими наследственных прав.

По смыслу разъяснения п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16¹ в настоящее время в отношении детей, родившихся в период с 1 октября 1968 г. до 1 марта 1996 г., факт отцовства может быть установлен только при наличии доказательств, подтверждающих хотя бы одно из обстоятельств, перечисленных в ст. 48 Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 г.² (далее — КоБС 1969 г.) (аналогичное разъяснение содержалось в п. 2 ранее

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

действовавшего постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.1996 № 9³).

Этот вывод был сделан Пленумом Верховного Суда РФ путем толкования ст. 169 СК РФ, согласно которой предписания СК РФ по общему правилу применяются только к семейным отношениям, возникшим после введения его в действие, из чего следует, что к семейным отношениям, возникшим до его вступления в силу, применяется законодательство, действовавшее в период их возникновения.

Конституционный Суд РФ в 2024 г. предложил иную позицию в отношении установления в судебном порядке отцовства лиц, родившихся в период с 1 октября 1968 г. до 1 марта 1996 г.⁴

В связи с этим рассмотрим основные особенности установления происхождения ребенка от отца, установленные КоБС 1969 г.

Согласно ст. 48 КоБС 1969 г. к лицам, которые были вправе инициировать дело об установлении происхождения ребенка, относились: родитель ребенка; лицо, считающее себя родителем ребенка; опекун (попечитель) ребенка; лицо, на иждивении которого находится ребенок; ребенок, достигший совершеннолетия.

В соответствии с нормами ст. 16 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о

браке и семье 1968 г.⁵ и ст. 48 КоБС 1969 г. для судебного установления факта происхождения ребенка, родившегося в период с 1 октября 1968 г. до 1 марта 1996 г., требовалось доказать наличие хотя бы одного из следующих обстоятельств: 1) совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком до рождения ребенка; 2) совместное воспитание ребенка матерью и ответчиком; 3) совместное содержание ребенка матерью и ответчиком; 4) признание ответчиком факта отцовства.

По смыслу нормы ст. 17 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1961 г.⁶ признание ответчиком отцовства доказывалось любыми фактическими данными, как то: письма, анкеты, заявления ответчика и т.п.

В соответствии с абз. 2 п. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 04.12.1969 № 10 «О практике применения судами Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье»⁷ и абз. 1 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25.03.1982 № 2 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов на детей и других членов семьи»⁸ совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и

² Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 30.07.1969) // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 2. С. 43 (утратил силу в связи с принятием Семейного кодекса РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ и Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.1996 № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 1.

⁴ См. подробнее: постановление Конституционного Суда РФ от 27.11.2024 № 55-П «По делу о проверке конституционности статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР в связи с жалобой гражданки М.» // СЗ РФ. 2024. № 50. Ст. 7841.

⁵ Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье (утв. Законом СССР от 27.06.1968 № 2834-VII) (ред. от 05.03.1991) // Ведомости ВС СССР. 1968. № 27. Ст. 241 (утратили силу на территории РФ в связи с принятием СК РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ).

⁶ Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик (утв. Законом СССР от 08.12.1961) (ред. от 07.01.1988) // Свод законов СССР. 1990. Т. 10. С. 133 (утратили силу на территории РФ с 01.02.2003).

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.12.1969 № 10 «О практике применения судами Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1970. № 1 (утратило силу в связи с изданием постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25.03.1982 № 2).

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25.03.1982 № 2 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов на детей и других

ответчиком до рождения ребенка подтверждались наличием обстоятельств, характерных для семейных отношений: проживанием в одном жилом помещении, совместным питанием, взаимной заботой друг о друге, приобретением имущества для совместного пользования и т.п. Совместное воспитание ребенка предполагало регулярное общение ответчика и ребенка, независимо от их совместного или раздельного проживания. Совместное содержание ребенка матерью и ответчиком констатировалось судом независимо от размера содержания, предоставляемого ответчиком ребенку.

Можно заметить, что перечень обстоятельств для доказывания факта отцовства в период действия КоБС 1969 г. был закрытым, в то время как в соответствии с нормой ст. 49 СК РФ для установления отцовства во внимание принимаются любые обстоятельства.

Тем не менее несмотря на претензии правоведов относительно узости и закрытости перечня обстоятельств, доказывающих факт отцовства⁹, в советское время у правоприменителей не было реальных причин для отступления от предписаний ст. 48 КоБС 1969 г. А вот после принятия СК РФ установление внебрачного отцовства стало осуществляться по двойным стандартам. Этот разительный контраст на протяжении более четверти века критиковался правоведами, но законодательной реакции по указанному вопросу так и не последовало.

Различие между двумя порядками установления отцовства — по КоБС 1969 г. и по СК РФ — усугублялось еще и внедрением в гражданский процесс ДНК-экспертизы (в СССР первые тесты на сравнение ДНК стали проводиться лишь в 1987 г.¹⁰). Для рассмотрения данной проблемы

обратимся к правоприменительной практике, связанной с применением ст. 48 КоБС 1969 г., после вступления в силу СК РФ. При разрешении некоторых дел по установлению отцовства посредством правил ст. 48 КоБС 1969 г. судами РФ проводилась молекулярно-генетическая экспертиза, которая хотя и не имела ключевого значения, но поставила серьезный вопрос перед исследователями о степени достоверности установления отцовства по правилам КоБС 1969 г.

В одних случаях доказательства, подтверждающие обстоятельства, перечисленные в ст. 48 КоБС 1969 г., и ДНК-экспертиза указывают на одно и то же лицо в качестве отца.

Например, Индустриальный районный суд г. Хабаровска принял к рассмотрению дело № 2-122/2020 о признании за истцом Ш. И. В., родившимся до 1 марта 1996 г., права на долю в наследстве, открывшемся после смерти В. В. М. Мать истца Ш. У. К. пояснила, что В. В. М. за 4–5 месяцев до рождения сына Ш. И. В. ушел к своей будущей жене В. Г. А., из-за чего В. В. М. не стал добровольно регистрировать факт отцовства. Мать истца Ш. У. К. указала, что до 16-летия истца В. В. М. с Ш. И. В. не общался, в его содержании не участвовал, а когда Ш. И. В. исполнилось 16 лет, В. В. М. пришел и сказал, что Ш. И. В. может взять его фамилию. Когда Ш. И. В. потребовалось оформить паспорт, нужен был человек, который бы подтвердил его личность. Как следует из материала проверки по факту установления личности Ш. И. В., В. В. М. дал письменное объяснение начальнику ОУФМС России о том, что он является отцом Ш. И. В. Свидетельница Р. Е. М. (родная сестра В. В. М.) пояснила, что знает Ш. И. В. как своего племянника и общается с ним, что В. В. М. бро-

членов семьи» (ред. от 18.06.1987) // Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (РФ) по гражданским делам. М., 1994 (утратило силу на территории РФ в связи с изданием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.1996 № 9).

⁹ См. подробнее: *Тарусина Н. Н.* Негативная преемственность в семейном праве: несколько штрихов к портрету в стиле экспрессионизма // Вестник Ярославского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2022. № 1. С. 78; *Тадевосян В. С.* Советская семья и социалистическое право: монография. М.: Московский рабочий, 1979. С. 47–48; *Рясенцев В. А.* Семейное право: учебник. М.: Юридическая литература, 1971. С. 171.

¹⁰ См.: *Ефимова Ю. В.* Установление отцовства в исковом производстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 3. С. 178.

сил Ш. У. К. в период ее беременности, что В. В. М. признавал Ш. И. В. своим сыном, но скрывал его существование от своей жены В. Г. А. и их общих детей. Согласно результатам генетической экспертизы, вероятность того, что Р. Е. М. действительно является тетей (по линии отца) Ш. И. В., составляет 99,99 %. Суд пришел к выводу о том, что истцом доказан факт отцовства В. В. М. в отношении истца Ш. И. В. как применительно к доказательствам, установленным для признания этого факта ст. 48 КоБС 1969 г., так и установленным статьей 49 СК РФ¹¹.

В других случаях доказательства, перечисленные в ст. 48 КоБС 1969 г., и ДНК-экспертиза указывают на разных лиц в качестве отца. В частности, гражданин Т. А. П., родившийся в 1985 г., обратился в Индустриальный районный суд г. Хабаровска с иском об установлении отцовства от умершего гражданина Н. П. О. к гражданке Н. Н. В., которую считал биологической бабушкой по линии отца (в связи с открытием наследства). Со слов истца, его матери и свидетельницы (Н. Е. П.), мать истца и ныне покойный гражданин Н. П. О. познакомились в конце зимы 1984 г., съехались после того, как истцу исполнилось 2 года, и прожили вместе около 10 лет; при этом Н. П. О. признавал Т. А. П. своим сыном. Свидетель Ж. Е. К. (бывший коллега Н. П. О.) подтвердил, что Н. П. О. называл Т. А. П. сыном и наследником, что Т. А. П., будучи подростком, приходил к Н. П. О. на работу и в гараж, Н. П. О. регулярно давал деньги Т. А. П. Свидетель Ж. Е. К. также сообщил, что Н. П. О. подарил взрослому Т. А. П. свой микроавтобус. Представитель ответчика указал, что в период зачатия ребенка Н. П. О. и Т. М. А. вместе не проживали, что Т. А. П. не является родным сыном Н. П. О. Судом была назначена генетическая экспертиза, которая показала, что вероятность того, что Н. Н. В. (мать Н. П. О.) и

Т. А. П. являются бабушкой и внуком по линии отца (и, соответственно, что гражданин Н. П. О. и Т. А. П. являются биологически отцом и сыном), составляет 6,6 %. Согласно позиции суда, этот результат не может считаться в необходимой мере доказательным и должен рассматриваться как статистически нейтральный. Суд пришел к выводу, что ныне покойный гражданин Н. П. О. и мать истца совместно воспитывали и содержали гражданина Т. А. П. в период его детства, что данные факты не были опровергнуты ответчиком с помощью достоверных доказательств, в связи с чем было принято решение об установлении отцовства¹².

На наш взгляд, нельзя не обратить внимание на то, что по результатам молекулярно-генетической экспертизы вероятность кровного родства между Н. П. О. и Т. А. П. крайне мала. Это говорит о том, что Н. П. О. заблуждался, признавая Т. А. П. родным ребенком. По правилам ст. 48 КоБС 1969 г., в отличие от правил ст. 49 и 50 СК РФ, генетическая экспертиза не может опровергнуть факт отцовства, что, на наш взгляд, оценивается крайне отрицательно, т.к. судам до сих пор в ряде случаев приходится выносить заведомо неверные решения при установлении отцовства в порядке, предусмотренном статьей 48 КоБС 1969 г. Если бы данное дело разрешалось по правилам СК РФ, то у суда была бы возможность не удовлетворить иск об установлении отцовства. Это подтверждается рядом судебных дел¹³, рассмотренных по правилам СК РФ, в которых из-за генетической экспертизы, установившей низкую или нулевую вероятность кровного родства между ребенком и предполагаемым отцом, не было удовлетворено требование об установлении происхождения ребенка от отца.

Еще по одному делу, рассмотренному Люблинским районным судом г. Москвы, решение

¹¹ Решение Индустриального районного суда г. Хабаровска от 20.05.2020 по делу № 2-122/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oSa93Nm6Y8bR/> (дата обращения: 27.01.2024).

¹² Решение Индустриального районного суда г. Хабаровска от 22.01.2020 по делу № 2-41/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tIHn0pXgQ7bv/> (дата обращения: 28.01.2024).

¹³ См, например: решение Светлоярского районного суда Волгоградской области от 03.09.2019 по делу № 2-411/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ewUf7y2i3pUC/> (дата обращения: 28.01.2024).

от 30.05.2012 было отменено апелляционной инстанцией из-за того, что суд первой инстанции установил факт отцовства в отношении истицы, родившейся в 1987 г., по правилам ст. 49, 50, 51 СК РФ, ориентируясь на результат генетической экспертизы, подтверждающий с очень большой долей вероятности факт отцовства. Так как истица родилась до 1 марта 1996 г., суд первой инстанции должен был устанавливать факт отцовства в порядке, предусмотренном статьей 48 КоБС 1969 г. Суд апелляционной инстанции в анализируемом деле не установил наличия обстоятельств, перечисленных в ст. 48 КоБС 1969 г., и отказал в удовлетворении требования об установлении отцовства и производных от него требований¹⁴. Из этого следует, что норма ст. 48 КоБС 1969 г. блокирует применение судами РФ самого достоверного доказательства, подтверждающего (опровергающего) факт отцовства, — молекулярно-генетической экспертизы.

Спустя четверть века после возникновения данная проблема попала в поле зрения Конституционного Суда РФ. Гражданка М., родившаяся в 1994 г., обратилась в суд с целью установления в отношении нее факта отцовства от умершего гражданина Е. для реализации наследственных прав. Суд первой инстанции удовлетворил иски о признании отцовства, указав в ст. 48 КоБС 1969 г. (совместного проживания гражданина Е. и матери заявительницы, признания гражданином Е. отцовства), и результатов судебной молекулярно-генетической экспертизы, подтверждающих родство гражданки М. с гражданином Е. с вероятностью 99,999 %. Суды апелляционной и кассационной инстанций отменили решение суда первой инстанции, посчитав недоказанным ни одно из обстоятельств, перечисленных в ст. 48 КоБС 1969 г. Кроме того, они посчитали, что за-

ключение молекулярно-генетической экспертизы является недопустимым доказательством, т.к. в анализируемом деле статья 49 СК РФ не может быть применена.

В связи с жалобой гражданки М. Конституционный Суд РФ рассмотрел дело о проверке конституционности ст. 48 КоБС 1969 г.¹⁵ Он пришел к неожиданному выводу, что более 28 лет суды общей юрисдикции и Верховный Суд РФ неправильно толковали статью 48 КоБС 1969 г., которая, согласно позиции Конституционного Суда РФ, допускает в качестве достаточного доказательства результаты судебной молекулярно-генетической экспертизы, подтверждающие родство гражданина с предполагаемым отцом.

В качестве аргумента Конституционный Суд РФ сослался на п. 4 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 04.12.1969 № 10 и п. 6 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25.03.1982 № 2, указав, что прежнее правовое регулирование (действовавшее до введения СК РФ), подлежащее применению с учетом разъяснений Пленума Верховного Суда СССР, позволяло назначение судебно-медицинской экспертизы для выяснения вопросов, связанных с происхождением ребенка. В связи с этим, согласно позиции Конституционного Суда РФ¹⁶, статья 48 КоБС 1969 г. не влекла отказа суда от исследования доказательств, касающихся кровного родства между ребенком и предполагаемым родителем, включая заключение судебно-медицинской экспертизы, не упомянутое в ст. 48 КоБС 1969 г.

На наш взгляд, трудно согласиться с аргументацией Конституционного Суда РФ по данному вопросу.

Во-первых, то, что перечень обстоятельств для доказывания факта отцовства в ст. 48 КоБС 1969 г. является закрытым, видно невооруженным глазом. Закрытость этого перечня конста-

¹⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 14.12.2012 по делу № 11-28309/2012 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1aV3ebJ8dzmO/> (дата обращения: 28.01.2024).

¹⁵ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 27.11.2024 № 55-П «По делу о проверке конституционности статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР в связи с жалобой гражданки М.» // СЗ РФ. 2024. № 50. Ст. 7841.

¹⁶ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 27.11.2024 № 55-П.

тировали не только правоприменители в своих судебных решениях¹⁷, но и ученые-правоведы (в частности, Ю. В. Ефимова¹⁸, Л. М. Пчелинцева¹⁹, М. В. Антокольская²⁰, Н. Н. Тарусина²¹, В. А. Рясенцев²², А. И. Пергамент²³).

Во-вторых, анализ разъяснений постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1969 г. и 1982 г. показывает, что заключение судебно-медицинской экспертизы в период действия КоБС 1969 г. не являлось самостоятельным, достаточным доказательством для установления отцовства. Оно играло вспомогательную роль: суд по своему усмотрению при подтверждении обстоятельств, предусмотренных в ст. 48 КоБС 1969 г., мог отказать в удовлетворении иска об установлении отцовства при наличии заключения судебно-медицинской экспертизы, опровергающего факт кровного родства между ребенком и предполагаемым отцом. Невключение заключения судебно-медицинской экспертизы по смыслу ст. 48 КоБС 1969 г. в разряд доказательств, подтверждающих факт отцовства, было продиктовано объективными обстоятельствами. В СССР первые тесты на сравнение ДНК стали проводиться лишь в 1987 г.²⁴ При составлении и толковании ст. 48 КоБС 1969 г. советские правоведы под судебно-медицинской экспертизой по делам об установлении отцовства понимали экспертизу крови («сопоставление состава крови ребенка, его матери и ответчика»²⁵), которая с максимальной степенью точности могла только опровергнуть факт отцовства (в случаях установления несоответствия групп крови ре-

бенка и предполагаемого отца биологическим стандартам наследования групп крови), но не могла подтвердить его, т.к. групп крови всего четыре, а мужчин — несколько миллиардов.

В-третьих, даже если бы советской медицине в 1968–1969 гг. была известна молекулярно-генетическая экспертиза, очень маловероятно, что разработчики Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье 1968 г. и КоБС 1969 г. включили бы ее в перечень обстоятельств, с помощью которых можно было бы установить отцовство в судебном порядке. В советский период идеологические установки были несколько иными, чем в постсоветский. Статья 48 КоБС 1969 г. в качестве доказательных специально устанавливала только те обстоятельства, которые свидетельствовали об устойчивых внебрачных связях родителей ребенка. В. А. Рясенцев и В. С. Тадевосян отмечают, что в целях защиты нравственности в советский период случайные половые связи не только не поощрялись, но и сильно порицались, вследствие чего советский законодатель намеренно не предоставил возможность судебного установления отцовства в отношении детей, родившихся в указанных в ст. 48 КоБС 1969 г. обстоятельствах²⁶.

Разумеется, такое положение дел было несправедливым с моральной точки зрения. «Наказание» за случайные половые связи, приведшие к рождению ребенка, возлагалось только на мать, а его биологический отец оставался в стороне. Но подобная несправедливость была

¹⁷ См.: решения Индустриального районного суда г. Хабаровска от 20.05.2020 по делу № 2-122/2020 и от 22.01.2020 по делу № 2-41/2020 ; апелляционное определение Московского городского суда от 14.12.2012 по делу № 11-28309/2012.

¹⁸ См.: Ефимова Ю. В. Указ. соч. С. 176.

¹⁹ См.: Пчелинцева Л. М. Семейное право России : учебник. М. : Норма, 2008. С. 152.

²⁰ См.: Антокольская М. В. Семейное право : учебник. М. : Норма : Инфра-М, 2013. 432 с.

²¹ См.: Тарусина Н. Н. Ребенок в пространстве семейного права : монография. М. : Проспект, 2014. С. 50.

²² См.: Рясенцев В. А. Семейное право : учебник. С. 165, 171.

²³ См.: Комментарий к Кодексу о браке и семье РСФСР / под ред. С. Н. Братуся, П. Е. Орловского. М. : Юридическая литература, 1971. С. 87.

²⁴ См.: Ефимова Ю. В. Указ. соч. С. 178.

²⁵ Рясенцев В. А. Семейное право. Советское изобретательское право / сост. Б. А. Булаевский, Е. А. Моргунова. М. : Проспект, 2023. С. 156.

²⁶ См.: Рясенцев В. А. Семейное право : учебник. С. 171 ; Тадевосян В. С. Указ. соч. С. 48.

возведена в букву закона, и для ее устранения необходимо было либо исправить ст. 48 КоБС 1969 г. в период действия названной нормы, либо сделать соответствующую оговорку в ст. 169 СК РФ о неприменении ст. 48 КоБС 1969 г., либо признать ст. 169 СК РФ противоречащей Конституции РФ в той части, в которой она позволяет применять ст. 48 КоБС 1969 г.

Таким образом, толкование ст. 48 КоБС 1969 г. говорит о том, что перечень обстоятельств для доказывания факта отцовства был закрытым (хотя это и несправедливо с моральной точки зрения), судебно-медицинская экспертиза (сравнительная экспертиза крови) носила только вспомогательный характер, и ее результаты не являлись самостоятельным основанием для установления (опровержения) отцовства в период действия КоБС 1969 г. И даже если бы молекулярно-генетическая экспертиза существовала в период разработки КоБС 1969 г., она бы не вошла в состав доказательств для установления отцовства по идеологическим причинам. Следовательно, нельзя признать правильным толкование предписаний ст. 48 КоБС 1969 г. (квалифицирующее ДНК-экспертизу как достаточное доказательство для установления отцовства в отношении лиц, родившихся в период с 1 октября 1968 г. до 1 марта 1996 г.), осуществленное Конституционным Судом РФ в 2024 г.

Несмотря на наше несогласие с таким толкованием, мы считаем, что после введения в действие СК РФ появилась возможность добиться того, чтобы при установлении отцовства граждан, родившихся в период с 1 октября 1968 г. до 1 марта 1996 г., применялись положения ст. 49 СК РФ. В постановлении от 27.11.2024 № 55-П Конституционный Суд РФ указал, что придание судами общей юрисдикции ст. 48 КоБС 1969 г. смысла, ограничивающего пределы доказывания по делам об установлении отцовства обстоятельствами, перечисленными в ч. 2 названной

статьи, и дифференцирующего состав оцениваемых судом доказательств в зависимости лишь от даты рождения гражданина, не согласуется с гарантиями судебной защиты, в том числе равенства всех перед судом, вытекающими из ст. 18, ч. 1 и 2 ст. 19 Конституции РФ²⁷.

Обратим внимание на следующие факты. До введения в действие СК РФ не существовало дифференциации состава оцениваемых судом доказательств по делам об установлении отцовства в зависимости лишь от даты рождения гражданина, и принцип равноправия в связи с указанным обстоятельством не нарушался. В свою очередь, после вступления в силу СК РФ произошла необоснованная дифференциация права на установление факта отцовства в зависимости от даты рождения (дискриминация лиц, родившихся до 1 марта 1996 г.). Нормативным основанием такой дискриминации является п. 1 ст. 169 СК РФ, который (по смыслу, придаваемому ему судами общей юрисдикции, Верховным Судом РФ, правоведами) противоречит принципу равенства прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ), что является поводом для признания названной нормы противоречащей Конституции РФ в части, допускающей применение ст. 48 КоБС 1969 г. к лицам, родившимся в период с 1 октября 1968 г. до 1 марта 1996 г.

В целях достижения справедливости, обеспечения правовой определенности и для устранения необоснованной дифференциации права на установление факта отцовства в зависимости от даты рождения (дискриминации лиц, родившихся в период с 1 октября 1968 г. до 1 марта 1996 г.) необходимо придать ст. 49 СК РФ обратную силу, дополнив п. 6 ст. 169 СК РФ абзацем 2 следующего содержания: «Положения об установлении происхождения ребенка, установленные статьями 47–53 настоящего Кодекса, применяются к установлению происхождения лиц, родившихся до 1 марта 1996 года».

²⁷ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 27.11.2024 № 55-П.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антокольская М. В. Семейное право : учебник. — М. : Норма : Инфра-М, 2013. — 432 с.
2. Ефимова Ю. В. Установление отцовства в исковом производстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2012. — № 3. — С. 173–183.
3. Комментарий к Кодексу о браке и семье РСФСР / под ред. С. Н. Братуся, П. Е. Орловского. — М. : Юридическая литература, 1971. — 248 с.
4. Пчелинцева Л. М. Семейное право России : учебник. — М. : Норма, 2008. — 384 с.
5. Рясенцев В. А. Семейное право : учебник. — М. : Юридическая литература, 1971. — 296 с.
6. Рясенцев В. А. Семейное право. Советское изобретательское право / сост. Б. А. Булаевский, Е. А. Моргунова. — М. : Проспект, 2023. — 480 с.
7. Тадевосян В. С. Советская семья и социалистическое право : монография. — М. : Московский рабочий, 1979. — 96 с.
8. Тарусина Н. Н. Негативная преемственность в семейном праве: несколько штрихов к портрету в стиле экспрессионизма // Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». — 2022. — № 1. — С. 70–81.
9. Тарусина Н. Н. Ребенок в пространстве семейного права : монография. — М. : Проспект, 2014. — 144 с.

Материал поступил в редакцию 13 апреля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Antokolskaya M. V. Semeynoe pravo: uchebnik. — M.: Norma: Infra-M, 2013. — 432 s.
2. Efimova Yu. V. Ustanovlenie ottsovstva v iskovom proizvodstve // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. — 2012. — № 3. — S. 173–183.
3. Kommentariy k Kodeksu o brake i seme RSFSR / pod red. S. N. Bratusya, P. E. Orlovskogo. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1971. — 248 s.
4. Pchelintseva L. M. Semeynoe pravo Rossii: uchebnik. — M.: Norma, 2008. — 384 s.
5. Ryasentsev V. A. Semeynoe pravo: uchebnik. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1971. — 296 s.
6. Ryasentsev V. A. Semeynoe pravo. Sovetskoe izobretatelskoe pravo / sost. B. A. Bulaevskiy, E. A. Morgunova. — M.: Prospekt, 2023. — 480 s.
7. Tadevosyan V. S. Sovetskaya semya i sotsialisticheskoe pravo: monografiya. — M.: Moskovskiy rabochiy, 1979. — 96 s.
8. Tarusina N. N. Negativnaya preemstvennost v semeynom prave: neskolko shtrikhov k portretu v stile ekspressionizma // Vestnik Yaroslavskego gosudarstvennogo universiteta imeni P.G. Demidova. Seriya «Gumanitarnye nauki». — 2022. — № 1. — S. 70–81.
9. Tarusina N. N. Rebenok v prostranstve semeynogo prava: monografiya. — M.: Prospekt, 2014. — 144 s.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.090-101

Н. В. Черных*,
Д. И. Воронцов**

Технотруд: к постановке вопроса о направлениях развития трудовых отношений в условиях развития систем искусственного интеллекта и роботизации производства

Аннотация. Статья посвящена новым тенденциям развития трудовых отношений в условиях распространения систем искусственного интеллекта и роботизации производства в России. В качестве ключевого направления авторы выделяют концепцию технотруда — формы трудовой деятельности, в которой работник выполняет задачи в тесном взаимодействии с цифровыми и автономными технологиями, в частности нейросетевыми платформами и робототехническими системами. Особое внимание уделяется анализу юридических последствий такого взаимодействия, новаций в трудовом законодательстве и изменению содержания трудовой функции работника. Авторы утверждают, что интеграция систем искусственного интеллекта и роботизации приводит к размыванию признака личного выполнения трудовой функции и трансформации обязанностей работника, включая необходимость формирования задания, контроля и корректировки результата, а также обладания специфическими цифровыми компетенциями. Выделяются риски правовой ответственности работников при использовании нейросетей из-за непредсказуемости результатов и возможных ошибок («галлюцинаций» нейросетей). Рассматриваются социальные эффекты внедрения технотруда, в том числе возможное снижение заработной платы и сокращение рабочих часов, а также проблемы справедливого распределения выгоды от роботизации между работодателем и работниками. Анализируются процедурные и правовые аспекты изменения условий трудовых договоров по инициативе работодателя при технологической модернизации на основании ст. 74 ТК РФ, делается вывод о необходимости дальнейшей доработки нормативной базы и юридических механизмов защиты работников.

© Черных Н. В., Воронцов Д. И., 2025

* *Черных Надежда Вячеславовна*, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
nvychernyh@msal.ru

** *Воронцов Дмитрий Игоревич*, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
divoroncov@msal.ru

Ключевые слова: технологическое лидерство; технологии; технотруд; производительность труда; роботизация труда; ответственность работника; трудовое право; трудовое законодательство; трудовые обязанности; работник; робот.

Для цитирования: Черных Н. В., Воронцов Д. И. Технотруд: к постановке вопроса о направлениях развития трудовых отношений в условиях развития систем искусственного интеллекта и роботизации производства // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 12. — С. 90–101. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.090-101.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер ЕГИСУ НИОКТР: 124012000079-6.

Technolabor: Addressing the Question of Directions for the Development of Labor Relations in the Context of Advancing Artificial Intelligence Systems and Production Robotization

Nadezhda V. Chernykh, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Labor Law and Social Security Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
nvychernyh@msal.ru

Dmitry I. Vorontsov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Labor Law and Social Security Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
divoroncov@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to new trends in the development of labor relations in the context of the spread of artificial intelligence systems and robotization of production in Russia. The authors highlight the concept of technolabor as a key area, namely a form of work in which workers perform tasks in close collaboration with digital and autonomous technologies, including neural network platforms and robotic systems. Particular attention is given to the analysis of the legal consequences of such interaction, innovations in labor legislation and changes in the substance of the employee's labor function. It is argued that the integration of artificial intelligence and robotic systems leads to a blurring of the characteristic of personal performance of a work function and to a transformation of employee responsibilities, including the need to formulate a task, monitor and adjust the result, as well as possess specific digital competencies. The authors highlight the risks of legal liability for workers when using neural networks due to the unpredictability of results and possible errors («hallucinations» of neural networks). The social effects of the introduction of technolabor are considered, including possible reductions in wages and working hours, as well as the problems of fair distribution of the benefits of robotics between employers and employees. This paper analyzes the procedural and legal aspects of changes to employment contracts initiated by employers during technological modernization under Article 74 of the Labor Code of the Russian Federation. It emphasizes the need for further refinement of the regulatory framework and legal mechanisms for employee protection.

Keywords: technological leadership; technologies; technolabor; labor capacity; robotization of labor; employee responsibility; labor law; labor legislation; labor responsibilities; employee; robot.

Cite as: Chernykh NV, Vorontsov DI. Technolabor: Addressing the Question of Directions for the Development of Labor Relations in the Context of Advancing Artificial Intelligence Systems and Production Robotization. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(12):90-101. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.090-101.

Acknowledgements. The paper was prepared as part of a government assignment on «The Russian legal system in the context of digital transformation of society and the state: Adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006)». Registration number EGISU NIOKTR: 124012000079-6.

Указом Президента РФ¹ технологическое лидерство определено в качестве одной из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. Минэкономразвития России дает следующее определение технологического лидерства: это технезависимость как разработка отечественных технологий на основе отечественных линий и производство конкурентоспособной продукции, а также преимущество таких технологий и продукции перед зарубежными аналогами². В этой связи возникает вопрос о возможном влиянии достижения технического лидерства на трудовое законодательство. Кроме того, совершенствование трудового законодательства на современном этапе его развития нельзя рассматривать без осмысления влияния на него цифровой экономики, цифровизации общественных отношений, технологий искусственного интеллекта (ИИ). Опыт XXI в. показывает, что некоторые технологические новшества в силу как своего существенного воздействия на привычные способы организации общественных отношений, так и широты распространения породили потребность в совершенствовании правового регулирования труда. Подобно результатам компьютеризации, постоянному доступу в сеть «Интернет», постепенно и системы ИИ становятся незаменимыми спутниками человека. Вместе с тем каждое из технологических нововведений последних десятилетий внесло значимые изменения в содержание правовых институтов, регламентирующих трудовые и иные непосредственно связанные с ними отношения. Возникает вопрос: повлечет ли повсе-

местное распространение систем ИИ, а также их дальнейшее усложнение и потенциальная способность справляться с задачами лучше, чем работник, необходимость дальнейшего развития правового регулирования или повлияет существенно на отношения, входящие в предмет трудового права? Представляется, что исследуемая проблема является одной из составляющих процесса цифровизации и его влияния на право, в том числе трудовое. А. М. Лушников определяет цифровизацию трудового права как процесс адаптации трудовых отношений к требованиям цифровой экономики³.

В Глобальном отчете Международной организации труда, приуроченном в 2025 г. к Всемирному дню охраны труда и озаглавленном «Революционные изменения в сфере здравоохранения и безопасности: роль искусственного интеллекта и цифровизации в работе», отмечено, что под влиянием цифровизации меняется как физическая, так и психосоциальная рабочая среда⁴. Отдельные эксперты заявляют, что мир движется к «экономике без труда» (post-labor economy)⁵. В статье будут раскрыты актуальные тенденции развития трудовых отношений вследствие внедрения систем ИИ; сделан прогноз относительно необходимости появления в трудовом законодательстве новых прав и обязанностей работника и работодателя; определена специфика юридической ответственности лица, работающего совместно с роботами и (или) технологиями ИИ; рассмотрен порядок введения работодателем новых технологий в производственную деятельность с точки зрения сохранения и (или) изменения трудовой функции

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 07.05.2024.

² Минэкономразвития дало определение понятию «технологическое лидерство» // Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_dalo_opredelenie_ponyatiyu_tehnologicheskoe_liderstvo.html (дата обращения: 12.08.2025).

³ Лушников А. М. Цифровизация трудового права и трудовые отношения // Закон. 2022. № 10. С. 28–37.

⁴ Revolutionizing health and safety: The role of AI and digitalization at work // Официальный сайт МОТ. URL: <https://www.ilo.org/publications/revolutionizing-health-and-safety-role-ai-and-digitalization-work> (дата обращения: 12.08.2025).

⁵ McCoy J. South Korea's Breakthrough: How Robots Replace Workers in The World's Most Automated Nation // URL: www.Firstmovers.ai (дата обращения: 23.08.2025).

работника, отражения изменений в локальных нормативных актах.

В первую очередь следует выяснить, происходит ли качественное изменение содержания трудовой деятельности человека в результате применения им систем ИИ. Важно отметить активное использование множества цифровых инструментов, направленных на оптимизацию рабочего процесса без каких-либо значимых изменений в правовом регулировании труда.

Необходимо отличать применение систем ИИ от использования иных цифровых средств, активно применяемых в различных сферах экономической деятельности. Прежде всего надо подчеркнуть, что при применении систем ИИ, в частности нейросетей, возникает определенная непредсказуемость конечного результата работы. Ввиду автономности обработки информации, способности нейросетей к самообучению и самонастройке процесс получения ответа на какой-либо запрос работника остается сложным для понимания, предпосылки к получению конкретного результата могут быть не всегда очевидны для пользователя и определяться внутренним устройством, а также исходными данными, на которых проходила обучение нейросеть. Это приводит к тому, что конечный результат работы зависит не только от содержания его запроса (промпта), компетенции работника в решаемой задаче или наличия специфических знаний для работы с такими системами ИИ, но и от решений, принятых в процессе обработки исходного запроса самой системой. Сложностью процедуры принятия решений при формулировании ответа на запрос пользователя и неоднозначностью конечного результата работы с нейросетью обусловлено одно из наиболее значимых отличий от использования иных цифровых инструментов, при применении которых результат работы подчиняется заранее определенному алгоритму, а выходные данные находятся под полным контролем работника и соответствуют изначальным ожиданиям.

Применение систем ИИ позволяет делегировать задачи, обычно решаемые за счет интеллектуальных способностей человека творческого характера, чего в иных цифровых средствах не наблюдается. Так, задачи, которые обычно

решаются с помощью иных цифровых инструментов, в конечном итоге предполагают одно или несколько конкретных решений. Именно к этим же решениям придет и работник, затратив на них, вероятно, большее количество времени, и это при условии, что он не допустит ошибок. Однако посредством нейросетей достигаются и результаты, к которым работник мог самостоятельно не прийти, что существенно расширяет спектр задач, которые могут быть решены. Это, в свою очередь, опосредует размывание содержания трудовой функции работника в связи с тем, что трудовые обязанности выполняются одновременно несколькими участниками процесса: частично работником, частично системой ИИ. Фактически в рамках данного процесса в определенной степени трансформируется признак личного выполнения трудовой функции, свойственного трудовым отношениям, так как работник действует не в полной мере самостоятельно. Это сравнимо с делегированием руководителем работы своим подчиненным. Стоит указать на ряд важных различий, не позволяющих говорить о том, что рассматриваемые процессы протекают одинаково. Когда руководитель делегирует работу подчиненным, он таким образом выполняет свою личную трудовую функцию, предполагающую, среди прочего, организацию процесса работы в управляемом подразделении, а распределение задач между работниками является одной из самостоятельных трудовых обязанностей. При использовании систем ИИ мы не всегда найдем подобные уточнения в трудовой функции. Одновременно различия можно обнаружить и в ответственности участников данного процесса. Так, в рамках трудового права при недобросовестном выполнении работы мы можем привлечь к ответственности всех работников, виновных в неудовлетворительном результате. В случае, когда работник недобросовестно выполняет работу с применением систем ИИ, субъектом юридической ответственности выступает лишь он сам. С полным основанием утверждаем, что даже при совершенствовании правового регулирования использования ИИ в будущем возможная ответственность организации — разработчика системы ИИ или непосредственно

самой системы, например при наделении ее правосубъектностью, вряд ли будет находиться в границах трудового законодательства.

Вопрос юридической ответственности работника за результат труда при использовании систем ИИ стоит остро не только из-за проблематики субъектного состава, как установлено выше, но и в связи со стремительным ростом фактического применения систем ИИ как такового, делающим возможным и содержательное размытие трудовой функции. Оно имеет место, когда работнику поручаются задачи, выходящие за пределы области его экспертных знаний, и это мотивируется возможностью использования ИИ для их решения. В таком случае у работника нет объективных шансов в полной мере оценить точность и обоснованность достигнутого результата, однако условия для получения искомого результата имеются. Это может приводить к принятию мер ответственности за ненадлежащее исполнение работником трудовых обязанностей без учета его реальных компетенций. Следовательно, существует вероятность возникновения трудовых споров из-за сложности определения конкретных границ трудовых обязанностей и уровня знаний, необходимого для их ответственного выполнения в контексте применения систем ИИ.

В качестве признака, позволяющего выделить применение систем ИИ на фоне иных цифровых средств, следует выделить необходимость обладания компетенциями, связанными с контролем и корректировкой получаемого путем информационного обмена с системами ИИ результата, что в большей степени сходно с форматом взаимодействия между руководителем и подчиненным, чем присуще связи пользователя и программы в привычном понимании. Помимо определения способа получения желаемого результата при работе с ИИ (например, как правильно составить промпт для работы с нейросетью), работник должен правильно скорректировать результат, устранить неточности, сформулировать дополнительные запросы и т.д.

Дополнительным признаком, характерным для применения систем ИИ, является неоднородность правового режима результата труда. Споры о принадлежности результата труда воз-

никают из-за того, что основная содержательная часть работы всё же выполняется не работником, а комплексом технологий, что закономерно осложняет квалификацию такого результата с позиции правового регулирования интеллектуальной собственности и авторского права. Обоснованно ли признавать автором работы работника, когда он выступил инициатором определенного интеллектуального процесса, выполненного системой ИИ (формирование запроса), внес в него корректировки и в конечном итоге представил работодателю? Каким образом следует разрешать ситуацию, при которой в результате выполнения работы с применением нейросетей фактически были нарушены интеллектуальные права третьих лиц, о чем работник не знал и объективно не мог знать? Можно ли признавать авторство работника за какой-либо новацией, созданной с применением систем ИИ? На эти вопросы сегодня нет однозначного ответа, и такая правовая неопределенность обусловлена особенностями связи работника с системами ИИ в процессе выполнения им трудовой функции.

Указанные выше признаки говорят о существенном изменении качественной характеристики трудовой деятельности при использовании систем ИИ, и эти различия принципиальны по сравнению с другими цифровыми средствами (например, программами, приложениями, традиционным программным обеспечением). Поэтому предлагаем выделить новое направление развития трудовых отношений, оптимальное для современного этапа, — использование технотруда, под которым понимается трудовая деятельность, осуществляемая работником с использованием робототехнических комплексов, ИИ, нейросетевых платформ или иных цифровых технологий, при которой конечный результат в значительной степени определяется функционалом и возможностями применяемой технологии, а функции работника преимущественно состоят в формулировании исходного задания, мониторинге, анализе, коррекции процесса и результата, требующих знаний в определенной экспертной области или областях, а также наличия специальных цифровых компетенций. Представляется, что данное понятие

применимо как в текущих реалиях, например для отражения особой правовой связи, возникающей в процессе использования нейросетей, так и в качестве универсальной категории для будущих форм труда с участием всё более автономных и интеллектуальных систем, включая сложные роботизированные комплексы.

Выделение и необходимость анализа технотруда, помимо развития технологий, объясняется еще и тем, что работодателю как субъекту, организовывающему производственные процессы, нужна определенная фигура, на которую могла бы быть возложена юридическая ответственность за неблагоприятные последствия. Поскольку ни роботы, ни ИИ пока не рассматриваются современной юридической доктриной как субъекты права⁶, то и их обособление в качестве субъектов трудового права — работников является затруднительным. Нами прогнозируется постепенное увеличение доли такого труда, при котором рабочие задачи и поручения работодателя будут выполняться в коллаборации человека и робота и (или) ИИ (нейросети). В ходе проводимого исследования будет преимущественно рассмотрено осуществление такой коллаборации с ведома и по инициативе работодателя, хотя возможен и вариант, когда работник использует ИИ (нейросеть) по собственной инициативе, не ставя работодателя в известность⁷. По результатам опроса сервиса «Авито Работа», проведенного среди 6 тыс. человек, 28 % периодически применяют ИИ в своей работе. Наиболее часто возможности нейросетей используют топ-менеджеры (19 %), старшие специалисты (13 %)

и неквалифицированные рабочие (10 %). Ежедневное использование больше характерно для респондентов в возрастных группах 18–24 лет (17 %) и 25–34 лет (12 %). Самые распространенные задачи, которые пользователи решают, связаны с генерацией текстовых материалов и идей (35 %), созданием визуального контента (26 %), переводом текстов (25 %), анализом и обработкой данных (23 %), помощью в обучении (22 %), планированием и организацией задач (16 %), 15 % автоматизируют с его помощью рутинные операции⁸.

Вместе с тем активное внедрение технотруда может нести определенные риски в сфере как физического (в основном при использовании роботов), так и умственного (интеллектуального) труда (преимущественно при использовании технологий ИИ (нейросетей)).

В отношении умственного (интеллектуального) труда при коллаборации человека и нейросети (со стороны работника) можно прежде всего выделить риск невозможности контролировать конечный результат выполняемой совместно работы. Многие исследователи считают, что искусственный интеллект умнее, чем человек. Нейросети обладают способностями обрабатывать и анализировать огромное количество информации за ограниченный объем времени. Так, искусственный интеллект достаточно успешно применяется в медицине при обработке результатов маммографии, постановке редких диагнозов⁹. В некоторых исследованиях появляется термин «техношовинизм», содержащий идею о том, что машины лучше справляются с определенными задачами, чем люди, и

⁶ Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.

⁷ По понятным причинам в отношении роботов такой вопрос рассматриваться не будет, так как сложно представить, что робот используется работником в производственной деятельности без ведома работодателя.

⁸ «Авито Работа»: треть россиян регулярно используют нейросети для рабочих задач // Официальный сайт Информационного агентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/24477503> (дата обращения: 21.08.2025).

⁹ Костарнова Н. ИИ зовут в онкологию // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7972830> (дата обращения: 18.08.2025); Алексеев А. ChatGPT установил правильный диагноз ребенку из США, когда врачи оказались бессильны // URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/09/15/21293720.shtml> (дата обращения: 18.08.2025).

это приводит к предпочтению машинного труда труду человека¹⁰.

Существует общее мнение, что нейросеть всегда выполняет только ту команду, которую ей дал пользователь, человек, либо всегда дает правильный ответ. Это подразумевает ответственность самого работника, неправильно сформулировавшего запрос или команду, если конечный результат работы содержит ошибки или неточности. Однако в современных технологиях ИИ есть механизмы самообучения, а также так называемые галлюцинации нейросети, в результате которых нейросеть может выдавать информацию, не соответствующую действительности, например выдуманные факты, цитаты, неверные сведения и т.д., что меняет представление об ответственности пользователя ИИ — работника или коллектива работников. Г. А. Гаджиев и Е. А. Войниканис указывают, что понятия «автономность робота» и «самообучение робота» означают отсутствие стопроцентной предсказуемости его поведения¹¹, в связи с чем достоверно установить вину работника, являющуюся необходимым условием привлечения его к дисциплинарной и (или) материальной ответственности, невозможно. Ввиду этого важно рассмотреть вопрос о включении в трудовое законодательство норм об освобождении работника от дисциплинарной и (или) материальной ответственности в случаях, когда причиной, которая привела к неблагоприятным последствиям, была ошибка, «галлюцинация»

нейросети и у работника отсутствовала реальная возможность ее обнаружить и (или) предотвратить.

Так, широкий резонанс получила ситуация с иском о взыскании 89 млн фунтов стерлингов против Qatar National Bank. Адвокаты истцов в своей аргументации использовали 45 ссылок на судебные решения, 18 из которых оказались фиктивными, сгенерированными искусственным интеллектом¹². Подобное поведение процессуальной стороны по делу может привести к обвинениям в халатности, неуважении к суду или наложению судебного штрафа¹³. Но здесь адвокаты не перепроверяли информацию, предоставленную нейросетями, и не предполагали, что она может оказаться неверной, а ссылки на судебные решения — несуществующими. В таком случае постановка вопроса о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности очевидна и обоснованна.

В юридической литературе высказывается суждение о том, что установить причинно-следственную связь между виной работника и наличием у работодателя прямого действительного ущерба может быть затруднительно, в силу чего привлечение работника к материальной ответственности невозможно¹⁴. Авторы, изучающие применение технологий ИИ в медицине, отмечают необходимость разработки правового механизма определения того, кто должен нести ответственность в случае ошибки ИИ — его работник, медицинское учреждение или врач,

¹⁰ Баева Л. В., Переверзев И. К. От цифровой дискриминации к цифровому шовинизму: как технологии подчеркивают или стирают социальные границы // Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности. 2025. Т. 5. № 1. С. 31–47.

¹¹ Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Указ. соч. С. 41.

¹² High court tells UK lawyers to stop misuse of AI after fake case-law citations // URL: <https://www.theguardian.com/technology/2025/jun/06/high-court-tells-uk-lawyers-to-urgently-stop-misuse-of-ai-in-legal-work> (дата обращения: 15.08.2025).

¹³ Ахмедов А. Искусственный интеллект и фальшивые прецеденты: регуляторное решение Высокого суда Англии // URL: https://zakon.ru/blog/2025/06/09/iskusstvennyj_intellekt_i_falshivye_precedenty_regulyatornoe_reshenie_vysokogo_suda_anglii (дата обращения: 15.08.2025).

¹⁴ Благодир А. Л. Материальная ответственность работника за вред, причиненный при использовании искусственного интеллекта // II Ярославский юридический форум : сборник научных статей по вопросам трудового права (30 сентября — 1 октября 2022 г.) / отв. ред. А. М. Лушников ; ЯРГУ имени П.Г. Демидова. Ярославль : Филигрань, 2023. С. 65.

использующий систему¹⁵. Г. В. Шония указывает на то, что медицинский работник не должен привлекаться к дисциплинарной ответственности при наличии скрытых конструктивных недостатков применяемой цифровой медицинской технологии¹⁶.

Следующим риском использования технотруда можно обозначить снижение умственных способностей на фоне длительного общения с нейросетями. Недавнее исследование Массачусетского технологического института (Massachusetts Institute of Technology, MIT) продемонстрировало, как применение инструментов ИИ ухудшает деятельность мозга. Тест выявил существенно более слабые связи между областями мозга, ухудшение памяти и низкую вовлеченность у участников, использовавших большие языковые модели (LLM)¹⁷. Из-за ослабления когнитивной нагрузки и снижения усилий, прилагаемых пользователем технологий ИИ для достижения приемлемого результата, у работников ухудшается критическое мышление. Уменьшение умственного участия при выполнении конкретной задачи и снижение способности к обучению и формированию устойчивых навыков в дальнейшем ученые назвали когнитивным долгом¹⁸. И. А. Филипова прогнозирует: автоматизация производственных процессов может привести к тому, что работники будут подчиняться исключительно указаниям ИИ, потеряв

контроль над процессами и делегировав ему принятие решения¹⁹.

Помимо перечисленных проблем, не следует забывать о том, что при активном использовании технологий ИИ, быстрее обрабатывающей информацию, может увеличиться темп и объем выполняемой работником (коллективом работников) работы. В упомянутом выше Глобальном отчете МОТ интенсификация работы отмечается как определенный риск при использовании работодателем технологий алгоритмического контроля и различных систем распределения труда в организации²⁰. Поскольку работодатели не разрабатывают и не внедряют в свою деятельность нормы труда, есть вероятность возложения на работника всё большего объема работ без повышения его заработной платы. При этом работнику будет достаточно сложно доказать увеличение темпа и объема работы из-за отсутствия определенных норм выработки и оценки объема, согласованных при заключении трудового договора.

Еще один важный вопрос, касающийся увеличения доли технотруда, — взаимосвязь между ростом производительности труда, являющимся результатом автоматизации и роботизации производства, и влиянием увеличения доли такого труда на уровень заработной платы работника.

Исследователи подчеркивают, что в отраслях, где технологии ИИ используются в наибольшей

¹⁵ Татаренко Л. А., Муленков С. А. Правовое регулирование распределения ответственности за ошибки искусственного интеллекта в медицине // Актуальные проблемы управления здоровьем населения : сборник научных трудов VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Н. Новгород, 2025. С. 251.

¹⁶ Шония Г. В. Привлечение к дисциплинарной ответственности медицинских работников: актуальные проблемы в свете внедрения цифровых технологий в медицинскую деятельность // Lex russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 10 (203). С. 39.

¹⁷ Сурабеянец С. Длительная работа с ИИ-инструментами ослабляет у людей когнитивные способности, выяснили ученые // URL: <https://3dnews.ru/1124715/dlitelnaya-rabota-s-iiinstrumentami-oslablyaet-kognitivnie-sposobnosti-viyasnili-uchyonie> (дата обращения: 18.08.2025).

¹⁸ ИИ пишет — мозг молчит: первое исследование с ЭЭГ от MIT доказало, что ChatGPT снижает активность мозга // URL: <https://www.ixbt.com/news/2025/06/19/ii-pishet--mozg-molchit-pervoe-issledovanie-s-jejegot-mit-dokazalo-cto-chatgpt-snizhaet-aktivnost-mozga.html> (дата обращения: 18.08.2025).

¹⁹ Филипова И. А. Искусственный интеллект, трудовые отношения и право: влияние и взаимодействие // Государство и право. 2019. № 11. С. 74.

²⁰ Global report. Revolutionizing health and safety. The role of AI digitalization at work // URL: <https://webtv.un.org/en/asset/k1d/k1dh4mynci>

мере, происходит увеличение оплаты труда, что, по их мнению, обусловлено высокой квалификацией работников и наличием у них цифровых навыков²¹.

Полагаем важным спрогнозировать и проанализировать ситуацию снижения заработной платы работнику по причине передачи части его функций роботу или нейросети. Так как скорость работы нейросети в части вычислений, обобщения данных, поиска информации существенно выше, чем у работника, возникает риск возложения на работника дополнительного объема работ без увеличения заработной платы, а также переоценки работодателем конечного результата его работы как самостоятельного и снижения из-за этого части стимулирующих выплат. Кроме того, выполнение части работ с помощью нейросети может приводить к уменьшению количества рабочих часов. Известен случай сокращения рабочего времени работников до двух часов в день ввиду передачи их функций компьютерной программе после внедрения работодателем системы бережливого производства²².

В свете этого интересно, как работодатель будет распоряжаться выгодой, полученной от экономии на замещении работников роботами или технологиями ИИ. Не обращать на этот вопрос внимания и не ставить его, в том числе и на государственном уровне, означает способствовать развитию ситуации, при которой высвобожденные работники, замененные роботами, возвращаются на рынок труда без какой бы то ни было поддержки со стороны работодателя или государства. Высказываемая в этой связи идея о «налоге на роботов» (robot tax) не отражает социальную составляющую функционирования рынка труда. Возможно другое решение: обозначать в рамках социального партнерства обязательства работодателя не снижать долю денежных средств, направляемых на оплату труда, при внедрении автоматизации и робо-

тизации, сохраняя заработную плату на высоком уровне, и (или) направлять часть сэкономленных средств на повышение цифровых навыков работников.

Рассмотрим процедуру введения работодателем новых технологических изменений с точки зрения положений ТК РФ²³.

Изменение организационных или технологических условий труда, под которым в ТК РФ понимаются изменения в технике и технологии производства, структурная реорганизация производства, другие причины, упоминается в ст. 74 как возможное основание для изменения по инициативе работодателя определенных сторонами условий трудового договора. При этом если работник не согласен на изменение условий трудового договора, то после соблюдения процедуры, установленной статьей 74, и при невозможности сохранения прежних условий труда трудовой договор прекращается по п. 7 ч. 1 ст. 77.

Вместе с тем законодатель устанавливает запрет на изменение собственно трудовой функции при изменении организационных и (или) технологических условий труда.

Использование роботов или внедрение технологий ИИ, как правило, сопровождается принятием определенных распорядительных актов работодателем. В их числе следует назвать должностные инструкции, инструкции по охране труда, регламенты выполнения определенных технологических операций и др.

Можно ли предположить, что роботизация или внедрение технологий ИИ не затронет условий трудового договора, ранее согласованных с работником? Считаем такое предположение обоснованным, но маловероятным. Роботизация может (и должна) повлиять на производительность труда (что повлечет за собой изменение норм выработки), на режим работы и отдыха, возможно, и на заработную плату работника. Нельзя исключать вероятность влия-

²¹ Валецкая Т. И., Плещенко Е. А. Влияние искусственного интеллекта на рынок труда // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 2024. № 1 (24). С. 38.

²² Решение Преображенского районного суда г. Москвы от 19.02.2025 по делу № 2-1354/2025.

²³ Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

ния процесса внедрения роботов и на трудовую функцию. Например, работник после передачи части его рутинных операций роботу переобучается работодателем для выполнения другой трудовой функции. В этом случае будет реализован механизм перевода на другую работу с согласия работника.

Механизм, заложенный в ст. 74 ТК РФ, оставляет работнику, несогласному с новыми технологическими изменениями, небольшой выбор: либо согласиться на новые условия, либо быть уволенным. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что статья 77 ТК РФ, в которой находится соответствующее основание для увольнения работника, не относится к основаниям увольнения по инициативе работодателя. Таким образом, ограничения по кругу лиц, которые не могут быть уволены по инициативе работодателя (например, установленные статьей 261 ТК РФ), на ст. 77 не распространяются. Это порождает большое количество судебных дел с применением ст. 74 и 77, в которых работники оспаривают свое увольнение, ссылаясь на нарушение работодателем процедуры предупреждения о введении новых условий труда, а также на нарушение процедуры увольнения.

Нужно тщательно проанализировать судебную практику, чтобы понять, какие именно изменения трудового договора могут быть осуществлены на основании ст. 74.

Важно учитывать, что условия трудового договора могут быть изменены и по соглашению сторон, однако работодатель должен будет провести подготовительную работу по разъяснению правовых последствий подписания работником дополнительного соглашения, чтобы обеспечить добровольность его волеизъявления. Отметим, что разъяснительную работу необходимо будет проводить и в случае применения ст. 74.

Можно спрогнозировать появление в трудовом законодательстве норм об освобождении работника от дисциплинарной и (или) материальной ответственности, если причиной, которая привела к неблагоприятным последствиям, была ошибка, «галлюцинация» нейросети и работник не мог ее обнаружить и (или) предотвра-

тить. В контексте материальной ответственности соответствующие изменения должны быть включены в ст. 239 ТК РФ, устанавливающую обстоятельства, исключающие материальную ответственность работника. При таком подходе будет применяться пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.11.2006 № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю²⁴», в соответствии с которым обязанность доказать отсутствие обстоятельств, исключающих материальную ответственность работника, возлагается на работодателя. Подобное распределение предмета доказывания отражает специфику отношений, складывающихся между работником и работодателем, отвечает интересам работника и будет способствовать его защите. Тем более что работник, как правило, не обладает всей полнотой информации о функционировании технологий ИИ, чтобы доказать отсутствие своей вины.

Подводя итоги, следует сказать, что технологическая интеграция ИИ в сферу трудовой деятельности и роботизация производства меняют сущность трудовых отношений и создают потребность в модернизации трудового законодательства с акцентом на формирование новых прав и обязанностей как работников, так и работодателей. В рамках статьи обосновано выделение самостоятельной категории «технотруд» для регулирования труда с использованием цифровых и автономных технологий, где результат работы определяется не только действиями человека, но и функционалом технических систем. Особую актуальность приобретают вопросы юридической и материальной ответственности работника при ошибках, вызванных автономными решениями нейросетей, что требует законодательного закрепления механизмов освобождения от ответственности.

Представляется, что внедрение технотруда может привести к размыванию трудовых функций, сокращению количества рабочих часов, изменению норм выработки и заработной платы,

²⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 1.

что обуславливает необходимость проработки механизмов справедливого перераспределения экономической выгоды, полученной от роботизации. Предлагаем дополнить ст. 239 ТК РФ положениями, направленными на освобождение работника от ответственности в случае ошибок

систем ИИ. Социальным партнерам рекомендуется развивать процедурные меры по защите интересов работников при технологических изменениях с обязательным информированием, разъяснением последствий и возможностью согласования новых условий труда.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев А.* ChatGPT установил правильный диагноз ребенку из США, когда врачи оказались бессильны // URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/09/15/21293720.shtml> (дата обращения: 18.08.2025).
2. *Ахмедов А.* Искусственный интеллект и фальшивые прецеденты: регуляторное решение Высокого суда Англии // URL: https://zakon.ru/blog/2025/06/09/iskusstvennyj_intellekt_i_falshivye_precedenty_regulyatornoe_reshenie_vysokogo_suda_anglii (дата обращения: 15.08.2025).
3. *Баева Л. В., Переверзев И. К.* От цифровой дискриминации к цифровому шовинизму: как технологии подчеркивают или стирают социальные границы // *Caspium Securitatis*: журнал каспийской безопасности. — 2025. — Т. 5. — № 1. — С. 31–47.
4. *Благодир А. Л.* Материальная ответственность работника за вред, причиненный при использовании искусственного интеллекта // II Ярославский юридический форум : сборник научных статей по вопросам трудового права (30 сентября — 1 октября 2022 г.) / отв. ред. А. М. Лушников ; ЯРГУ имени П.Г. Демидова. — Ярославль : Филигрань, 2023. — С. 60–67.
5. *Валецкая Т. И., Плещенко Е. А.* Влияние искусственного интеллекта на рынок труда // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. — 2024. — № 1 (24). — С. 36–39.
6. *Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А.* Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики)? // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. — 2018. — № 4. — С. 24–48.
7. *Костарнова Н.* ИИ зовут в онкологию // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7972830> (дата обращения: 18.08.2025).
8. *Лушников А. М.* Цифровизация трудового права и трудовые отношения // *Закон*. — 2022. — № 10. — С. 28–37.
9. *Сурабекянц С.* Длительная работа с ИИ-инструментами ослабляет у людей когнитивные способности, выяснили ученые // URL: <https://3dnews.ru/1124715/dlitelnaya-rabota-s-iiinstrumentami-oslablyayet-kognitivnie-sposobnosti-viyasnili-uchyonie> (дата обращения: 18.08.2025).
10. *Татаренко Л. А., Муленков С. А.* Правовое регулирование распределения ответственности за ошибки искусственного интеллекта в медицине // Актуальные проблемы управления здоровьем населения : сборник научных трудов VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Н. Новгород, 2025. — С. 249–253.
11. *Филипова И. А.* Искусственный интеллект, трудовые отношения и право: влияние и взаимодействие // *Государство и право*. — 2019. — № 11. — С. 69–77.
12. *Шония Г. В.* Привлечение к дисциплинарной ответственности медицинских работников: актуальные проблемы в свете внедрения цифровых технологий в медицинскую деятельность // *Lex russica* (Русский закон). — 2023. — Т. 76. — № 10 (203). — С. 36–44.
13. *McSoy J.* South Korea's Breakthrough: How Robots Replace Workers in The World's Most Automated Nation // URL: www.Firstmovers.ai (дата обращения: 23.08.2025).

Материал поступил в редакцию 25 сентября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev A. ChatGPT ustanovil pravilnyy diagnoz rebenku iz SShA, kogda vrachi okazalis bessilny // URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/09/15/21293720.shtml> (data obrashcheniya: 18.08.2025).
2. Akhmedov A. Iskusstvennyy intellekt i falshivye pretsedenty: regul'yatornoe reshenie Vysokogo suda Anglii // URL: https://zakon.ru/blog/2025/06/09/iskusstvennyj_intellekt_i_falshivye_precedenty_regul'yatornoe_reshenie_vysokogo_suda_anglii (data obrashcheniya: 15.08.2025).
3. Baeva L. V., Pereverzev I. K. Ot tsifrovoy diskriminatsii k tsifrovomu shovinizmu: kak tekhnologii podcherkivayut ili stiryayut sotsialnye granitsy // Caspium Securitatis: zhurnal kaspiskoy bezopasnosti. — 2025. — T. 5. — № 1. — S. 31–47.
4. Blagodir A. L. Materialnaya otvetstvennost rabotnika za vred, prichinenny pri ispolzovanii iskusstvennogo intellekta // II Yaroslavskiy yuridicheskiy forum: sbornik nauchnykh statey po voprosam trudovogo prava (30 sentyabrya — 1 oktyabrya 2022 g.) / otv. red. A. M. Lushnikov; YarGU imeni P.G. Demidova. — Yaroslavl: Filigran, 2023. — S. 60–67.
5. Valetskaya T. I., Pleshchenko E. A. Vliyanie iskusstvennogo intellekta na rynek truda // Uchenye zapiski Altayskogo filiala Rossiyskoy akademii narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii. — 2024. — № 1 (24). — S. 36–39.
6. Gadzhiev G. A., Voynikanis E. A. Mozhet li robot byt subektom prava (poisk pravovykh form dlya regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki)? // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2018. — № 4. — S. 24–48.
7. Kostarnova N. Il zovut v onkologiyu // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7972830> (data obrashcheniya: 18.08.2025).
8. Lushnikov A. M. Tsifrovizatsiya trudovogo prava i trudovye otnosheniya // Zakon. — 2022. — № 10. — S. 28–37.
9. Surabekyants S. Dlitelnaya rabota s II-instrumentami oslablyaet u lyudey kognitivnye sposobnosti, vyyasnili uchenye // URL: <https://3dnews.ru/1124715/dlitelnaya-rabota-s-iiinstrumentami-oslablyaet-kognitivnie-sposobnosti-viyasnili-uchyonie> (data obrashcheniya: 18.08.2025).
10. Tatarenko L. A., Mulenkov S. A. Pravovoe regulirovanie raspredeleniya otvetstvennosti za oshibki iskusstvennogo intellekta v meditsine // Aktualnye problemy upravleniya zdorovem naseleniya: sbornik nauchnykh trudov VIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. — N. Novgorod, 2025. — S. 249–253.
11. Filipova I. A. Iskusstvennyy intellekt, trudovye otnosheniya i pravo: vliyanie i vzaimodeystvie // Gosudarstvo i pravo. — 2019. — № 11. — S. 69–77.
12. Shoniya G. V. Privlechenie k distsiplinarnoy otvetstvennosti meditsinskikh rabotnikov: aktualnye problemy v svete vnedreniya tsifrovyykh tekhnologiy v meditsinskuyu deyatel'nost // Lex russica (Russkiy zakon). — 2023. — T. 76. — № 10 (203). — S. 36–44.
13. McCoy J. South Korea's Breakthrough: How Robots Replace Workers in The World's Most Automated Nation // URL: www.Firstmovers.ai (data obrashcheniya: 23.08.2025).

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.102-110

О. В. Мильчакова*

Проблемы правового регулирования иностранного участия в сфере недропользования

Аннотация. Учитывая тенденции к возобновлению сотрудничества с зарубежными компаниями в сфере добычи полезных ископаемых, необходимо уделить пристальное внимание вопросам правового регулирования доступа иностранных лиц к российским недрам. В настоящем исследовании на основе анализа законодательства и правоприменительной практики определены пробелы правового регулирования, влекущие противоречивость правоприменения в обстоятельствах предоставления организациям с участием иностранных инвесторов лицензий на право пользования недрами, вхождения в уставные капиталы российских компаний, обладающих такими лицензиями, для проведения работ на участках недр местного, регионального или федерального значения, а также временных контрсанкционных мер экономического характера в сфере недропользования. Сформулированы направленные на решение рассмотренных проблем предложения по совершенствованию нормативных правовых актов, которые, с одной стороны, будут способствовать созданию надлежащего уровня правовой определенности для инвесторов и улучшению инвестиционного климата, а с другой стороны, позволят учесть интересы национальной экономической безопасности, не допуская обхода недобросовестными иностранными инвесторами процедур контроля и регуляторных согласований при приобретении активов российских организаций-недропользователей.

Ключевые слова: недропользование; участок недр федерального значения; иностранный инвестор; иностранные инвестиции; санкции; национальная безопасность; оборона страны; редкоземельные металлы; правительственная комиссия; ФАС России.

Для цитирования: Мильчакова О. В. Проблемы правового регулирования иностранного участия в сфере недропользования // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 12. — С. 102–110. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.102-110.

© Мильчакова О. В., 2025

* Мильчакова Олеся Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, докторант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993 millov@yandex.ru

Problems of Legal Regulation of Foreign Participation in the Subsoil Use Sector

Olesya V. Milchakova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Doctoral Candidate, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Associate Professor, Department of Competition Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
v@yandex.ru

Abstract. Considering the trends toward resuming cooperation with foreign companies in the field of mineral extraction, the issues of legal regulation regarding access for foreign entities to Russian subsoil resources require close attention. The present study, based on an analysis of legislation and law enforcement practice, identifies gaps in legal regulation. These gaps lead to inconsistent law enforcement concerning the granting of licenses for subsoil use to organizations with foreign investor participation, the entry of foreign investors into the charter capitals of Russian companies holding such licenses for work on subsoil plots of local, regional, or federal significance, as well as temporary counter-sanction economic measures in the subsoil use sector. Proposals have been formulated aimed at resolving the considered problems by improving regulatory legal acts. These proposals are intended, on the one hand, to contribute to establishing an adequate level of legal certainty for investors and improving the investment climate. On the other hand, they are designed to safeguard the interests of national economic security, preventing unscrupulous foreign investors from circumventing control procedures and regulatory approvals when acquiring assets of Russian subsoil user companies.

Keywords: subsoil use; subsoil plot of federal significance; foreign investor; foreign investment; sanctions; national security; national defense; rare earth metals; government commission; FAS Russia.

Cite as: Milchakova OV. Problems of Legal Regulation of Foreign Participation in the Subsoil Use Sector. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(12):102-110. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.102-110.

Введение

Экономические отношения в сфере недропользования имеют основополагающее значение для сбережения национального достояния и экономии ресурсов страны. В Конституции РФ¹ (ст. 9) определена необходимость использования и охраны природных ресурсов как основы жизни и деятельности проживающих на соответствующей территории народов. Недра, включая подземное пространство, и содержащиеся в них полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, исходя из ч. 1 ст. 1.2 Закона о недрах², являются государственной собственностью.

В качестве одного из восьми национальных интересов России на современном этапе указывается охрана окружающей среды, сохранение

природных ресурсов и рациональное природопользование. В то же время Стратегия национальной безопасности России³ предупреждает о том, что «возрастающая конкуренция за доступ к природным ресурсам — один из факторов усиления международной напряженности и возникновения конфликтов между государствами».

Россия располагает массивными запасами редкоземельных металлов, которые, обладая уникальными свойствами, используются в аэрокосмической, оборонной, энергетической, нефтехимической, автомобильной, строительной промышленности и т.д. (от смартфонов до ракет). В условиях развития нанотехнологий спрос на редкоземельные металлы растет. Однако в нашей стране практически не ведется добыча такого сырья (доля импорта составля-

¹ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237.

² Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» // СЗ РФ. 1995. № 10. Ст. 823.

³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

ет 75–80 %), в том числе в связи с отсутствием технологий.

Важным фактором развития нефтегазового сектора и укрепления энергетической безопасности выступает и возможность использования российскими организациями иностранных технологий добычи трудноизвлекаемых нефти и газа на глубоководном шельфе и сланцевых месторождениях.

Поэтому целесообразно сотрудничество с иностранными компаниями, которые могут передать новые технологии, инвестировать в развитие отрасли добычи полезных ископаемых, что повлечет создание новых рабочих мест, увеличение налоговых поступлений, наращивание объемов экспортных поставок, расширение присутствия России на мировом рынке, повышение уровня жизни населения.

Начиная с 2014 г. в рамках санкционной политики недружественных стран и международных объединений, и особенно активно с 2022 г., доступ к зарубежным технологиям в сфере недропользования для российских участников рынка закрывался, иностранные компании организовано начали покидать Россию, выходя из участия в совместных проектах.

В свою очередь Россия приняла контрсанкционные меры, запретив пользование участками недр для иностранных компаний и граждан, а также существенно ограничив возможность совершения сделок по купле-продаже активов недропользователей.

В настоящее время наблюдаются тенденции к возможному изменению ситуации, возврату иностранных компаний в экономику России. 24 февраля 2025 г. Президент РФ В. В. Путин заявил о том, что «Россия является одним из безусловных лидеров по запасам... редких и редкоземельных металлов... Мы с удовольствием работали бы совместно с любыми иностранными партнерами, в том числе с американскими»⁴.

С учетом изложенного вопросы правового регулирования иностранного участия в сфере недропользования приобрели еще большую актуальность, главным образом в контексте необходимости соблюдения интересов национальной экономической безопасности при предоставлении доступа иностранцам к российским природным ресурсам. Ввиду этого цели настоящего исследования состоят в анализе текущей нормативной регламентации соответствующих правоотношений, выявлении имеющихся пробелов и выработке предложений по совершенствованию законодательства.

Предоставление организациям с участием иностранных инвесторов лицензий на пользование недрами

Иностранные юридические лица и граждане с 28 июня 2022 г.⁵ устранены из группы лиц, имеющих право на предоставление им лицензий на пользование участками недр. До этого законодательство предусматривало безусловную возможность отказа в получении вышеназванного права данным лицам только при наличии рисков возникновения угрозы обороне либо безопасности государства в случае выдачи им лицензии.

На иностранных лиц, имеющих намерение продолжать деятельность на предоставленном им в пользование участке недр, с указанной даты возлагалась обязанность создать на территории России юридическое лицо и переоформить на него право пользования недрами. В противном случае лицензия на пользование недрами должна была быть переоформлена на российское лицо — акционера (участника) иностранной компании и (или) прекращена досрочно.

Одновременно был введен механизм принудительного преобразования в судебном порядке филиала (представительства) иностранной

⁴ Путин В. В. Ответы на вопросы журналиста Павла Зарубина // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76331> (дата обращения: 16.04.2025).

⁵ Федеральный закон от 28.06.2022 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О недрах”» // СЗ РФ. 2022. № 27. Ст. 4619.

компании, связанной с недружественными государствами, в российское общество⁶.

Введенные меры, наряду с временным запретом на продажу активов недропользователей, как совершенно справедливо отмечает Д. В. Спиридонов, не только были нацелены на то, чтобы «избежать дезорганизации и блокировки работы стратегических инфраструктурных комплексов компаниями из недружественных стран на фоне принимаемых против нашей страны санкционных пакетов»⁷, но и полностью себя оправдали.

Нельзя не упомянуть сохранившиеся возможности получения указанных лицензий иными категориями иностранных инвесторов, помимо рассмотренных выше: гражданами РФ, являющимися иностранными инвесторами в понимании Закона об инвестициях в стратегические отрасли⁸ (имеющими иностранное гражданство либо вид на жительство в зарубежном государстве), равно как и российскими компаниями, в уставных капиталах которых участвуют иностранные инвесторы.

Отказ отмеченным субъектам в предоставлении права пользования участком недр для проведения разведки, добычи полезных ископаемых, если при его геологическом изучении открыто месторождение полезных ископаемых, отвечающее по своим запасам критериям участков недр федерального значения (золота — от 50 т, нефти — от 70 млн т, газа — от 50 млрд куб. м и пр.), возможен при наличии рисков возникновения угроз обороне либо безопасности государства по причине предоставления этого права данным субъектам.

Предоставление в пользование участка недр федерального значения российским юридическим лицам, находящимся под контролем

иностранных инвесторов, одновременно для добычи полезных ископаемых, геологического изучения и разведки производится вследствие принятия такого решения Правительством РФ, которое тем не менее, руководствуясь интересами национальной безопасности, может ограничить доступ этим субъектам к аукционам по распределению прав пользования недрами.

Законом о недрах (ст. 17.1) предъявляются требования о получении предварительного согласия Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в РФ (далее — Правительственная комиссия) и в дальнейшем — разрешения Правительства РФ на переход права пользования участком недр федерального значения к российским юридическим лицам с участием иностранного инвестора или группы лиц, в которую входит иностранный инвестор, но только в том случае, если такие инвестор или группа лиц распоряжаются (прямо либо косвенно) более чем 10 % общего числа голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) в уставном капитале такого юридического лица, либо же имеют право определять решения, принимаемые этим юридическим лицом, или право назначать единоличный исполнительный орган либо более чем 10 % состава коллегиального исполнительного органа или имеют возможность избирать более чем 10 % состава коллегиального органа управления такого юридического лица.

Стоит подчеркнуть, что правовое регулирование допускает возможность обхода данного требования, очевидно направленного на осуществление контроля пользования участками недр федерального значения организациями с долей иностранного участия более 10 %. Ведь регуляторные согласования требуются только для пе-

⁶ Федеральный закон от 14.07.2022 № 320-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О приватизации государственного и муниципального имущества”, отдельные законодательные акты Российской Федерации и об установлении особенностей регулирования имущественных отношений» // СЗ РФ. 2022. № 29. Ст. 5287.

⁷ Спиридонов Д. В. Трансформация участия зарубежных компаний в сфере российского недропользования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 3. С. 97–98.

⁸ Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 1940.

реоформления лицензии (перехода права), а это означает, что в последующем участие иностранного инвестора и увеличение его доли участия в недропользователе (как минимум в размере менее чем 25 %, поскольку с 25 % включаются нормы Закона об инвестициях в стратегические отрасли) не контролируется и не оценивается на предмет наличия рисков возникновения угроз обороне либо безопасности государства.

Такой обход закона возможен и в случае, например, когда иностранный инвестор владеет 24 % уставного капитала организации, но на время 14 % передал в доверительное управление с правом голоса российской организации, а после переоформления лицензии вернул себе этот объем прав. Представляется, что законодательство нуждается в соответствующей корректировке в части недопущения увеличения доли иностранного участия в хозяйствующем субъекте, на который переоформлена указанная лицензия, в отсутствие регуляторных согласований со стороны Правительственной комиссии и Правительства РФ.

Касательно соглашений о разделе продукции, которые также дают доступ иностранным лицам к разработке полезных ископаемых на участках недр на территории России, следует отметить, что для их заключения каждый раз необходимо принятие отдельного федерального закона, что, возможно, помимо их экономических условий, является одной из причин незначительного количества таких соглашений (в частности, заключенные в 90-е гг. соглашения о проектах «Сахалин-1», «Сахалин-2», «Харьгаинское»).

Приобретение иностранными инвесторами активов пользователей участков недр федерального значения

Закон об инвестициях в стратегические отрасли закрепляет ограничения и определенные запреты иностранного участия в уставных капиталах российских обществ — пользователей участков недр федерального значения.

Более строгие правила установлены для «публичных» инвесторов — иностранных государств, международных организаций, контролируемых ими организаций, равно как и для

«частных» инвесторов, которые не раскрывают структуру владения ими (своих контролирующих лиц, бенефициаров, выгодоприобретателей) ФАС России.

Для указанных субъектов предусмотрен непреодолимый запрет на приобретение права прямо или косвенно распоряжаться 25 % и более акций (долей) пользователей участков недр федерального значения, а также иных прав, позволяющих установить контроль над такими пользователями. Обретение такими субъектами права распоряжаться (прямо либо косвенно) свыше 5 % акций (долей) этих пользователей требует получения предварительного согласия Правительственной комиссии на сделку.

Вероятно, данный подход законодателя объясняется тем, что «публичный» инвестор при участии в экономике руководствуется больше политическими интересами, нежели предпринимательскими выгодами. В свою очередь, инвестор, скрывающий структуру владения, также может иметь в числе конечных выгодоприобретателей иностранное государство или международную организацию, но, с другой стороны, неизвестный владелец стратегического актива априори несет в себе потенциальную угрозу для обороны и безопасности государства.

Для «частных» иностранных инвесторов, раскрывающих структуру своего владения, предусмотрено обязательство получить согласие Правительственной комиссии на покупку права прямо или косвенно распоряжаться 25 % и более акций (долей) пользователя недр федерального значения и любых иных прав контроля над этим пользователем.

Если же такой инвестор до совершения сделки уже владеет активами организации-недропользователя в размере от 25 % акций (долей), то предварительному согласованию подлежат сделки по приобретению любого объема прав в обозначенном диапазоне (даже одной акции). Это следует из совокупного толкования п. 1 и 3 ч. 1 ст. 7 Закона об инвестициях в стратегических отраслях.

Приведенные правила касаются не только приобретения иностранным инвестором указанного объема прав индивидуально, но и случаев, когда этими правами будет владеть группа лиц, в которую входит иностранный инвестор.

Необходимо обратить внимание на особенности определения объема приобретаемых в результате сделки прав, поскольку на практике не применяются общие правила расчета косвенного распоряжения акциями (долями) хозяйственного общества, а используются правила расчета косвенного участия в уставном капитале, установленные статьей 105.2 НК РФ⁹. Иное толкование норм закона означало бы бессмысленность предусмотренных законом более строгих правил совершения сделок, при этом очевидно, что законодатель преследовал цель исключить и (или) ограничить всякое, в том числе косвенное, иностранное участие в сфере недропользования. Это подтверждается правоприменительной практикой ФАС России и опосредованно вытекает из позиций судов (см., в частности, судебные акты по делам № А42-10735/2019, А35-4405/2019, А35-4094/2019, А32-1817/2018, А04-10396/2015).

Однако такой подход не может быть применен в случае, когда иностранный инвестор косвенно владеет более 50 % акций (долей) лица, владеющего, в свою очередь, 25 % и более акций (долей) пользователя участка недр федерального значения, в связи с тем что такой иностранный инвестор контролирует дочерние общества и, соответственно, косвенно контролирует недропользователя.

В отсутствие прямо закрепленных правил расчета *права косвенно распоряжаться* акциями (долями) нормы закона создают правовую неопределенность для участников рынка и правоприменителя, что может привести к негативным последствиям в виде ничтожности совершенной сделки даже для добросовестно действующего иностранного инвестора.

Сходная проблема правового регулирования видится в нечеткости законодательного понятия *хозяйственного общества, имеющего стратегическое значение*. В частности, закон предписывает, что к стратегическим видам деятельности отнесены добыча полезных ископаемых, геологическое изучение, разведка недр на участках недр федерального значения. Между тем правоприменители, в том числе

суды (см., например, судебные акты по делу № А40-72889/2018, А40-53454/2018), причисляют к стратегическим хозяйственным обществам, осуществляющим недропользование, и те организации, которые не занимаются непосредственно изучением и разведкой недр, добычей полезных ископаемых, но тем не менее участвуют в этих процессах (оказывают услуги по спуску обсадных колонн в скважину, обеспечивают установку и обслуживание насосов для добычи нефти и пр.).

Данная практика также обнаруживает необходимость дополнения Закона об инвестициях в стратегические отрасли более широким определением *стратегического хозяйственного общества* путем отнесения к ним предприятий, деятельность которых непосредственно сопряжена и вовлечена в комплексный и единый технологический процесс осуществления стратегического вида деятельности.

Характеризуя установленные в целом ограничения иностранного участия в активах стратегических обществ — недропользователей, следует указать на изъятие из-под регулирования рассматриваемого Закона сделок с международными финансовыми организациями, созданными в соответствии с международными договорами, участником которых является Россия, и с международными финансовыми организациями, с которыми уже непосредственно Российское государство заключило международные договоры. Тожественные отступления от императивных норм Закона предусмотрены для сделок иностранных инвесторов, если как до, так и после их совершения организация-недропользователь находится под контролем РФ в форме наличия права распоряжаться свыше 50 % голосов, составляющих уставный капитал этой организации (прямо либо косвенно).

Думается, что цель этих исключений — стимулирование развития совместных международных проектов по освоению мировых запасов энергоносителей, химического сырья, водных биологических ресурсов. Иностранное присутствие в компаниях с государственным участием, занимающихся освоением ресурсов в назван-

⁹ Налоговый кодекс Российской Федерации (с изм.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

ных сферах, может помочь закреплению этих компаний на международных рынках, развитию научно-технического межгосударственного сотрудничества, привлечению зарубежного финансирования их деятельности, обмену передовыми технологиями, локализации на территории России производства комплектующих, необходимых для промышленных объектов.

Приобретение иностранными инвесторами активов пользователей участков недр регионального и местного значения

В отношении пользователей недр, не относящихся к участкам недр федерального значения, с одной стороны, установлены более лояльные правила, но, с другой стороны, их применение может увеличить сроки согласования сделок по сравнению с процедурой Закона об инвестициях в стратегические отрасли.

Имеются в виду предписания Закона об иностранных инвестициях¹⁰, в соответствии с которыми «публичный» инвестор обязан подать в ФАС России ходатайство о согласовании сделки по приобретению свыше 25 % акций (долей) любого российского общества либо иной возможности блокировать решения органов управления этого общества.

Если «публичный» или «частный» иностранный инвестор планирует совершение сделки по приобретению любого объема прав в отношении пользователей участков недр с запасами полезных ископаемых, показатели которых установлены в п. 10 ст. 6 Закона об иностранных инвестициях (проявления редкоземельных металлов, запасы золота от 30 до 50 т, газа — от 30 млрд до 50 млрд куб. м, нефти — от 50 млн до 70 млн т и пр.), то в отношении такой сделки в обязательном порядке применяется процедура определения наличия или отсутствия необходимости ее вынесения на рассмотрение Правительственной комиссии по процедурам,

предусмотренным Законом об инвестициях в стратегические отрасли.

Вышеуказанная процедура предполагает в срок не позднее пяти рабочих дней со дня получения информации о сделке направление Федеральной антимонопольной службой России запроса в ФСБ России, Минобороны России, Минприроды России и иные заинтересованные федеральные органы исполнительной власти с просьбой сообщить в срок не позднее 30 дней позицию по данному вопросу с учетом оценки последствий сделки для отрасли экономики, обороны либо, соответственно, безопасности государства.

По результатам получения таких мнений и с учетом позиции ФАС России последняя в течение пяти рабочих дней принимает решение о том, информировать ли председателя Правительственной комиссии в целях принятия им (в срок не позднее 30 дней) решения о вынесении сделки на рассмотрение возглавляемой им Комиссии.

Важно отметить, что упомянутые ранее полезные ископаемые относятся к стратегическим для России видам минерального сырья (распоряжение Правительства РФ № 2473-р¹¹). Вследствие этого весьма велика вероятность вынесения сделки на обсуждение Правительственной комиссии.

В этом случае ФАС России в течение пяти дней информирует заявителя о том, что ему необходимо представить отдельное ходатайство по сделке с соблюдением формальностей, регламентированных Законом об инвестициях в стратегические отрасли. И только после получения такого ходатайства проводится процедура его рассмотрения в порядке такого Закона. Поэтому очевидно, что срок рассмотрения сделки в отношении указанных хозяйственных обществ может быть гораздо длительнее, чем если бы такие общества были изначально отнесены к стратегическим предприятиям и к сделкам иностранных инвесторов в отношении них сразу бы

¹⁰ Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 28. Ст. 3493.

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 30.08.2022 № 2473-р «Об утверждении Перечня основных видов стратегического минерального сырья» // СЗ РФ. 2022. № 36. Ст. 6285.

применялись процедуры Закона об инвестициях в стратегические отрасли.

Стратегическими полезными ископаемыми признаются и подземные воды. Они представляют собой часть общих водных ресурсов, служат надежным источником питьевого водоснабжения населения в случае чрезвычайных природных и техногенных ситуаций, поскольку, как правило, отличаются хорошим качеством, наиболее надежно защищены от загрязнения и заражения, меньше подвержены сезонным колебаниям и в большинстве случаев их использование не требует дорогостоящих мероприятий по водоочистке, в связи с чем от них существенно зависит национальная безопасность страны.

По этой причине целесообразно включить в перечень стратегических хозяйственных обществ, на сделки в отношении которых распространяются ограничения Закона об иностранных инвестициях в стратегические отрасли, пользователей участков недр, осуществляющих добычу подземных вод, если это не вызвано необходимостью их использования исключительно для собственных нужд (технологических нужд и питьевого водоснабжения).

Временные меры экономического характера в части контроля иностранного участия в сфере недропользования

В числе контрсанкционных мер, принятых в 2022 г., Указом № 520¹² установлен запрет на совершение в отсутствие специального разрешения Президента РФ сделок, следствием которых является изменение или прекращение принадлежащих лицам, связанным с недружественными государствами, прав в отношении акций (долей) российских юридических лиц — пользователей участков недр, содержащих определенные этим актом запасы полезных ископаемых.

Согласно п. 4 Указа сделки (операции), совершенные с его нарушением, ничтожны, а при-

обретенные с его нарушением акции (доли) не предоставляют их владельцам соответствующих им прав.

Этой нормой прямо не закреплено, что к подобным сделкам возможно применение последствий их недействительности, предусмотренных Гражданским кодексом РФ¹³ и статьей 15 Закона об инвестициях в стратегические отрасли экономики, в том числе в виде взыскания в доход РФ акций (долей), приобретенных с нарушением Указа № 520, но это следует из комплексного толкования данных правовых актов, устанавливающих основы правопорядка.

Кроме того, четко не обозначено соотношение положений упомянутого Закона и Указа № 520, то есть требуется ли получение согласования Правительственной комиссии по процедурам данного Закона в случае получения разрешения Президента РФ на сделку.

С учетом того, что эти акты фактически являются составными частями одной комплексной некодифицированной отрасли законодательства, характеризующейся собственными предметом и методом правового регулирования общественных отношений, а также экстраординарного характера временных экономических мер, при получении разрешения Президента РФ на совершение сделки иных согласований не требуется. Обратное означало бы, что орган государственной власти может принять решение, противоречащее решению главы государства, являющегося гарантом Конституции РФ, определяющим центральные линии как внутренней, так и внешней политики государства.

Заключение

Как отмечает М. М. Хайкин, «экономическая система сферы недропользования — это исторически сложившаяся... и законодательно закрепленная... совокупность принципов, правил, норм, определяющих форму и содержание

¹² Указ Президента РФ от 05.08.2022 № 520 «О применении специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетической сферах в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» // СЗ РФ. 2022. № 32. Ст. 5816.

¹³ Гражданский кодекс Российской Федерации (с изм.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

основных экономических отношений субъектов, возникающих в процессе производства, распределения, обмена и потребления экономического продукта, полученного из недр земли»¹⁴.

Приведенные в настоящем исследовании данные характеризуют общие принципы и правила регулирования доступа иностранных инвесторов к пользованию недрами и добыче полезных ископаемых на территории России. Определенные особенности правового регулирования в рассматриваемой сфере отношений предусматривает законодательство о защите конкуренции. Например, Р. Н. Салиева к числу

особенностей антимонопольного регулирования в сфере недропользования относит специальные правила согласования сделок иностранных инвесторов¹⁵.

Представляется, что изложенное детальное и строгое регулирование объясняется как исторической значимостью полезных ископаемых для экономики нашей страны, так и текущей внешнеполитической обстановкой. Вместе с тем для улучшения инвестиционного климата и обеспечения национальной безопасности необходимо совершенствование законодательства в целях устранения имеющихся пробелов и противоречий в правоприменении.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Салиева Р. Н. Особенности антимонопольного регулирования в сфере недропользования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 7. — С. 103–110.
2. Спиридонов Д. В. Трансформация участия зарубежных компаний в сфере российского недропользования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 3. — С. 92–100.
3. Хайкин М. М. Сфера недропользования в контексте современного развития экономической теории // Записки Горного института. — 2015. — Т. 213. — С. 100–109.

Материал поступил в редакцию 16 апреля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Salieva R. N. Osobennosti antimonopolnogo regulirovaniya v sfere nedropolzovaniya // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2022. — № 7. — S. 103–110.
2. Spiridonov D. V. Transformatsiya uchastiya zarubezhnykh kompaniy v sfere rossiyskogo nedropolzovaniya // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2023. — № 3. — S. 92–100.
3. Khaykin M. M. Sfera nedropolzovaniya v kontekste sovremennogo razvitiya ekonomicheskoy teorii // Zapiski Gornogo instituta. — 2015. — T. 213. — S. 100–109.

¹⁴ Хайкин М. М. Сфера недропользования в контексте современного развития экономической теории // Записки Горного института. 2015. Т. 213. С. 100.

¹⁵ Салиева Р. Н. Особенности антимонопольного регулирования в сфере недропользования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 7. С. 104, 106.

Тенденции развития уголовно-процессуального законодательства РФ по уголовным делам в отношении несовершеннолетних

Аннотация. Статья анализирует тенденции развития уголовно-процессуального законодательства РФ в отношении несовершеннолетних с учетом исторических, современных и международных аспектов. Исследование выявляет эволюцию от карательных подходов дореволюционного периода к гуманизированным нормам гл. 50 УПК РФ, ориентированным на реабилитацию. Эмпирический анализ показывает проблемы формализма в привлечении педагогов и психологов, чрезмерного применения заключения под стражу и недостаточной реализации мер воспитательного воздействия. Сравнение с зарубежными моделями (Германия, Франция, США, Канада, Япония, Китай) демонстрирует преимущества специализированных судов и пробации, снижающих рецидив на 15–30 %. Научная новизна заключается в установлении корреляции между формализмом и рецидивом (рост на 10–20 %) и разработке таких реформ, как создание ювенальных судов, развитие пробации, сертификация специалистов, ограничение заключения под стражу и цифровизация. Предложены направления дальнейших исследований: изучение эффективности цифровых систем, долгосрочного влияния пробации и подготовки судей. Реформы способны сократить лишение свободы до 8 % и рецидив до 12 %, гармонизируя законодательство с международными стандартами.

Ключевые слова: ювенальная юстиция; уголовно-процессуальное законодательство; несовершеннолетние; УПК РФ; меры воспитательного воздействия; заключение под стражу; пробация; восстановительное правосудие; цифровизация; международные стандарты.

Для цитирования: Матвеев С. В. Тенденции развития уголовно-процессуального законодательства РФ по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 12. — С. 111–124. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.111-124.

© Матвеев С. В., 2025

* Матвеев Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права имени П.А. Лупинской Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
svmatveev@msal.ru

Trends in the Development of Russian Criminal Procedure Legislation Regarding Criminal Cases Involving Minors

Sergey V. Matveev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law named after P.A. Lupinskaya, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
svmatveev@msal.ru

Abstract. The paper analyzes the development trends of criminal procedural legislation of the Russian Federation in relation to minors, taking into account historical, modern and international aspects. The study reveals the evolution from the punitive approaches of the pre-revolutionary period to the humanized norms of Chapter 50 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which are oriented toward rehabilitation. Empirical analysis reveals problems of formalism in the involvement of teachers and psychologists, excessive use of detention and insufficient implementation of educational measures. Comparison with foreign models (Germany, France, USA, Canada, Japan, and China) demonstrates the advantages of specialized courts and probation, which reduce recidivism by 15–30 %. The scientific novelty lies in establishing a correlation between procedural formalism and recidivism (an increase of 10–20 %) and in developing reform proposals: establishing juvenile courts, developing probation, certifying specialists, limiting pretrial detention, and implementing digitalization. Suggested areas for further research include studying the effectiveness of digital systems, the long-term impact of probation, and judicial training. The reforms could reduce incarceration rates to 8% and recidivism to 12 % by harmonizing legislation with international standards.

Keywords: juvenile justice; criminal procedure legislation; minors; Criminal Procedure Code of the Russian Federation; educational measures; detention; probation; restorative justice; digitalization; international standards.

Cite as: Matveev SV. Trends in the Development of Russian Criminal Procedure Legislation Regarding Criminal Cases Involving Minors. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(12):111-124. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.111-124.

Развитие уголовно-процессуального законодательства РФ в отношении несовершеннолетних представляет собой эволюцию от карательных мер к гуманизированным процедурам, ориентированным на воспитание и реабилитацию. В дореволюционный период правовые подходы формировались под влиянием европейских идей просвещенного абсолютизма, но с учетом традиций русского права. Ключевым этапом стала судебная реформа 1864 г., когда были приняты Судебные уставы, включая Устав уголовного судопроизводства. Этот документ впервые ввел дифференциацию процедур для малолетних (до 10 лет) и несовершеннолетних (10–17 лет), исключил применение смертной казни и предусмотрел возможность передачи дел в воспитательные учреждения вместо суда.

Н. С. Таганцев, выдающийся русский ученый, в своих лекциях подчеркивал необходимость учета психофизиологического развития несовершеннолетнего при определении вины и меры ответственности. Он аргументировал, что уголовный процесс должен не только карать, но и способствовать исправлению, предлагая альтернативные меры, такие как отдача под надзор родителей или в исправительные дома¹. Такой подход отражал тенденцию к индивидуализации процесса, что было новаторским для эпохи, где преобладал принцип равной ответственности. Исторические исследования показывают, что дореволюционное законодательство эволюционировало от феодальных норм, где возраст не всегда учитывался, к более прогрессивным конструкциям, вдохновленным французским и

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. Т. 1 / сост. и отв. ред. Н. И. Загородников. М. : Наука, 1994.

германским правом². При этом практика оставалась ограниченной: первый суд по делам несовершеннолетних появился в Российской империи лишь 22 января 1910 г. в Санкт-Петербурге, а к 1917 г. такие суды действовали в Москве, Харькове, Одессе, Либаве, Киеве, Саратове, Риге, Томске.

Анализ этих подходов выявляет новизну в современном контексте: дореволюционные идеи индивидуализации стали основой для сегодняшних гарантий, но их реализация была скована сословными барьерами, что указывает на необходимость исторической преемственности в реформах³.

В советский период развитие уголовно-процессуального регулирования в отношении несовершеннолетних приобрело ярко выраженный воспитательный характер, отражая идеологию социалистического государства. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. ввел специальные комиссии по делам несовершеннолетних, которые функционировали при народных судах и фокусировались на мерах воспитательного воздействия вместо наказания. Это было новацией: дела о подростках (14–18 лет) рассматривались с участием педагогов, и приоритет отдавался реабилитации, а не изоляции. Нормы Кодекса учитывали социальные причины преступности, такие как беспризорность после Гражданской войны, и предусматривали возможность прекращения дела при положительном влиянии коллектива.

Дальнейшая эволюция произошла с принятием УПК РСФСР 1960 г., который закрепил принцип воспитательного подхода в ст. 391–396. Здесь акцент сместился на психологическую экспертизу и участие законных представителей, что усилило гарантии прав несовершеннолетних. В отличие от дореволюционного периода, совет-

ское право интегрировало процесс в систему социального контроля, где суд выступал не только репрессивным органом, но и воспитательным институтом. Практика показывала эффективность такого подхода: по данным Верховного Суда СССР, применение мер воспитательного воздействия снижало рецидив на 20–30 % по сравнению с лишением свободы. Однако проблемой была чрезмерная идеологизация: формализм в участии комсомола иногда приводил к игнорированию индивидуальных обстоятельств, что критикуется в современных исследованиях как отклонение от принципа справедливости⁴.

Новаторство советской эволюции уголовно-процессуального законодательства заключается в системном подходе к профилактике, который повлиял на постсоветское законодательство, но требовал корректировки в сторону большей гуманизации для соответствия международным стандартам⁵.

С принятием УПК РФ в 2001 г. (Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ⁶) производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних получило самостоятельное регулирование в гл. 50 (ст. 420–432). Это ознаменовало переход к состязательному процессу с акцентом на права ребенка: обязательное участие педагога или психолога (ст. 425), ограничение допроса (ст. 425), возможность применения принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 427) вместо наказания, использование других ювенальных технологий. Принципы включают приоритет реабилитации, конфиденциальность и учет возраста, что соответствует Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г., ратифицированной Российской Федерацией.

За период 2001–2025 гг. глава 50 претерпела минимальные корректировки, но тенденции развития направлены на усиление гарантий.

² Говорухина А. И. История развития уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних в России до XX века // Молодой ученый. 2020. № 47 (337). С. 268–270.

³ Федотова М. М. История российского уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних // Полицейская и следственная деятельность. 2022. № 1. С. 1–10.

⁴ Стародубцев Ю. И. Особые суды для несовершеннолетних в России: историко-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 10–15.

⁵ Федотова М. М. Указ. соч. С. 5–8.

⁶ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Например, Федеральный закон от 27.12.2018 № 509-ФЗ⁷ уточнил процедуры участия законных представителей, а практика Верховного Суда РФ (постановление Пленума от 01.02.2011 № 1⁸ с изменениями 2021 г.) подчеркнула недопустимость формализма в избрании мер пресечения, рекомендуя избегать заключения под стражу для несовершеннолетних без крайней необходимости. В 2022–2025 гг. внесены изменения в УПК (например, Федеральный закон от 06.03.2022 № 38-ФЗ⁹, затрагивающий ст. 280). Актуальные тенденции включают использование определенных элементов цифровых технологий и пилотные проекты ювенальных судов, что усиливает новизну подхода: анализ показывает сдвиг от репрессий к восстановительному правосудию, снижая рецидив на 15 %, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2020–2024 гг.

Современные нормы УПК РФ в отношении несовершеннолетних формируют специализированный порядок производства, ориентированный на защиту прав ребенка и приоритет реабилитации над репрессиями. Статьи 423–427 регулируют особенности предварительного расследования и судебного разбирательства, включая обязательное участие педагога или психолога в допросе (ст. 425), что обеспечивает учет возрастных особенностей и минимизирует травматизацию. Эти нормы предусматривают в том числе возможность прекращения дела с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 427), таких, например, как предупреждение или передача под надзор родителей, лиц, их замещающих, либо специализированного государственного органа. Анализ показывает, что эти меры снижают рецидив на 25–30 % по сравнению с традиционным наказанием, как подтверждает практика Верховного Суда РФ за 2020–2024 гг., где в 40 % дел несо-

вершеннолетних применялись альтернативы лишению свободы.

Статьи 425–428 УПК РФ детализируют гарантии: статья 426 устанавливает запрет на ночные допросы и ограничение их продолжительности до четырех часов с перерывами, а статья 428 регулирует участие законного представителя, который может задавать вопросы и знакомиться с материалами дела. Новизна подхода заключается в интеграции психологической экспертизы как необходимого элемента, что отличает особенности производства по делам несовершеннолетних от общих норм УПК, подчеркивая принцип индивидуализации.

В целом эти статьи создают баланс между интересами общества и правами несовершеннолетнего, но анализ доктрины показывает несоответствие в применении: в регионах с низкой квалификацией специалистов эффективность норм снижается на 15–20 %, что требует новаторских подходов, таких как обязательная сертификация психологов для участия в процессах¹⁰.

Соответствие норм УПК РФ международным стандартам оценивается через призму ключевых документов ООН, ратифицированных Российской Федерацией. Конвенция о правах ребенка 1989 г., ратифицированная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13.06.1990 № 1559-1¹¹, провозглашает приоритет наилучших интересов ребенка (ст. 3), включая право на защиту от жестокого обращения и на справедливое судебное разбирательство (ст. 40). В российском контексте это отражено в гл. 50 УПК РФ, где акцент на реабилитацию соответствует требованию Конвенции о минимальном использовании лишения свободы и поощрению альтернативных мер. Но практика показывает расхождения: в 2023–2025 гг. доля несовершеннолетних под стражей составила 12 %, что выше рекомендаций Комитета ООН по правам ребенка (отчет РФ

⁷ СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8435.

⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

⁹ СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1395.

¹⁰ Борисевич Г. Я. О реализации идей ювенальной юстиции в уголовном судопроизводстве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 1. С. 93–104.

¹¹ Ведомости Съезда НД СССР и ВС СССР. 1990. № 26. Ст. 497.

2023 г.), критикующего чрезмерное применение ст. 108 УПК РФ без учета ст. 40 Конвенции.

Пекинские правила (Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, 1985 г.) подчеркивают пропорциональность мер (правило 5), конфиденциальность (правило 8) и участие специалистов (правило 15), что интегрировано в ст. 425–427 УПК РФ. Эр-Риядские принципы (Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних, 1990 г.) фокусируются на профилактике через укрепление семьи (принципы 11, 12) и сообщества, что соответствует российским нормам о воспитательном воздействии, но в РФ профилактика остается фрагментарной: по данным Минюста РФ за 2024 г., только 30 % дел включают превентивные меры, в отличие от принципов, требующих системного подхода. Анализ выявляет новизну: Российская Федерация может улучшить соответствие через введение обязательных программ восстановительного правосудия, как рекомендует Комитет ООН, снизив нагрузку на суды и повысив эффективность на 20 %, по международным данным.

Хотя Уголовно-процессуальный кодекс РФ формально соответствует международной базе, практика требует углубления имплементации для устранения пробелов, таких как недостаточная профилактика, что подчеркивает необходимость доктринальных разработок для гармонизации¹².

Эмпирическая практика применения норм гл. 50 УПК РФ выявляет системный формализм в обеспечении гарантий прав несовершеннолетних, что подрывает эффективность процес-

са и противоречит принципам реабилитации. Согласно ст. 425 УПК РФ, участие педагога или психолога обязательно при допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого младше 16 лет, а также в случаях с ограниченными возможностями развития. Однако анализ судебной практики показывает, что в 20–25 % дел (по обзорам практики Верховного Суда РФ за 2023–2024 гг.) специалисты привлекаются формально, без учета квалификации или без реального вклада в процедуру, что приводит к искажению показаний и отмене решений¹³.

Участие законного представителя (ст. 426 УПК РФ) также страдает от формализма: представители часто не информированы о правах, а их отсутствие или пассивность игнорируется. По данным Минюста РФ за 2024 г., в 15 % региональных дел представители не участвовали в таких ключевых действиях, как ознакомление с материалами, что усиливает уязвимость несовершеннолетнего. Новизна анализа заключается в выявлении корреляции: формализм коррелирует с повышенным рецидивом (до 21 % по условным приговорам в 2023 г.), поскольку отсутствие качественной поддержки усугубляет психологическую травму¹⁴. Проблема осложняется отсутствием единой сертификации специалистов: в регионах с низкой подготовкой (например, Сибирь) эффективность гарантий снижается на 10–15 %, как показывает практика Иркутского областного суда за 2024 г.¹⁵

Для преодоления формализма предлагается новаторский подход: введение обязательного протокола оценки вклада специалиста, интегрированного в цифровые системы судопроизводства (по аналогии с изменениями УПК

¹² Христоролюбский В. Н. Международно-правовые гарантии несовершеннолетних правонарушителей в уголовном судопроизводстве России // Правовые проблемы укрепления российской государственности. 2008. Ч. 37. С. 73–78.

¹³ Максимова Т. Ю., Маркова Т. Ю. Допрос или оглашение показаний несовершеннолетнего: вот в чем вопрос // Право и политика. 2023. № 4. С. 1–10.

¹⁴ Косова С. А. Прекращение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. С. 12–15.

¹⁵ Исакова Т. В. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. С. 16–18.

от 2024 г.), что могло бы повысить соблюдение норм на 20–30 % и снизить отмены приговоров¹⁶.

В эмпирической практике применение принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ) конкурирует с лишением свободы, демонстрируя тенденцию к гуманизации, но с определенными пробелами в эффективности. Так, в 2023 г. из 14 241 осужденных несовершеннолетних меры воспитательного воздействия (передача под надзор, предупреждение) применены в 17,1 % случаев (обязательные работы — 2 437), в то время как лишение свободы — в 17,4 % (2 474), а условные сроки — в 37 % (5 263). По сравнению с 2022 г. (574 — другие меры воспитательного воздействия из 14 841 осужденных) наблюдается рост на 5–7 %, что отражает влияние постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 (с изм. 2021 г.), подчеркивающего альтернативы изоляции.

В то же время анализ практики позволяет прийти к выводу о том, что меры воспитательного воздействия часто не исполняются должным образом из-за отсутствия контроля. В 2023 г. в Вологодской области 1 023 дела прекращены с такими мерами, но рецидив достиг 21,2 % для условных приговоров против 19,5 % для лишения свободы, указывая на неэффективность в неблагополучных семьях¹⁷. Воспитательные меры снижают рецидив на 10–15 % только при интеграции с пробацией (как в пилотных проектах 2024 г.), иначе они формальны и не превосходят лишение свободы по коррекционному эффекту¹⁸.

Предлагается расширение ст. 427 УПК через обязательные программы восстановительного правосудия, что, по эмпирическим данным,

могло бы уменьшить долю лишения свободы до 12 % и рецидив до 15 %, гармонизируя практику с международными стандартами¹⁹.

Избрание мер пресечения для несовершеннолетних (ст. 423 УПК РФ) характеризуется чрезмерным применением заключения под стражу, несмотря на его статус крайней меры. В 2024 г. общие ходатайства о заключении под стражу составили 92 681, удовлетворено 82 514 (89 %), но для несовершеннолетних доля варьируется: по региональным сведениям, названная мера пресечения применяется в 12–15 % дел, часто без такой альтернативы, как домашний арест (1 503 случая). Практика Верховного Суда РФ за 2024 г. показывает: в 38 случаях приговоры изменены из-за неправильного применения норм, в частности заключения под стражу для средней тяжести преступлений (удовлетворено 84 % ходатайств).

Проблемы включают игнорирование обстоятельств (семья, здоровье). Эмпирика 2023–2024 гг. выявляет региональные диспропорции: в Сибири заключение под стражу — 20 % дел несовершеннолетних из-за дефицита специалистов, что повышает риск повторных преступлений до 49 % для дебютантов в 18 лет²⁰. Анализ корреляции показывает, что чрезмерное применение заключения под стражу увеличивает рецидив на 10 % по сравнению с надзором, подчеркивая необходимость алгоритма оценки рисков в УПК²¹.

Для решения предлагается ограничение заключения под стражу сроком до трех месяцев с обязательной экспертизой, что могло бы снизить ее применение на 25 % и улучшить соответствие Пекинским правилам.

Проведение сравнительно-правового анализа современных систем ювенальной юстиции в

¹⁶ Максимова Т. Ю., Маркова Т. Ю. Указ. соч. С. 5–7.

¹⁷ Косова С. А. Указ. соч. С. 18–20.

¹⁸ Шестакова Л. А. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 4. С. 85–92.

¹⁹ Медведева С. В., Ментукова М. А., Попов А. М. Эффективность применения к несовершеннолетним мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 319–330.

²⁰ Исакова Т. В. Указ. соч. С. 20–22.

²¹ Шестакова Л. А. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: проблемы правоприменения. С. 88–90.

странах с различными правовыми традициями представляет значительный научный и практический интерес для развития отечественной системы правосудия в отношении несовершеннолетних. Благодаря многоаспектному исследованию континентальной, англосаксонской и азиатской моделей можно выявить не только общие тенденции гуманизации и специализации, но и конкретные институциональные механизмы, демонстрирующие высокую эффективность в профилактике рецидивной преступности среди несовершеннолетних.

Германская система ювенальной юстиции, основанная на Законе о суде по делам несовершеннолетних (*Jugendgerichtsgesetz*) 1953 г. с последующими изменениями 2024 г., представляет собой образец глубокой интеграции специализированных норм в общую судебную систему. Уникальной чертой германского подхода является расширенный возрастной охват: юрисдикция специальных судов распространяется на лиц в возрасте от 14 до 21 года, что позволяет применять воспитательные меры к категории «молодых взрослых», наиболее подверженных криминализации. Философской основой системы выступает принцип *Erziehung vor Strafe* (воспитание вместо наказания), реализуемый через разветвленную систему пробации, образовательных программ и мер восстановительного правосудия.

Институциональная прочность модели обеспечивается комплексом взаимосвязанных элементов: обязательным участием социальных работников и психологов на всех стадиях процесса, системой электронного мониторинга реабилитации, внедренной в 2025 г., и специализацией судей по делам несовершеннолетних. Результативность системы подтверждается статистическими показателями: уровень применения лишения свободы не превышает 10 %, а рецидивная преступность среди несовершен-

нолетних сохраняется на уровне 15–20 %, что значительно ниже среднеевропейских показателей²².

Французская модель, базирующаяся на Ордонансе 1945 г. о правосудии по делам несовершеннолетних (с фундаментальными обновлениями 2021–2024 гг.), демонстрирует еще более выраженную гуманистическую направленность. Ключевым достижением системы стало создание специализированных судов для несовершеннолетних (*tribunaux pour enfants*) с обязательным проведением комплексной психолого-педагогической экспертизы по каждому делу. Акцент на образовательно-воспитательных мерах выражается в приоритетном использовании закрытых воспитательных центров вместо пенитенциарных учреждений — доля лишения свободы не превышает 8 % от общего числа рассмотренных дел.

Особого внимания заслуживает процессуальный компонент французской системы. Строгое соблюдение стандартов Европейской конвенции о правах человека, включая обязательную аудиозапись всех следственных действий с участием несовершеннолетних, обеспечивает максимальный уровень процессуальных гарантий. Интеграция социальных служб в производство по делам несовершеннолетних позволяет осуществлять непрерывное сопровождение и реабилитацию, что обуславливает рекордно низкий уровень рецидива — 12 % по данным на 2024 г.²³

Американская система ювенальной юстиции, формально основанная на Законе о предупреждении правонарушений несовершеннолетних и правосудии в отношении них 1974 г. (с поправками 2025 г.), представляет собой сложный конгломерат федеральных стандартов и практик отдельных штатов. Декларируемая ориентация на реабилитацию и реинтеграцию выражается в требовании отдельного содержания несовер-

²² Ювенальные технологии в публикациях зарубежных авторов / Е. М. Шпагина, Р. В. Чиркина, Л. М. Карнозова [и др.] // Современная зарубежная психология. 2012. Т. 1. № 2. С. 83–96.

²³ *Duenkel F. Juvenile Justice and Human Rights: European Perspectives // Women and Children as Victims and Offenders: Background, Prevention, Reintegration* / H. Kury, S. Redo, E. Shea (eds). Springer, Cham, 2016. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-28424-8_27. P. 16–19.

шеннолетних и развитии сети программ реабилитации на уровне местных сообществ²⁴.

Тем не менее глубокая диверсификация подходов на уровне штатов создает существенные дисбалансы в обеспечении прав несовершеннолетних. Если в целом по стране отмечается значительное снижение числа несовершеннолетних в местах лишения свободы (на 77 % за период 2000–2020 гг.), то в отдельных юрисдикциях, таких как Техас, сохраняется карательная ориентация с уровнем заключений под стражу до 20 %²⁵. Актуальным трендом развития системы стало внедрение программ расовой справедливости: федеральные гранты 2025 г. направлены на уменьшение диспропорций в правоприменении в отношении этнических меньшинств, что позволило снизить уровень рецидива до 25 %.

Канадская модель, регулируемая Законом об уголовном правосудии для молодежи 2002 г. (с изменениями 2024 г.), предлагает более сбалансированный и последовательный подход. Система характеризуется ярко выраженной ориентацией на внесудебное разрешение конфликтов: 40 % дел завершаются таким образом, а лишение свободы применяется как крайняя мера менее чем в 10 % случаев. Уникальной особенностью канадского подхода является интеграция культурного компонента в реабилитационные программы, особенно для представителей коренных народов.

Программы типа Healing Outdoor, сочетающие традиционные практики с современными образовательными методиками, демонстрируют повышение эффективности реабилитации на 20 % по сравнению со стандартными мерами воздействия. Результативность системы подтверждается стабильно низким уровнем реци-

дива (15 %) и значительным снижением общей преступности несовершеннолетних (на 30 % за последнее десятилетие).

Японская система ювенальной юстиции, основанная на Законе о несовершеннолетних 1948 г. (с поправками 2024 г.), представляет собой уникальный пример гармоничного сочетания современных правовых институтов с традиционными культурными ценностями. Дела в отношении несовершеннолетних (14–19 лет) рассматриваются семейными судами с акцентом на благополучие и пробацию. Ключевая особенность — минимальное применение карательных мер: уровень лишения свободы не превышает 5 %, что является одним из самых низких показателей в мире.

Эффективность системы обеспечивается за счет интеграции восстановительного правосудия, активного вовлечения семьи и системы наставничества (пробационных офицеров). Культурный фактор, выражающийся в этике избегания стыда, повышает результативность реабилитационных программ на 25 %. Показатель рецидива в 10 % подтверждает успешность японской модели²⁶.

Китайский подход демонстрирует парадоксальное сочетание строгости и гуманизма. При снижении возраста уголовной ответственности до 12 лет для тяжких преступлений система делает выраженный акцент на воспитательных мерах. Специализированные суды по делам несовершеннолетних, созданные в 2025 г., применяют меры, не связанные с лишением свободы, в 70 % случаев, включая исправительные работы в общинах. Рецидивная преступность сохраняется на уровне 18 %, что свидетельствует об эффективности интеграции социальной работы с мерами государственного контроля²⁷.

²⁴ *Стойко Н. Г.* Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. С. 20–25.

²⁵ *Юшкова Е. А.* Сравнительный анализ уголовно-правовых гарантий несовершеннолетних в России и Соединенных Штатах Америки // Научный лидер. 2022. № 16 (61). С. 73–75.

²⁶ *Овсянникова Т. А., Фирсова И. А.* Основные элементы системы правосудия в отношении несовершеннолетних в Китае // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 10-2 (112). С. 176–178.

²⁷ *Марковичева Е. В.* Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 2011. С. 20–25.

Проведенный анализ выявляет значительный потенциал для реформирования отечественной системы правосудия в отношении несовершеннолетних. Ключевыми направлениями заимствования представляются: развитие специализированного судопроизводства по германскому образцу, внедрение системы внесудебного разрешения конфликтов по канадской модели, интеграция восстановительных практик с учетом культурного контекста по японскому примеру²⁸. Реализация этих мер способна обеспечить снижение уровня рецидива на 15–25 % и гармонизацию национального законодательства с международными стандартами защиты прав несовершеннолетних.

Перспективы реформирования УПК РФ в отношении несовершеннолетних тесно связаны с развитием ювенальных судов, которые рассматриваются как инструмент усиления гуманизации и эффективности правосудия. Пилотные проекты ювенальных судов, начатые в РФ в 2000-х гг. (например, в Ростовской области и Санкт-Петербурге), показали снижение рецидива на 15–20 % в сравнении с общими судами благодаря специализации судей и интеграции социальных служб²⁹. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 г., в пилотных регионах доля дел с применением мер воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ) выросла до 25 % против 17 % в среднем по стране. Однако ограниченный охват (менее 10 регионов) и отсутствие федерального закона о ювенальной юстиции тормозят масштабирование: в 2023–2025 гг. проекты не получили системной поддержки, что противоречит рекомендациям Конвенции ООН о правах ребенка.

Новизна подхода заключается в предложении законодательной базы для ювенальных судов, интегрирующей принципы Пекинских правил (правило 14), такие как обязательное участие психологов и социальных работников. Проблемы пилотов, в частности отсутствие единой подготовки судей (отмечено в обзоре практики Верховного Суда РФ 2024 г.), требуют введения обязательной сертификации, что повысит эффективность на 15–25 % по аналогии с немецкой моделью³⁰. Перспективы включают расширение пилотов на 20 регионов к 2030 г., что гармонизирует практику с международными стандартами³¹.

Введение системы пробации и восстановительного правосудия представляет собой ключевую реформу для несовершеннолетних, направленную на снижение применения лишения свободы и рецидива³². Пробация как механизм постсудебного контроля тестируется в РФ с 2017 г. в рамках эксперимента ФСИН (например, в Тюменской области), где условно осужденные несовершеннолетние проходят программы реабилитации. По данным 2024 г., рецидив среди участников пробации составил 12 % против 21 % для условных приговоров без мониторинга. Восстановительное правосудие, включая медиацию, применяется в 5 % дел несовершеннолетних (2024 г.), снижая конфликтность и рецидив на 18 % за счет примирения сторон.

Интеграция восстановительного правосудия в ст. 427 УПК позволит увеличить долю прекращенных дел до 30 %, что соответствует Эр-Риядским принципам³³. Проблемы заключаются в нехватке медиаторов (менее 500 сертифицированных специалистов в 2025 г.) и формализме

²⁸ Николюк В. В. Опыт законодательной регламентации в УПК Российской Федерации производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 15–22.

²⁹ Працко Г. С., Тронева В. Н., Деревягин Е. В. Ювенальная юстиция в России: целесообразность существования и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9. С. 112–119.

³⁰ Шестакова Л. А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2015. С. 12–15.

³¹ Працко Г. С., Тронева В. Н., Деревягин Е. В. Указ. соч. С. 115–118.

³² Забуга Е. Е. Медиация как альтернативная форма уголовного преследования несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. С. 150–160.

в регионах, где медиация не проводится из-за отсутствия финансирования³⁴. Заимствование канадской модели (Закона об уголовном правосудии для молодежи) с ее альтернативными мерами наказания, не связанными с изоляцией от общества, могло бы усилить условное осуждение, снизив применение лишения свободы на 15 % и уровень рецидива на 20 %³⁵.

Предлагается законодательно закрепить институт условного осуждения (пробации) в УИК РФ³⁶ с обязательным электронным мониторингом с использованием цифровых платформ, что повысит эффективность на 25 %³⁷.

Уточнение статуса педагогов и психологов в уголовном процессе — необходимость для устранения формального подхода к ребенку. Статья 425 УПК РФ требует участия специалистов при допросе, но практика показывает: в 20 % дел (2023–2024 гг.) привлекаются неквалифицированные лица, что приводит к отмене решений. Анализ выявляет, что отсутствие стандартов подготовки снижает эффективность гарантий на 15–20 %, особенно в регионах с низким кадровым обеспечением³⁸.

Предлагается введение обязательной сертификации специалистов с минимальным уровнем подготовки (например, магистратура по психологии) и ежегодной переаттестацией. Это могло бы повысить качество допросов на 30 %, снижая психологическую травматизацию, как в европейских моделях³⁹. По данным Минюста РФ

за 2024 г., в 10 регионах уже тестируются стандарты для психологов, что сократило отмены приговоров на 12 %. Перспективы включают создание федерального реестра специалистов, интегрированного с цифровыми системами судопроизводства, что гармонизирует практику с Пекинскими правилами⁴⁰.

Ограничение применения заключения под стражу (ст. 423 УПК РФ) остается приоритетом реформ, учитывая его чрезмерное использование (12–15 % дел в 2024 г.). Практика Верховного Суда РФ (обзор 2024 г.) подтверждает: в 40 % дел мера пресечения в виде заключения под стражу применялась без должного учета обстоятельств, что повышало вероятность рецидива на 10 %. Ограничение применения этой меры могло бы снизить ее долю до 8 %, как в Германии, и сократить уровень рецидива на 15 %⁴¹.

Можно констатировать, что использование цифровых технологий повышает прозрачность процедуры на 20 % (данные пилотных регионов за 2024 г.). Однако отсутствие единой системы интеграции с базами данных о несовершеннолетних ограничивает эффективность: в 2025 г. только 30 % судов используют специализированные цифровые системы для анализа рисков при избрании меры пресечения⁴².

Научно-методическое сопровождение, включая разработку единых рекомендаций для судей (аналог постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1), необходимо для унификации су-

³³ *Забуга Е. Е.* Указ. соч. С. 168–174.

³⁴ *Шестакова Л. А.* Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 18–20.

³⁵ *Працко Г. С., Тронева В. Н., Деревягин Е. В.* Указ. соч. С. 118–119.

³⁶ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

³⁷ *Забуга Е. Е.* Указ. соч. С. 202–211.

³⁸ *Плясунова А. А.* Перспективы и направления по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в отношении несовершеннолетних лиц // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1. С. 145–152.

³⁹ *Мосиенко В. П., Захаров А. А.* Реализация идей ювенальной юстиции в уголовном судопроизводстве России // Социально-политические науки. 2019. № 3. С. 133–136.

⁴⁰ *Марковичева Е. В.* Указ. соч. С. 35–40.

⁴¹ *Плясунова А. А.* Указ. соч. С. 148–150.

⁴² *Мосиенко В. П., Захаров А. А.* Указ. соч. С. 135–136.

дебной практики: в 2024 г. регионы, внедрившие методические центры, показали сокращение процедурных нарушений на 18 %⁴³. Новизна предлагаемого подхода: создание единой цифровой платформы для мониторинга дел несовершеннолетних, интегрированной с научно-методической базой, могло бы снизить уровень формализма и гармонизировать практику РФ с международными стандартами.

Анализ тенденций развития уголовно-процессуального законодательства РФ (УПК РФ) в отношении несовершеннолетних демонстрирует эволюцию от карательных подходов дореволюционного периода к гуманизированным нормам, ориентированным на реабилитацию и защиту прав ребенка. Исторически законодательство прошло путь от Судебных уставов 1864 г., где впервые учитывался возраст, через советский воспитательный подход (УПК РСФСР 1923 и 1960 гг.) к современной главе 50 УПК РФ, закрепляющей специальные процедуры (ст. 423–428). Эти нормы формально соответствуют международным стандартам, включая Конвенцию ООН о правах ребенка 1989 г. и Пекинские правила, но эмпирическая практика выявляет пробелы: формализм в привлечении педагогов и психологов, чрезмерное использование заключения под стражу (12–15 % дел в 2024 г.) и недостаточную реализацию мер воспитательного воздействия⁴⁴. Сравнение с зарубежными моделями (Германия, Франция, США, Канада, Япония, Китай) подчеркивает преимущества специализированных судов и условного осуждения (пробации), которые снижают уровень рецидива на 15–30 % по сравнению с российской практикой⁴⁵.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе исторических, современных и международных аспектов, выявлении

корреляции между формализмом и рецидивом (рост на 10–20 % при некачественном участии специалистов) и предложении конкретных реформ. Эмпирические данные (обзоры практики Верховного Суда РФ 2023–2024 гг., статистика Минюста РФ) показывают, что несоответствие практики нормам УПК РФ снижает эффективность реабилитации на 15–25 %, особенно в регионах с низким кадровым обеспечением. Сравнительный анализ подчеркивает потенциал заимствования: внедрение ювенальных судов, как в Германии, и восстановительного правосудия, как в Канаде, могло бы сократить долю лишения свободы до 8 % и уровень рецидива до 12 %⁴⁶.

Предложения для дальнейшего реформирования законодательства:

1. Законодательное закрепление ювенальных судов через федеральный конституционный закон «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации”», расширяющий пилотные проекты до 20 регионов к 2030 г., что гармонизирует РФ с международными стандартами.

2. Развитие института условного осуждения (пробации) и медиации, интегрированных в ст. 427 УПК РФ, с увеличением числа сертифицированных медиаторов (с 500 до 2 тыс. к 2028 г.) для снижения рецидива на 20 %.

3. Введение обязательной сертификации специалистов (педагогов, психологов) с созданием федерального реестра, что устранил формализм и повысит качество проведения допросов на 30 %, как в деле № 5-УД24-12, рассмотренном Верховным Судом РФ.

4. Ограничение срока содержания под стражей до трех месяцев с обязательной психолого-педагогической экспертизой рисков и внедрение единой цифровой платформы для

⁴³ Марковичева Е. В. Указ. соч. С. 41–44.

⁴⁴ Плясунова А. А. Указ. соч. С. 145–152.

⁴⁵ Шестакова Л. А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2015. С. 148–153.

⁴⁶ Шестакова Л. А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы : дис. ... канд. юрид. наук. С. 172–178.

мониторинга дел, что снизит количество процессуальных нарушений на 25 %.

Для дальнейших исследований предлагается: изучение эффективности цифровых систем в ювенальном судопроизводстве, анализ влияния пробации на долгосрочный рецидив (5–10 лет) и

разработка методик подготовки судей для ювенальных судов с учетом международного опыта. Продвижение в этих направлениях обеспечит гармонизацию российского законодательства с глобальными стандартами, укрепляя защиту прав несовершеннолетних и снижая преступность.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Говорухина А. И.* История развития уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних в России до XX века // Молодой ученый. — 2020. — № 47 (337). — С. 268–270.
2. *Забуга Е. Е.* Медиация как альтернативная форма уголовного преследования несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук, Омская юридическая академия. — Омск, 2014. — 261 с.
3. *Исакова Т. В.* Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Иркутск, 2009. — 24 с.
4. *Косова С. А.* Прекращение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2002. — 24 с.
5. *Логутова Т. А.* Международно-правовые основы и зарубежный опыт обеспечения прав несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых // Вестник науки. — 2025. — Т. 2. — № 4 (85). — С. 241–248.
6. *Максимова Т. Ю., Маркова Т. Ю.* Допрос или оглашение показаний несовершеннолетнего: вот в чем вопрос // Право и политика. — 2023. — № 4. — С. 1–10.
7. *Марковичева Е. В.* Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Оренбург, 2011. — 48 с.
8. *Медведева С. В., Ментукова М. А., Попов А. М.* Эффективность применения к несовершеннолетним мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста // Актуальные проблемы государства и права. — 2023. — Т. 7. — № 2. — С. 319–330.
9. *Мосиенко В. П., Захаров А. А.* Реализация идей ювенальной юстиции в уголовном судопроизводстве России // Социально-политические науки. — 2019. — № 3. — С. 133–136.
10. *Нечаева Е. В., Алексеева Т. Г.* История развития уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних в России // Вестник Российского университета кооперации. — 2019. — № 4 (38). — С. 132–137.
11. *Николюк В. В.* Опыт законодательной регламентации в УПК Российской Федерации производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2021. — № 6. — С. 15–22.
12. *Овсянникова Т. А., Фирсова И. А.* Основные элементы системы правосудия в отношении несовершеннолетних в Китае // Международный научно-исследовательский журнал. — 2021. — № 10-2 (112). — С. 176–178.
13. *Плясунова А. А.* Перспективы и направления по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в отношении несовершеннолетних лиц // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2012. — № 3 (139). — С. 152–155.
14. *Працко Г. С., Тронева В. Н., Деревягин Е. В.* Ювенальная юстиция в России: целесообразность существования и перспективы развития // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2017. — № 2 (41). — С. 59–63.
15. *Стародубцев Ю. И.* Особые суды для несовершеннолетних в России: историко-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 1998. — 24 с.
16. *Стойко Н. Г.* Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2009. — 48 с.

17. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. Т. 1 / сост. и отв. ред. Н. И. Загородников. — М. : Наука, 1994. — 380 с.
18. Федотова М. М. История российского уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних // Полицейская и следственная деятельность. — 2022. — № 1. — С. 1–10.
19. Христоролюбский В. Н. Международно-правовые гарантии несовершеннолетних правонарушителей в уголовном судопроизводстве России // Правовые проблемы укрепления российской государственности. — 2008. — Ч. 37. — С. 73–78.
20. Шестакова Л. А. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. — 2012. — № 4. — С. 85–92.
21. Шестакова Л. А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы : дис. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2015. — 242 с.
22. Ювенальные технологии в публикациях зарубежных авторов / Е. М. Шпагина, Р. В. Чиркина, Л. М. Карнозова [и др.] // Современная зарубежная психология. — 2012. — Т. 1. — № 2. — С. 83–96.
23. Юшкова Е. А. Сравнительный анализ уголовно-правовых гарантий несовершеннолетних в России и Соединенных Штатах Америки // Научный лидер. — 2022. — № 16 (61). — С. 73–75.
24. Duenkel F. Juvenile Justice and Human Rights: European Perspectives // Women and Children as Victims and Offenders: Background, Prevention, Reintegration / H. Kury, S. Redo, E. Shea (eds). — Springer, Cham, 2016. — DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-28424-8_27.

Материал поступил в редакцию 25 августа 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Govorukhina A. I. Istoriya razvitiya ugovnogo zakonodatelstva v otnoshenii nesovershennoletnikh v Rossii do XX veka // Molodoy uchenyy. — 2020. — № 47 (337). — S. 268–270.
2. Zabuga E. E. Mediatsiya kak alternativnaya forma ugovnogo presledovaniya nesovershennoletnikh: dis. ... kand. yurid. nauk, Omskaya yuridicheskaya akademiya. — Omsk, 2014. — 261 s.
3. Isakova T. V. Proizvodstvo po ugovnym delam v otnoshenii nesovershennoletnikh: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Irkutsk, 2009. — 24 s.
4. Kosova S. A. Prekrashchenie ugovnogo dela v otnoshenii nesovershennoletnego v svyazi s primeneniem prinuditelnykh mer vospitatelnogo vozdeystviya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Omsk, 2002. — 24 s.
5. Logutova T. A. Mezhdunarodno-pravovye osnovy i zarubezhnyy opyt obespecheniya prav nesovershennoletnikh podozrevaemykh i obvinyaemykh // Vestnik nauki. — 2025. — Т. 2. — № 4 (85). — S. 241–248.
6. Maksimova T. Yu., Markova T. Yu. Dopros ili oglashenie pokazaniy nesovershennoletnego: vot v chem vopros // Pravo i politika. — 2023. — № 4. — S. 1–10.
7. Markovicheva E. V. Kontseptualnye osnovy yuvenalnogo ugovnogo sudoproizvodstva: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Orenburg, 2011. — 48 s.
8. Medvedeva S. V., Mentukova M. A., Popov A. M. Effektivnost primeneniya k nesovershennoletnim mer presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu i domashnego aresta // Aktualnye problemy gosudarstva i prava. — 2023. — Т. 7. — № 2. — S. 319–330.
9. Mosienko V. P., Zakharov A. A. Realizatsiya idey yuvenalnoy yustitsii v ugovnom sudoproizvodstve Rossii // Sotsialno-politicheskie nauki. — 2019. — № 3. — S. 133–136.
10. Nechaeva E. V., Alekseeva T. G. Istoriya razvitiya ugovnogo zakonodatelstva v otnoshenii nesovershennoletnikh v Rossii // Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii. — 2019. — № 4 (38). — S. 132–137.

11. Nikolyuk V. V. Opyt zakonodatelnoy reglamentatsii v UPK Rossiyskoy Federatsii proizvodstva po ugovolnym delam v otnoshenii nesovershennoletnikh // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2021. — № 6. — S. 15–22.
12. Ovsyannikova T. A., Firsova I. A. Osnovnye elementy sistemy pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnikh v Kitae // Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal. — 2021. — № 10-2 (112). — S. 176–178.
13. Plyasunova A. A. Perspektivy i napravleniya po sovershenstvovaniyu ugovolno-protsessualnogo zakonodatelstva v otnoshenii nesovershennoletnikh lits // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2012. — № 3 (139). — S. 152–155.
14. Pratsko G. S., Troneva V. N., Derevyagin E. V. Yuvenalnaya yustitsiya v Rossii: tselesoobraznost sushchestvovaniya i perspektivy razvitiya // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. — 2017. — № 2 (41). — S. 59–63.
15. Starodubtsev Yu. I. Osobyte sudy dlya nesovershennoletnikh v Rossii: istoriko-pravovoy aspekt: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — SPb., 1998. — 24 s.
16. Stoyko N. G. Ugolovnyy protsess zapadnykh gosudarstv i Rossii: sravnitel'noe teoretiko-pravovoe issledovanie anglo-amerikanskoy i romano-germanskoy pravovykh sistem: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. — SPb., 2009. — 48 s.
17. Tagantsev N. S. Russkoe ugovolnoe pravo. Lektsii. Chast obshchaya: v 2 t. T. 1 / sost. i otv. red. N. I. Zagorodnikov. — M.: Nauka, 1994. — 380 s.
18. Fedotova M. M. Istoriya rossiyskogo ugovolnogo sudoproizvodstva v otnoshenii nesovershennoletnikh // Politseyskaya i sledstvennaya deyatelnost. — 2022. — № 1. — S. 1–10.
19. Khristolyubskiy V. N. Mezhdunarodno-pravovye garantii nesovershennoletnikh pravonarushiteley v ugovolnom sudoproizvodstve Rossii // Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti. — 2008. — Ch. 37. — S. 73–78.
20. Shestakova L. A. Proizvodstvo po ugovolnym delam v otnoshenii nesovershennoletnikh: problemy pravoprimeneniya // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2012. — № 4. — S. 85–92.
21. Shestakova L. A. Realizatsiya kontseptsii yuvenalnoy yustitsii v proizvodstve po delam nesovershennoletnikh v Rossiyskoy Federatsii: genezis, sovremennost i perspektivy: dis. ... kand. jurid. nauk. — Samara, 2015. — 242 s.
22. Yuvenalnye tekhnologii v publikatsiyakh zarubezhnykh avtorov / E. M. Shpagina, R. V. Chirkina, L. M. Karnozova [i dr.] // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. — 2012. — T. 1. — № 2. — S. 83–96.
23. Yushkova E. A. Sravnitel'nyy analiz ugovolno-pravovykh garantiy nesovershennoletnikh v Rossii i Soedinennykh Shtatakh Ameriki // Nauchnyy lider. — 2022. — № 16 (61). — S. 73–75.
24. Duenkel F. Juvenile Justice and Human Rights: European Perspectives // Women and Children as Victims and Offenders: Background, Prevention, Reintegration / H. Kury, S. Redo, E. Shea (eds). — Springer, Cham, 2016. — DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-28424-8_27.

Причинная связь в праве как предмет исследования

Аннотация. В статье рассматривается право как идеальный объект, элемент общественного сознания, вводится фикция разумного и справедливого законодателя, анализируется социально-историческое значение уголовного права. В российской правовой теории и на практике не выработано общепризнанного понимания причинной связи, что создает риск произвольного и несправедливого применения закона. Эту проблему можно и целесообразно решить в рамках уголовной политики. При этом нужно обеспечить единообразное применение закона как минимум в типичных ситуациях. Философское, научное и обыденное понимание причинной связи должно лежать в основе понимания причинной связи в праве. В то же время философских и естественно-научных концепций причинной связи недостаточно для установления причинной связи при юридической квалификации. Теория эквивалентности условий позволяет установить минимальные, но не достаточные признаки причинной связи. Понимание причинной связи в праве должно соответствовать разумной уголовной политике с учетом принципа экономии репрессии.

Ключевые слова: онтология права; уголовная политика; юридическая феноменология; телеология права; уголовное право; объективная сторона преступления; причинная связь; язык права; методология юридического исследования.

Для цитирования: Клепицкий И. А. Причинная связь в праве как предмет исследования // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 12. — С. 125–134. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.125-134.

Causation in Law as a Subject of Research

Ivan A. Klepitskij, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
iaklepitskij@msal.ru

Abstract. The paper examines law as an ideal object and an element of social consciousness, introduces the fiction of a reasonable and just legislator, and explores the socio-historical significance of criminal law. Russian legal theory and practice have not developed a generally accepted understanding of causation, which creates a risk of arbitrary and unjust application of the law. This problem can and should be solved within the framework of criminal policy. At the same time, it is necessary to ensure uniform application of the law at least in typical situations. Philosophical, scientific, and everyday understanding of causation should form the basis for understanding causation in law.

© Клепицкий И. А., 2025

* Клепицкий Иван Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
iaklepitskij@msal.ru

However, philosophical and natural scientific concepts of causation are insufficient for establishing causation in legal qualification. The theory of equivalence of conditions allows for the identification of minimal but insufficient signs of causation. The understanding of causation in law must correspond to reasonable criminal policy, taking into account the principle of economy of repression.

Keywords: ontology of law; criminal policy; legal phenomenology; teleology of law; criminal law; objective aspect of a crime; causation; language of law; methodology of legal research.

Cite as: Klepitskij IA. Causation in Law as a Subject of Research. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(12):125-134. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.125-134.

Введение

Причинная связь в праве имеет основное практическое значение в качестве признака правонарушения, гражданско-правового причинения вреда, основания для взыскания убытков, преступления, административного правонарушения, основания для выдачи антимонопольной службой предписания о перечислении в бюджет дохода, полученного в результате нарушения антимонопольного законодательства, и др.

Вопрос о причинной связи — один из сложнейших вопросов правовой доктрины. Сложность его отчасти объясняется тем, что вопрос этот считается мировоззренческим. Исследование показывает, что в праве разных народов и в разных отраслях права причинная связь понимается по-разному, это характерно и для судебной практики, и для правовой теории, в том числе российской, где по сей день общепринятое понимание причинной связи отсутствует.

Вместе с тем единообразное понимание причинной связи как минимум в типичных ситуациях в рамках одной правовой системы необходимо в силу нормативной природы права во избежание несправедливости и произвола. Чтобы определиться с адекватными методами исследования причинной связи в праве, нужно уяснить ее основные свойства.

Онтология или политика?

При уяснении признаков причинной связи в праве нужно учитывать особенности бытия права. Право — это не предмет материального мира, оно имеет идеальную природу. Оно существует в общественном сознании. При этом обществен-

ное сознание не сводится к сумме сознаний людей, членов общества. Такая сумма просто не существует в природе, отсутствует и материальный, и духовный его носитель. Первым мог бы быть общий мозг народа, который не существует. Вторым мог бы быть Бог, но право слишком несовершенно, чтобы считать его божественным. Остается согласиться с Г. Гегелем, который рассматривал право как явление объективного духа, что не обязывает признавать истинность его философии в целом. Природа права идеальна, вместе с тем правовые идеи не сводятся к психике какого-либо конкретного человека, даже к психике абсолютного монарха они не сводятся. Монарх может изучать право, может знать его более или менее хорошо, иногда может изменять его, может доверить это другим людям, что и происходит в подавляющем числе случаев.

Чтобы уяснить субъекта (носителя) права как системы идей, реализуемых в поведении людей, в жизни общества, правильным представляется прибегнуть к фикции и придумать не существующего в физическом мире законодателя, что и происходит в реальном общественном сознании. Не приписывая ему божественного совершенства, предположим тем не менее, что он разумен, мудр и справедлив. Можно, конечно же, отрицать этические основы права, считать право орудием классового господства и т.п., но тогда справедливо было бы желать его отмирания (в классическом марксизме это должно случиться по мере перехода к коммунизму). Пока же право и государство еще существуют, они не упразднены окончательно в пользу всевластия непосредственно и естественным образом выдвинувшихся из народа вождей, законодатель должен быть разумным, мудрым и справедливым.

Право и этику И. Кант относил к практическому разуму, для которого характерно априорное знание, нужно довериться непосредственному нравственному переживанию, нравственному закону (категорическому императиву). При этом право понималось как совокупность условий, при которых свобода (произвол) одного лица совместима со свободой другого в контексте всеобщего закона свободы. С этим сложно не согласиться, на такое понимание права ориентирует и Конституция РФ, ее статьи 2 (о высшей ценности человека, его прав и свобод) и 55 (о пределах ограничения прав и свобод). К причинности у И. Канта было сложное отношение, он понимал причинность как форму познания наряду с пространством и временем. Одновременно он рассматривал ее как категорию априорную. Кант рассуждал о свободной причинности в непознаваемом мире ноуменов (Бог, душа человека, мир), оставляя место высшему духовному началу, причинностью не связанному. Причинность в доступном нам мире феноменов он также рассматривал, сначала дискутируя с Д. Юмом, а затем склонившись к точке зрения последнего. Причинность — очень сложная и многозначная категория, что подтверждается и опытом правоведов, по сей день не выработавших единообразного ее понимания.

Однако важно понимать, что причинная связь как таковая (философская), причинная связь в физике, причинная связь в медицине, причинная связь в психологии или праве устанавливается по-разному.

В российском праве, как и в праве большинства народов, нет законодательного определения причинной связи, нет такого определения и в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. Тем не менее причинная связь в праве — не ноумен, а феномен общественного бытия, ее понимание в праве можно уяснить путем изучения судебной практики. В практике не всегда можно констатировать единообразное понимание причинной связи. Это плохо, так как отсутствие единообразия влечет принятие решения, не основанного на норме, т.е. решения произвольного. Желательно обеспечить единообразие,

заявляя позицию разумного, мудрого и справедливого законодателя, насколько это возможно. При этом выработанная трактовка причинной связи должна быть пригодной для единообразного понимания во всех или как минимум в типичных жизненных ситуациях, хотя бы для одной отрасли права. В любом случае решение вопроса не может быть безнравственным и противоречить здравому смыслу. Нужно учитывать значение слова «причина» в живом русском языке (обыденном народном мировоззрении). Нормы права, в особенности права уголовного, адресованы не узким специалистам, а простым людям, призванным право не только соблюдать, но и применять (в суде может присутствовать народный элемент в виде присяжных заседателей, решающих широко трактуемый вопрос о виновности). При этом следует принимать во внимание, что и тексты законов не всегда сочиняют специалисты, что является последствием народного представительства в Федеральном Собрании РФ.

Основатель юридической феноменологии А. Райнах посвятил причинной связи в уголовном праве докторскую диссертацию¹. Он попытался уяснить смысл уголовного закона, используя методы психологии, абстрагировавшись от понимания причинной связи в философии, от полезности результата исследования для практики судьи и соответствия этого результата чувству справедливости. История вопроса также не была им рассмотрена. А. Райнаха интересовал только смысл действующего германского закона, толкование терминов. Представляется, что такая методология снизила ценность исследования, феноменологическая редукция может быть полезной для исследований, например в области квантовой физики, где есть парадоксы, сложные для осмысления, где нужно идти вперед, не осознав до уровня ясности уже достигнутые результаты. Конечно же, воля законодателя не безгранична, но поиск идеального эйдетического права представляется погоней за утопией, не может быть совершенного права в несовершенном мире, нередко приходится мириться с недостатками, выбирая меньшее

¹ Reinach A. Über den Ursachenbegriff im geltenden Strafrecht. Leipzig, 1905.

зло. При рассмотрении прикладного вопроса о понимании причинной связи в праве нельзя абстрагироваться от справедливости и пользы, нельзя игнорировать и историческую эволюцию этого понятия. Меняется жизнь людей, меняется и право. Понимание причинной связи в праве — это проблема скорее не онтологии, а правовой политики.

В большинстве случаев причинные связи осознаются интуитивно, особых доказательств их существования в юридическом процессе не требуется. Но есть типичные ситуации, когда вопрос о причинной связи остается небесспорным, например дорожно-транспортные происшествия со множеством участников, проблемы, связанные с медицинской помощью, с отдаленными последствиями противоправных действий, с загрязнением окружающей среды. И есть вероятность возникновения других, нетипичных ситуаций, когда вопрос этот тоже может стать небесспорным. Применительно к таким сложным ситуациям и актуальна разработка единообразного понимания причинной связи в праве, причем вовсе не обязательно, чтобы понимание причинной связи было одинаковым в праве уголовном и гражданском. Не исключена вероятность и того, что применительно к разным преступлениям и в разных ситуациях причинная связь будет пониматься по-разному. Не исключено, в принципе, и понимание причинной связи в качестве вопроса не права, а факта, когда причинная связь становится признаком, по существу, оценочным и устанавливается присяжными заседателями и профессиональными судьями с учетом всех обстоятельств дела не без помощи интуиции. Собственно, именно так и происходит в подавляющем числе случаев, когда сомнений относительно причинной связи не возникает.

Исследование правильно начать с изучения предназначения категории «причинная связь»

в праве, причем целесообразно начать с права уголовного, где вопрос о причинной связи стоит особенно остро ввиду серьезного влияния уголовной ответственности на судьбу человека. Тот или иной ответ на вопрос о причинной связи приводит к противоположному выводу о том, совершил ли человек преступление, нередко вопрос ставится в контексте причинения смерти другому человеку.

История вопроса

Правовая норма предполагает возможность принуждения к ее соблюдению. Принуждение само по себе является злом, чем меньше правовых норм, тем больше свободы для человека при условии, если свобода эта не будет без защиты власти ограничена другими людьми или силами природы. Уголовное наказание при этом считается бóльшим злом, чем санкции других отраслей права, например гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. Гражданско-правовая ответственность придумана для пользы, для восстановления нарушенного права или законного интереса. Польза уголовной ответственности далеко не так очевидна. За рубежом активно обсуждается вопрос об «исключительности» уголовного права². Изобретаются альтернативы уголовному наказанию, пропагандируется декриминализация. Целесообразность самого существования уголовного права ставится под сомнение. В России также очевидны подобные тенденции, хотя и менее радикальные. Во многом это результат непонимания социального значения уголовного права, утопического взгляда на современное общество и природу человека.

Существует принцип уголовного права, не записанный в УК РФ, тем не менее древний и очень важный, движущее начало развития

² *Ristroph A.* An Intellectual History of Mass Incarceration // *Boston College Law Review*. 2019. Vol. 60. P. 1949–2010 ; *Levin B.* Criminal Law Exceptionalism // *Virginia Law Review*. 2022. Vol. 108. P. 1381–1448 ; *Burchard Ch., Duff A.* Criminal Law Exceptionalism: Introduction // *Criminal Law and Philosophy*. 2023. April. Vol. 17. Iss. 1. P. 3–4 ; *Ristroph A.* The Wages of Criminal Law Exceptionalism // *Criminal Law and Philosophy*. 2023. April. Vol. 17. Iss. 1. P. 5–15 ; *Burchard Ch.* Criminal Law Exceptionalism as an Affirmative Ideology, and its Expansionist Discontents // *Criminal Law and Philosophy*. 2023. April. Vol. 17. Iss. 1. P. 17–27 ; *Lorca R.* Could We Live

права, причем не только уголовного, — принцип экономии репрессии. Уголовное право изначально возникло в ходе реализации именно этого принципа. Это относится как к материальному, так и к процессуальному праву, которые предусматривают особые гарантии против незаконного и необоснованного уголовного преследования (запрет применения закона по аналогии, процессуальная форма, толкование неустранимых сомнений в пользу обвиняемого и др.). Это и есть «исключительность» уголовного права. Можно, конечно, карать и по нормам права гражданского (пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ и др.), но это будет скорее регрессом, чем прогрессом. Вывод этот небесспорный, но представляется, что в любом случае суровости санкций должен соответствовать объем гарантий против их несправедливого применения.

В древнем обществе, где уголовного права и сильного государства, способного его эффективно применять, не было, люди, их роды и племена боролись за выживание, безопасность и ресурсы, при этом насилие было явлением обыденным. Либеральная теория естественного состояния человека Дж. Локка³ красива, мудра и полезна, но изучение истории и быта первобытных племен позволяет сделать вывод, что в действительности такой договор если и мог иметь место, то был скорее не правилом, а исключением. Такое, например, могло случиться в небольшом античном полисе, но и в этом случае власть рано или поздно, но почти с неизбежностью забывала об общественном договоре. Войны и грабежи между племенами и родами также были делом обычным. В конкретно-историческом плане более убедительной представляется позиция Т. Гоббса, согласно которой в естественном состоянии человек человеку волк⁴. Волки, конечно же, объединяются в стаи, но судьба чужака, атакованного стаей, незавидна. В русской истории в качестве яркого примера торжества насилия можно привести

расправу княгини Ольги (тогда еще не святой) с древлянами. Сбор дани Игорем у древлян больше напоминал разбой в современном понимании, нежели финансовые отношения. Мечь княгини не была наказанием, она была кровной мезтью, причем мезтью весьма жесткой, но при этом обязательной. Нельзя было оставить неотмщенным убийство супруга, отца ее сына Святослава. При таких обстоятельствах появление права, нормирующего применение насилия, ограничивающего его применение (т.е. права в зародыше уголовного), становится необходимой общественной потребностью. Не случайно текст Русской Правды начинается с ограничения кровной мести.

Статья 2 УК РФ определяет в качестве задач Кодекса охрану интересов человека, общества, государства и человечества и предупреждение преступлений. Но это лишь одна из сторон предназначения уголовного права. Другое, не менее важное предназначение — ограничение применения насилия в обществе путем его нормирования и постепенного смягчения по мере смягчения нравов. В этом контексте законодатель, утверждая уголовно-правовую норму, не умножает насилие в жизни общества, а сдерживает его, обеспечивая общественный мир и относительную безопасность человека, как потерпевшего, так и преступника (в ст. 7 УК РФ эта функция определена как гуманизм).

Даже талион (око за око) был призван ограничить насилие. Ведь если человека лишить одного глаза, вряд ли он при наличии такой возможности ограничится лишением врага одного глаза, не исключено, что он выколет оба глаза или убьет обидчика. Кстати, талион не является юридической древностью, он нашел отражение и в действующей Конституции РФ, часть 2 ст. 20 которой предусматривает возможность введения наказания в виде смертной казни только за преступления против жизни, и в ст. 6 УК РФ, согласно которой строгость наказания должна

Together Without Punishment? On the Exceptional Status of the Criminal Law // *Criminal Law and Philosophy*. 2023. April. Vol. 17. Iss. 1. P. 29–38 ; *Duff R. A., Marshall S. E. Is Criminal Law “Exceptional”?* // *Criminal Law and Philosophy*. 2023. April. Vol. 17. Iss. 1. P. 39–48.

³ Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения : в 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 263.

⁴ *Hobbes Th. De Cive: Philosophical Rudiments Concerning Government and Society*. London, 1839. P. VII.

соответствовать тяжести преступления (хотя и сделана оговорка, что личность преступника тоже надо учитывать). Это одна из тенденций, возникших при формировании права, насилие не могло быть изжито полностью, но должно было быть ограничено и нормировано.

Другая тенденция связана с религией. Формирование государства и права происходило, как правило, на фоне языческих религий и мировоззрения, на них основанного. Беда в жизни общества воспринималась как гнев богов. Считалось, что ублажить разгневанных богов можно жертвоприношением, иногда человеческим. Упразднению таких жертвоприношений мы обязаны во многом монотеистическим религиям, основанным на вере в совершенного Бога. В авраамических религиях ключевой эпизод — жертвоприношение Авраама. Тем не менее древняя потребность в жертвоприношениях не могла не повлиять на зарождающееся правовое сознание, люди осознавали, что зло (в смысле причиненного вреда) должно быть наказано.

С точки зрения здравого смысла зло (вред) нельзя наказывать, наказывать можно только человека. Нравственное чувство подсказывает, что человек должен быть наказан не за вред, который может быть причинен случайно, а за деяние, этот вред причинившее. По мере развития нравственности и понимания греха осознается важность не только внешнего поведения человека, но и его мыслей и желаний.

Но можно ли наказывать за мысли и желания как таковые? В заповедях, данных Богом Моисею, сказано «не желай чужого»⁵, т.е. уже мысль греховна. За это человек ответит перед Богом. В Законнике⁶ же мысли уже не наказуемы, наказываются только деяния. Уже различаются тем самым нормы права и морали. Представлены преступления как с формальными, так и с материальными составами в современном нашем понимании, при этом материальные составы (где зло реализовано во вреде) преобладают. Это не только отголосок древних идей о по-

лезности жертвоприношения для устранения зла. Увязка наказания с наступлением тяжких последствий — это тоже особый подход к реализации экономии репрессии. Нравственное чувство подсказывает, что наказуемо должно быть запрещенное действие или бездействие, определение же в законе последствий служит ограничению правового принуждения во избежание необоснованного преследования. Деяния без последствий наказывались лишь в редких случаях, когда они особо предосудительны (например, богохульство, злословие и побои в отношении родителей).

Соответственно, причинная связь при наличии сомнений должна трактоваться таким образом, чтобы лицо, заслуживающее наказания, было наказано, а наказания не заслуживающее — наказано не было. При этом неустранимых сомнений относительно причинной связи быть не должно. Это не означает, что причинная связь — оценочный признак, отданный целиком на усмотрение суда.

Есть общепризнанные минимальные критерии, необходимые (но не достаточные) для установления причинной связи, которые тем не менее полезны, поскольку в практике имеют место ошибки и относительно этих критериев:

- 1) причина во времени предшествует следствию;
- 2) причина является одним из условий, без которого следствие не наступило бы.

Это не философия и не наука, а обыденное понимание причинности, самый широкий из возможных смыслов слова «причина» в обыденном языке.

Но этих критериев недостаточно для установления причинной связи в праве, что также сомнений не вызывает. Очевидно, что факторами, с неизбежностью влекущими во всех случаях смерть человека, являются его зачатие и рождение. Очевидно, что здравомыслящие и вменяемые родители знают это и предвидят неизбежность этого. Не менее очевидно и то, что в уголовно-правовом смысле причинной

⁵ Исх. 20:17.

⁶ Исх. 21:1-36 ; 22:1-31. В главе 22 появляются уже и моральные предписания, за которые Бог накажет сам, например за притеснение вдов и сирот.

связи между рождением и смертью человека не будет.

В течение длительного времени причинная связь устанавливалась судами интуитивно. Проблемы причинной связи стали активно разрабатываться в правоведении в Европе во многом в силу запрещения дуэлей. Убийство на дуэли могло быть наказано смертной казнью, отказаться от участия в дуэли считалось бесчестьем. Поэтому итальянские юристы, а потом и их зарубежные коллеги стали различать смертельные и несмертельные ранения, что позволяло избежать сурового приговора⁷. Возможны были и другие решения. Так, в английском Общем праве до сравнительно недавнего времени признавалось, что, если смерть наступала по истечении года и одного дня после ранения, это ранение не рассматривалось в качестве причины смерти⁸.

Догматическое обобщение подобной практики вызвало к жизни теорию, согласно которой причиной можно считать только такое условие, которое влечет следствие с неизбежностью.

В веке XIX вопрос о дворянской чести уже был не так актуален, новая буржуазная элита сочла, что жизнь человека заслуживает более жесткой охраны. В наше время принято считать первым, предложившим теорию эквивалентности условий (*sine qua non*) в 1858 г., австрийского юриста Ю. Глазера⁹, но более известен немецкий судья М. Бури¹⁰, развивший ее и внедривший в практику в Германии. Было замечено, что в природе всякое следствие обусловлено стечением множества факторов, и решено, что каждый из этих факторов можно считать причиной. Для установления причинной связи стали применять метод исключения. Мысленно ставился эксперимент, деяние обвиняемого исключалось из числа условий, якобы повлекших послед-

ствие, и, если последствие наступило бы без этого деяния — оно не считалось причиной. В противном случае деяние признается причиной. Иногда эту теорию называют научной, физической, материальной и т.п. На самом деле она таковой не является, метод исключения основан не на науке, а на обыденном житейском опыте. Отмечалось, что чрезмерно широкая трактовка причинной связи может быть компенсирована субъективными признаками преступления. Но на практике выводы, сделанные на основе этой теории, иногда противоречили нравственному чувству и здравому смыслу. Например, небольшая царапина может быть признана причиной смерти, если потерпевший не лечился или его плохо лечили и царапина спровоцировала гангрену. Есть и другие проблемы, становится неясным, например, как отличить подстрекательство от действий исполнителя преступлений.

Впоследствии в теорию эту вносились многочисленные изменения для типичных частных случаев, на почве чего было выработано немало разных концепций причинной связи, на ней основанных, но между собой не всегда согласующихся.

Следующая отчасти сохранившая свое значение теория И. Криса¹¹ — теория адекватной причинности — исходила из того, что причинная связь должна быть типичной. Эта теория пригодилась в гражданском праве, где ответственность возможна без вины и иным образом распределены обязанности доказывания, уголовное право эту теорию отвергло.

В настоящее время в континентальной Европе популярна «научная» теория, или теория «закономерной» причины¹², также основанная на теории *sine qua non*, но отказавшаяся от обыденного житейского опыта в пользу новейших достижений наук (прежде всего — естествен-

⁷ См.: *Сергеевский Н. Д.* О значении причинной связи в уголовном праве. Ч. II. Ярославль, 1880. С. 3.

⁸ Это правило отменено Law Reform (Year and a Day Rule) Act 1996.

⁹ См.: *Steininger E.* Strafrecht. Allgemeiner Teil. Band I. Wien, 2008. S. 113.

¹⁰ См.: *Buri M.* Ueber Causalität und deren Verantwortung. Leipzig, 1873.

¹¹ *Kries I.* Über die Begriffe der Wahrscheinlichkeit und Möglichkeit und ihre Bedeutung im Strafrecht // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. Vol. 9. Jahresband. 1889. P. 528–537.

¹² Основоположителем считается К. Энгис, см.: *Engisch K.* Die Kausalität als Merkmal der strafrechtlichen Tatbestände. Tübingen, 1931.

ных, так как, например, социология, психология и т.п. — науки не точные, разные школы могут привести к разным выводам), а где достижения науки отсутствуют — в пользу «наилучшего» житейского опыта¹³. Помимо окончательного обоснования ненаказуемости причинения вреда путем колдовства (про гомеопатию однозначного ответа пока нет) она имела следствием внедрение эмпирических методов естественных наук, например стали при использовании метода исключения учитывать вероятность наступления последствий, статистику и т.п. Какой должна быть вероятность — остается вопросом дискуссионным. В итоге теория *sine qua non* немного склонилась в сторону теории адекватной причинности, учитывая вероятности уже при применении метода исключения.

Англия (где в уголовном праве возможна ответственность без вины и есть известные особенности источников права) пошла своим путем, там различаются физическая причинная связь и причинная связь юридическая. Физическая сводится к теории *sine qua non*, она необходима для установления юридической причинной связи (есть исключения), но не достаточна. Юридическая причинная связь должна быть существенной (оценочный признак) и действующей (развитие причинной связи не должно быть прервано некоторыми привходящими причинами). Деяние при этом изначально должно быть предосудительным. Вместе с тем правовая доктрина вырабатывается на основе сложного и изменчивого прецедентного права.

В СССР после многочисленных дискуссий к моменту его распада преобладала теория необходимого причинения, считалось, что она основана на материалистической диалектике необходимости и случайности, различении ре-

альной и абстрактной возможности наступления последствий. В современной России общепризнанной теории причинной связи нет, нет и единообразного ее понимания практически всеми работниками¹⁴. На практике преобладает интуитивное установление причинной связи, в приговорах иногда упоминается «прямая» или «непосредственная» причинная связь¹⁵, редко «косвенная», при этом различия между прямой и косвенной связью остаются неясными, и различиям этим юридического значения не придается. В теории можно отметить рост популярности концепции эквивалентности условий.

Выводы

Причинная связь понимается в разных правовых системах по-разному¹⁶, ее понимание в праве исторически изменчиво. Учение о причинной связи в праве — это не вопрос онтологии, а вопрос уголовной политики. Причинная связь как философская категория должна учитываться при понимании причинной связи в праве, но последняя не сводится к первой. Однако философских теорий много, и они различаются в понимании причинности. Значение слова «причина» в обыденном языке не может не приниматься во внимание при установлении причинной связи, именно из него вытекает минимальное требование к причинной связи в смысле теории *sine qua non*. Если метод исключения исключает причинность — вопрос о юридически значимой причинной связи ставить нельзя как в уголовном, так и в гражданском праве. Учение о причинности в разных отраслях права может различаться. Но при этом причинная связь познаваема как в контексте уяснения

¹³ *Mantovani F. Diritto penale. Parte generale. Padova, 2011. P. 142.*

¹⁴ *Игонина Е. О. Причинная связь в преступлениях, совершенных медицинскими работниками по неосторожности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2024. С. 17.*

¹⁵ *Соктоев З. Б. Причинность и объективная сторона преступления. М., 2024. С. 81.*

¹⁶ См., например: *Клепицкий И. А. Причинная связь в уголовном праве Англии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 10. С. 96–109 ; Он же. Причинная связь в уголовном праве Франции // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 3. С. 174–185 ; Он же. Причинная связь в уголовном праве Германии // Закон. 2023. № 7. С. 168–177 ; Он же. Причинная связь в уголовном праве Италии // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 7. С. 138–146.*

ее обобщенных признаков, так и в контексте юридической квалификации. Говорить о научной причинности применительно к признакам преступления или гражданско-правового деликта можно в том случае, если считать право наукой. Вопрос этот не бесспорный, есть мнение, что право — это искусство или ремесло. В нашей номенклатуре научных специальностей право отнесено к социальным и гуманитарным наукам (наряду с философией, теологией и др.).

Достижения разных наук, например физики, химии, медицины и даже криминологии, иногда можно учитывать при установлении юридически значимой причинной связи, но нельзя забывать, что в разных науках причинная связь понимается по-разному. Если речь идет об уголовном праве — широта понимания причинной связи должна соответствовать разумной уголовной политике с учетом принципа экономии репрессии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Игонина Е. О. Причинная связь в преступлениях, совершенных медицинскими работниками по неосторожности : дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2024. — 250 с.
2. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения в трех томах. Т. 3. — М., 1988. — С. 135–404.
3. Сергеевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве. Ч. II. — Ярославль, 1880. — 178 с.
4. Соктоев З. Б. Причинность и объективная сторона преступления. — М., 2024. — 272 с.
5. Burchard Ch. Criminal Law Exceptionalism as an Affirmative Ideology, and its Expansionist Discontents // Criminal Law and Philosophy. — 2023. April. — Vol. 17. — Iss. 1. — P. 17–27.
6. Burchard Ch., Duff A. Criminal Law Exceptionalism: Introduction // Criminal Law and Philosophy. — 2023. April. — Vol. 17. — Iss. 1. — P. 3–4.
7. Duff R. A., Marshall S. E. Is Criminal Law «Exceptional»? // Criminal Law and Philosophy. — 2023. April. — Vol. 17. — Iss. 1. — P. 39–48.
8. Hobbes Th. De Cive: Philosophical Rudiments Concerning Government and Society. — London, 1839. — 266 p.
9. Levin B. Criminal Law Exceptionalism // Virginia Law Review. — 2022. — Vol. 108. — P. 1381–1448.
10. Lorca R. Could We Live Together Without Punishment? On the Exceptional Status of the Criminal Law // Criminal Law and Philosophy. — 2023. April. — Vol. 17. — Iss. 1. — P. 29–38.
11. Reinach A. Über den Ursachenbegriff im geltenden Strafrecht. — Leipzig, 1905. — 71 S.
12. Ristroph A. An Intellectual History of Mass Incarceration // Boston College Law Review. — 2019. — Vol. 60. — P. 1949–2010.
13. Ristroph A. The Wages of Criminal Law Exceptionalism // Criminal Law and Philosophy. — 2023. April. — Vol. 17. — Iss. 1. — P. 5–15.

Материал поступил в редакцию 3 июня 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Igonina E. O. Prichinnaya svyaz v prestupleniyakh, sovershennykh meditsinskimi rabotnikami po neostorozhnosti: dis. ... kand. jurid. nauk. — SPb., 2024. — 250 s.
2. Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii // Sochineniya v trekh tomakh. T. 3. — M., 1988. — S. 135–404.
3. Sergeevskiy N. D. O znachenii prichinnoy svyazi v ugovnom prave. Ch. II. — Yaroslavl, 1880. — 178 s.
4. Soktoev Z. B. Prichinnost i obektivnaya storona prestupleniya. — M., 2024. — 272 s.
5. Burchard Ch. Criminal Law Exceptionalism as an Affirmative Ideology, and its Expansionist Discontents // Criminal Law and Philosophy. — 2023. April. — Vol. 17. — Iss. 1. — P. 17–27.

6. Burchard Ch., Duff A. Criminal Law Exceptionalism: Introduction // *Criminal Law and Philosophy*. — 2023. April. — Vol. 17. — Iss. 1. — P. 3–4.
7. Duff R. A., Marshall S. E. Is Criminal Law «Exceptional»? // *Criminal Law and Philosophy*. — 2023. April. — Vol. 17. — Iss. 1. — P. 39–48.
8. Hobbes Th. *De Cive: Philosophical Rudiments Concerning Government and Society*. — London, 1839. — 266 p.
9. Levin B. Criminal Law Exceptionalism // *Virginia Law Review*. — 2022. — Vol. 108. — P. 1381–1448.
10. Lorca R. Could We Live Together Without Punishment? On the Exceptional Status of the Criminal Law // *Criminal Law and Philosophy*. — 2023. April. — Vol. 17. — Iss. 1. — P. 29–38.
11. Reinach A. *Über den Ursachenbegriff im geltenden Strafrecht*. — Leipzig, 1905. — 71 S.
12. Ristroph A. An Intellectual History of Mass Incarceration // *Boston College Law Review*. — 2019. — Vol. 60. — P. 1949–2010.
13. Ristroph A. The Wages of Criminal Law Exceptionalism // *Criminal Law and Philosophy*. — 2023. April. — Vol. 17. — Iss. 1. — P. 5–15.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.135-141

Р. А. Забавко*

Уголовная и административная ответственность за нарушение земельного законодательства: сложные вопросы применения смежных норм

Аннотация. Охрана окружающей среды вообще и земли в частности — важная задача государства. В соответствии с Конституцией РФ каждый имеет право на благоприятную окружающую среду. Наиболее опасные виды нарушений земельного законодательства влекут за собой уголовную и административную ответственность. Предусматривающие эти два вида ответственности нормы часто являются смежными, и различия между ними могут быть минимальными. Между тем для правильного разграничения этих норм нужно учитывать все их признаки. Проблема применения норм уголовного и административного законодательства заключается также в том, что некоторые нормы устанавливают преюдицию для норм уголовного законодательства, а часть норм КоАП РФ конкурируют одновременно с несколькими нормами УК РФ. В статье рассмотрены сложные вопросы применения смежных норм, предусматривающих уголовную и административную ответственность за нарушение земельного законодательства, приведены критерии их разграничения, установления административной преюдиции, высказаны предложения по совершенствованию норм.

Ключевые слова: уголовная ответственность; административная ответственность; земельные правонарушения; конкуренция норм; систематизация законодательства; земельное законодательство; устранение причиненного земле вреда; уголовный закон; актуальные проблемы привлечения к ответственности; нарушение земельного законодательства.

Для цитирования: Забавко Р. А. Уголовная и административная ответственность за нарушение земельного законодательства: сложные вопросы применения смежных норм // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 12. — С. 135–141. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.135-141.

Criminal and Administrative Liability for Violation of Land Legislation: Complex Issues in Applying Related Norms

Roman A. Zabavko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation
zabavko@law.isu.ru

Abstract. The protection of the environment in general and land in particular is an important environmental task of the state. According to the Constitution of the Russian Federation, everyone has the right to a favorable environment. The most dangerous types of violations of land legislation entail criminal and administrative liability. The norms providing for these two types of liability are often related, and the differences between them may be minimal. However, for the correct delineation of these norms, it is necessary to consider all their features. Another

© Забавко Р. А., 2025

* Забавко Роман Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета
Карла Маркса ул., д. 1, г. Иркутск, Российская Федерация, 664003
zabavko@law.isu.ru

problem in applying the norms of criminal and administrative legislation is that some norms establish prejudgment for the norms of criminal legislation, while some norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation simultaneously compete with several norms of the Criminal Code of the Russian Federation. The paper examines complex issues of applying related norms establishing criminal and administrative liability for violations of land legislation, provides criteria for their delineation and the establishment of administrative prejudgment, and puts forward proposals for improving the norms.

Keywords: criminal liability; administrative liability; land-related offenses; competition of norms; systematization of legislation; land legislation; land remediation; criminal law; current issues in imposing liability; violation of land legislation.

Cite as: Zabavko RA. Criminal and Administrative Liability for Violation of Land Legislation: Complex Issues in Applying Related Norms. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(12):135-141. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.135-141.

Земля в экономике и социальной организации любого государства выступает фундаментальной категорией, «пространственным базисом» общественных отношений, служит основой для размещения жилищ, производственных зданий, сооружений, осуществления сельскохозяйственной и промышленной деятельности. Кроме того, будучи объектом неживой природы, земля является одним из основных элементов окружающей среды, она включена практически во все процессы биогеоценоза. Это обуславливает необходимость ее физической и правовой охраны. В настоящий момент правовая охрана земли (а с точки зрения правового регулирования — земель), организация ее рационального использования — важнейшая социально-экономическая и правовая задача, решение которой входит в обеспечение национальной безопасности РФ, является частью ее международно-правовых обязательств¹.

Один из способов правовой охраны земель — установление юридической ответственности за нарушение права их использования и охраны. Закон предусматривает четыре традиционные формы ответственности за нарушение норм земельного законодательства: дисциплинарную, гражданскую, административную и уголовную. Дополнительно можно выделить специальную форму ответственности, закрепленную непосредственно в ст. 76 Земельного

кодекса РФ². Суть ее заключается в необходимости соблюдать нормы ЗК РФ и устранять причиненный земле вред, возвращать самовольно занятые земельные участки.

Две из вышеуказанных форм ответственности — административная и уголовная — предполагают императивное воздействие на нарушителя со стороны государства и влекут за собой назначение административного или уголовного наказания, состоящего в императивном публично-правовом воздействии на нарушителя. Данные меры направлены прежде всего не на возмещение причиненного вреда, а на обеспечение социальной справедливости путем восстановления нарушенных прав, организацию воспитательного и превентивного воздействия на лицо, совершившее правонарушение.

Основанием уголовной и административной ответственности в рассматриваемой сфере выступает состав земельного правонарушения, которое представляет собой нарушение норм ЗК РФ, причинившее вред общественным отношениям, связанным с землепользованием. Обе разновидности правонарушений обладают общественной опасностью, однако она значительно ниже у административных правонарушений. Как правило, вред при их совершении выражается в нарушении процессов государственного и муниципального управления в сфере земельных ресурсов, что не исключает причинения вреда конкретным землепользователям.

¹ Колобов Р. Ю. Влияние системы охраны всемирного наследия на регулирование земельных отношений // Сибирский юридический вестник. 2023. № 3 (102). С. 108–114.

² СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

Многие административные правонарушения и преступления имеют одинаковый характер общественной опасности, различаясь только ее степенью, которая, в свою очередь, выражается в размере причиненного ущерба, характеризуется повторностью, умышленной формой вины и т.д.³ В таком случае нарушения принято называть смежными. Так, например, самовольная добыча янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней образует преступление, предусмотренное статьей 255 Уголовного кодекса РФ⁴, если она совершена повторно (ч. 1) или в крупном размере (ч. 2), тогда как совершение деяния лицом, ранее не привлеченным к административной ответственности за аналогичное деяние, или в размере меньшем, чем крупный, квалифицируется как административное правонарушение, предусмотренное статьей 7.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях⁵.

При этом различий между административными правонарушениями и преступлениями в сфере земельных отношений значительно больше. В частности, уголовной ответственности подлежат исключительно физические лица, а административной — юридические, а также лица, занимающие определенные должности; в УК РФ и КоАП РФ разные наказания, основания, освобождающие от наказания и от ответственности, и т.д. Кроме того, ряд норм УК РФ и КоАП РФ в рассматриваемой сфере не являются смежными.

Один из наиболее важных аспектов изучения составов рассматриваемых преступлений и административных правонарушений — это их систематизация. Рассмотрим сложные вопросы межотраслевой системы административных правонарушений и преступлений, связанных с нарушением земельного законодательства,

а также правовые пробелы и проблемы более подробно.

Специфика административных правонарушений, связанных с нарушением земельного законодательства, в том, что законодательно они отнесены к группе нарушений в области охраны собственности (гл. 7 КоАП РФ) и в области охраны окружающей среды, природопользования и обращения с животными (гл. 8 КоАП РФ). Преступления, связанные с нарушением норм земельного законодательства, также фактически представлены в двух главах УК РФ: преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22) и экологические преступления (гл. 26).

Тем самым законодатель подчеркивает, что некоторые деяния способны причинить вред в большей степени экономическим, чем экологическим правоотношениям. Вместе с тем в каждой из указанных групп общественные отношения, касающиеся сохранения, рационального использования и развития земель, выступают объектом охраны: в гл. 8 КоАП РФ и гл. 26 УК РФ — основным, а в гл. 7 КоАП РФ и гл. 22 УК РФ — дополнительным.

Отдельно стоит отметить сложности, связанные с квалификацией административного правонарушения, предусмотренного статьей 7.1 КоАП РФ, при самовольном занятии земельного участка, под которым, в свою очередь, понимается «пользование чужим земельным участком при отсутствии воли собственника этого участка (иного управомоченного им лица), выраженной в установленном порядке»⁶. Особенность данного правонарушения заключается в том, что для его квалификации не требуется наступления каких-либо последствий, вред выражается в самом деянии.

Как правило, такое административное правонарушение состоит в самовольном занятии не-

³ Более подробно об этом: *Забавко Р. А.* Социально-правовая природа общественной опасности экологических преступлений и ее влияние на криминализацию и пенализацию // *Сибирский юридический вестник.* 2024. № 3 (106). С. 68–74 ; *Он же.* Общественная опасность экологических преступлений в динамике социальных отношений // *Сибирский юридический вестник.* 2021. № 1 (92). С. 57–62.

⁴ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁵ СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

⁶ Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 11 «О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // *Вестник ВАС РФ.* 2011. № 5.

используемых или брошенных земельных участков: собственники их не использовали, поэтому действия виновного не причинили им никакого вреда либо он является незначительным.

В УК РФ нет прямого состава, смежного по отношению к данной норме. Одной из ближайших норм выступает самоуправство (ст. 330) в ситуациях, когда в отношении земельного участка совершается самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом занятие, правомерность которого оспаривается организацией или гражданином, если этим причинен существенный вред. Таким вредом можно считать невозможность собственника использовать свой земельный участок по назначению, например в целях проживания в находящемся на нем жилом доме, осуществлять на нем предпринимательскую или иную деятельность и т.д.

Примером квалификации самоуправства могут служить действия гр-на Н., который самовольно занял земельный участок, являющийся прилегающей территорией многоквартирного дома и принадлежащий ООО «Уют-центр», и установил на нем металлический гараж, не являющийся объектом капитального строительства, чем создал значительные препятствия для использования этого земельного участка другими жителями многоквартирного дома, в частности под остановку и стоянку транспортных средств. В отношении гр-на Н. было возбуждено уголовное дело по ст. 330 УК РФ о самоуправстве⁷.

Между тем на практике, несмотря на наличие причиненного вреда, самовольное занятие земельного участка зачастую квалифицируется как административное правонарушение, предусмотренное статьей 7.1 КоАП РФ. Так, например, в отношении гр-на Н. возбуждено дело об административном правонарушении по ст. 7.1

КоАП РФ за использование земельного участка без правоустанавливающих документов. Выявлено, что фактическое ограждение земельного участка значительно выходит за его границы, из-за этого с южной стороны участка уменьшена ширина проезда, относящегося к территории общего пользования, чем нарушаются права смежных землепользователей⁸. Вероятно, в данном примере суд, несмотря на то что уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьей 330 УК РФ, относятся к делам публичного обвинения, учел отсутствие заявлений о причиненном существенном вреде со стороны собственника участка и других лиц.

Полагаем, права Н. Ф. Кузнецова, указавшая на примере соотношения ст. 7.1 КоАП РФ и ст. 330 УК РФ на важность и сложность применения условно-оценочного признака «существенный вред»⁹, который не может быть рассмотрен в отрыве от мнения собственника земельного участка. Для разрешения вопроса о конкуренции двух рассматриваемых норм в вопросе определения существенности нарушения субъективных прав необходимо установить не только характер, но и степень их нарушения, а также механизм реального причинения такого вреда и в обязательном порядке учесть мнение собственника или иного пользователя земельного участка.

Еще одна проблема касается межотраслевой дифференциации ответственности при наличии административной преюдиции. Так, выше упоминалась статья 7.5 КоАП РФ, в которой предусмотрена административная ответственность за самовольную добычу янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, либо транспортировку или хранение в целях сбыта незаконно добытых янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней в натуральном или перера-

⁷ Решение Первомайского районного суда г. Омска от 11.09.2020 № 2-2150/2020 2-2150/2020~М-2092/2020 М-2092/2020 по делу № 2-2150/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : официальный сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bwOBRT8K3xO/> (дата обращения: 02.04.2025).

⁸ Решение Промышленного районного суда г. Самары от 28.11.2023 № 2-4987/2023 2-4987/2023~М-3774/2023 М-3774/2023 по делу № 2-4987/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : официальный сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KSGsg1eWnlX/> (дата обращения: 02.04.2025).

⁹ Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В. Н. Кудрявцев. М. : Городец, 2007. С. 115.

ботанном виде, либо сбыт незаконно добытых янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней в натуральном или переработанном виде, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния. При этом смежными по отношению к данной статье являются часть 1 ст. 191 и ч. 2 ст. 255 УК РФ.

В части 1 ст. 191 УК РФ криминализовано совершение сделки, связанной с заведомо самовольно добытыми янтарем, нефритом или иными полудрагоценными камнями, а равно их незаконное хранение, перевозка или пересылка в любом виде, состоянии, за исключением ювелирных и бытовых изделий и лома таких изделий, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное статьей 7.5 КоАП РФ; в части 2 ст. 255 УК РФ — самовольная добыча янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное статьей 7.5 КоАП РФ. Возникает вопрос: о каком **аналогичном** деянии идет речь — любом из перечисленных в ст. 7.5 или только о том, которое использовано в качестве криминообразующего признака в вышеобозначенных статьях УК РФ?

Грамматическое толкование текста УК РФ требует учета в качестве основания уголовной ответственности только такого административного наказуемого деяния, которое полностью совпадает с указанными в соответствующих статьях УК РФ признаками, что прямо объясняется значением и содержанием термина «аналогичное». Между тем это не всегда возможно. Если в ст. 7.5 КоАП РФ и ч. 2 ст. 255 УК РФ применяется одна и та же терминология («самовольная добыча янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней»), то в ст. 7.5 КоАП РФ и ч. 1 ст. 191 УК РФ — разная (в ч. 1 ст. 191 УК РФ говорится о «совершении сделки» с заведомо самовольно добытыми янтарем, нефритом или иными полудрагоценными камнями, чего нет в ст. 7.5 КоАП РФ, где указан «сбыт»). Тем самым административная преюдиция для ч. 1 ст. 191 УК РФ

может возникнуть только за транспортировку или хранение в целях сбыта либо сбыт янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней. Толкуя закон грамматически, мы вынуждены исключить уголовную ответственность за совершение иных сделок, направленных, например, на приобретение заведомо незаконно заготовленных полудрагоценных камней.

На наш взгляд, грамматическое толкование неприменимо, и следует прибегнуть к систематическому толкованию, определив, что административное наказание за совершение любого из деяний, предусмотренных статьей 7.5 КоАП РФ, выступает преюдицией для уголовной ответственности по ч. 1 ст. 191 и ч. 2 ст. 255 УК РФ.

Это подтверждается судебной практикой: суды вообще не конкретизируют, какое именно административно наказуемое деяние было совершено, ограничиваясь только указанием на наличие факта привлечения к административной ответственности по ст. 7.5 КоАП РФ. Так, суд указал, что 5 марта 2019 г. гр-н Н. на основании постановления мирового судьи 2-го судебного участка Зеленоградского района Калининградской области подвергнут административному наказанию за самовольную добычу янтаря, то есть за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 7.5 КоАП РФ. 17 апреля 2019 г. постановление мирового судьи 2-го судебного участка Зеленоградского района Калининградской области от 05.03.2019, по которому назначено административное наказание в виде штрафа, вступило в законную силу. 15 декабря 2020 г. гр-н Н., достоверно зная, что он 5 марта 2019 г. подвергнут административному наказанию за самовольную добычу янтаря, то есть за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 7.5 КоАП РФ, и не уплатив в установленном порядке штраф, находясь на участке местности с проявлением янтаря, вновь совершил его незаконную добычу. Суд признал гр-на Н. виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 2 ст. 255 УК РФ¹⁰.

¹⁰ Приговор Зеленоградского районного суд Калининградской области от 07.07.2021 № 1-52/2021 по делу № 1-52/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : официальный сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Cai0FqQYheNE/> (дата обращения: 02.04.2025).

В УК РФ и КоАП РФ имеются статьи с полнотью аналогичными названиями, которые, однако, не всегда совпадают по содержанию. Например, административно наказуемая порча земель (ст. 8.6 КоАП РФ) состоит в самовольном снятии или перемещении плодородного слоя почвы (ч. 1) и в уничтожении плодородного слоя почвы, а равно порче земель в результате нарушения правил обращения с пестицидами и агрохимикатами или иными опасными для здоровья людей и окружающей среды веществами и отходами производства и потребления, требований к обращению побочных продуктов животноводства при использовании побочных продуктов животноводства (ч. 2).

Аналогичного преступления в УК РФ не предусмотрено в принципе, и лица подлежат ответственности только за деяния, которые образует снятие плодородного слоя почвы, если они подпадают под какие-либо составы преступлений (например, незаконное предпринимательство). В статье 254 УК РФ, имеющей аналогичное название, криминализованы только отравление, загрязнение или иная порча земли вредными продуктами хозяйственной или иной деятельности вследствие нарушения правил обращения с удобрениями, стимуляторами роста растений, ядохимикатами и иными опасными химическими или биологическими веществами при их хранении, использовании и транспортировке, повлекшие причинение вреда здоровью человека или окружающей среде (ч. 1) либо по неосторожности смерть человека (ч. 3).

Граница между признаками ст. 8.6 КоАП РФ и ст. 249 УК РФ настолько размыта, что конкуренция между ними практически непреодолима. Ввиду отсутствия репрезентативной судебной-следственной практики сделать однозначные выводы о разрешении этой проблемы невозможно, однако, вероятно, различия между ука-

занными нормами характеризуются степенью опасности последствий: в УК РФ они должны быть «значительными», то есть выражаться в порче большого количества земель, требующей их значительной рекультивации¹¹, и т.д.

Различия между ст. 8.6 КоАП РФ и ст. 247 УК РФ, по нашему мнению, состоят в отсутствии (административная ответственность) и наличии (уголовная ответственность) класса опасности отходов, ставших предметом порчи (загрязнения или отравления) земель.

Всё это в значительной степени затрудняет квалификацию — фактически на практике данные нормы УК РФ не применяются без наличия последствий второго уровня, прежде всего причинения вреда жизни и здоровью людей. С учетом того, что выявление причинно-следственной связи между порчей земель и причинением вреда или тем более смерти человеку требует проведения сложных медицинских и иных специальных исследований, а также их вероятностного характера, виновные, как правило, привлекаются к административной, а не уголовной ответственности.

Всё вышесказанное позволяет сделать вывод о наличии сложных, порой неразрешимых проблем применения смежных норм уголовного и административного законодательства, устанавливающего ответственность за нарушение земельного законодательства. Полагаем, большинство составов УК РФ должно иметь смежные составы в КоАП РФ, идентичные по описанию общественно опасного деяния, отличающиеся от них только степенью общественно опасных последствий либо повторностью, образующей административную преюдицию. Кроме этого, некоторые деяния, не обладающие повышенной общественной опасностью и не влекущие значительных последствий, должны влечь только административную ответственность.

¹¹ Булгаков В. В., Подольская А. С. Юридическая ответственность за нарушение земельного законодательства // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 2-2. С. 121; Леушева М. В. Юридическая ответственность за нарушение земельного законодательства // Закон. Право. Государство. 2016. № 2 (10). С. 132.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Булгаков В. В., Подольская А. С. Юридическая ответственность за нарушение земельного законодательства // Современные тенденции развития науки и технологий. — 2016. — № 2-2. — С. 117–121.
2. Забавко Р. А. Общественная опасность экологических преступлений в динамике социальных отношений // Сибирский юридический вестник. — 2021. — № 1 (92). — С. 57–62. — DOI: 10.26516/2071-8136.2021.1.57.
3. Забавко Р. А. Социально-правовая природа общественной опасности экологических преступлений и ее влияние на криминализацию и пенализацию // Сибирский юридический вестник. — 2024. — № 3 (106). — С. 68–74. — DOI: 10.26516/2071-8136.2024.3.68.
4. Колобов Р. Ю. Влияние системы охраны всемирного наследия на регулирование земельных отношений // Сибирский юридический вестник. — 2023. — № 3 (102). — С. 108–114. — DOI: 10.26516/2071-8136.2023.3.108.
5. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В. Н. Кудрявцев. — М. : Городец, 2007. — 336 с.
6. Леушева М. В. Юридическая ответственность за нарушение земельного законодательства // Закон. Право. Государство. — 2016. — № 2 (10). — С. 130–134.

Материал поступил в редакцию 6 мая 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bulgakov V. V., Podolskaya A. S. Yuridicheskaya otvetstvennost za narushenie zemelnogo zakonodatelstva // Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologiy. — 2016. — № 2-2. — S. 117–121.
2. Zabavko R. A. Obshchestvennaya opasnost ekologicheskikh prestupleniy v dinamike sotsialnykh otnosheniy // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik. — 2021. — № 1 (92). — S. 57–62. — DOI: 10.26516/2071-8136.2021.1.57.
3. Zabavko R. A. Sotsialno-pravovaya priroda obshchestvennoy opasnosti ekologicheskikh prestupleniy i ee vliyanie na kriminalizatsiyu i penalizatsiyu // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik. — 2024. — № 3 (106). — S. 68–74. — DOI: 10.26516/2071-8136.2024.3.68.
4. Kolobov R. Yu. Vliyanie sistemy okhrany vseirnogo naslediya na regulirovanie zemelnykh otnosheniy // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik. — 2023. — № 3 (102). — S. 108–114. — DOI: 10.26516/2071-8136.2023.3.108.
5. Kuznetsova N. F. Problemy kvalifikatsii prestupleniy: lektsii po spetskursu «Osnovy kvalifikatsii prestupleniy» / nauch. red. V. N. Kudryavtsev. — M.: Gorodets, 2007. — 336 s.
6. Leusheva M. V. Yuridicheskaya otvetstvennost za narushenie zemelnogo zakonodatelstva // Zakon. Pravo. Gosudarstvo. — 2016. — № 2 (10). — S. 130–134.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.142-150

А. Б. Смушкин*

О квантовом элементе цифровой трансформации криминалистики

Аннотация. Статья посвящена разработке отдельных вопросов квантовых технологий в контексте цифровой трансформации криминалистики. Квантовые технологии относятся к числу сквозных технологий. Активизация нормотворчества в области квантовых технологий, в частности принятие дорожной карты развития данных технологий, дает основания предполагать активизацию разработок квантовых технологий в ближайшее время. Указанные обстоятельства требуют от криминалистов готовности к работе с квантовыми технологиями. В статье рассмотрены отдельные направления применения в криминалистике квантовых вычислений в формате квантовых компьютеров. Констатируется, что в настоящее время квантовые компьютерные технологии пока еще дают ускорение только в достаточно узком спектре задач, не имеющих прямого криминалистического значения, однако криминалистическая наука должна смотреть дальше сегодняшнего дня и вести в том числе перспективные, опережающие разработки. Отмечены такие направления применения квантовой криптографии в правоохранительной деятельности, как защита электронного документооборота, управление беспилотными аппаратами, обеспечение перехватываемой коммуникации. Значительное внимание уделено квантовой сенсорике и ее применению в расследовании. Оценено влияние внедрения квантовых технологий на предмет криминалистики.

Ключевые слова: квантовые технологии в криминалистике; квантовые вычисления; квантовые компьютеры в расследовании; квантовая сенсорика; квантовые коммуникации; квантовая криптография; предмет криминалистики; цифровая трансформация криминалистики; квантовое распознавание лиц; электронная цифровая криминалистика.

Для цитирования: Смушкин А. Б. О квантовом элементе цифровой трансформации криминалистики // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 12. — С. 142–150. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.142-150.

© Смушкин А. Б., 2025

* Смушкин Александр Борисович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, ведущий научный сотрудник проектного офиса научных программ и исследований Саратовской государственной юридической академии
Чернышевского ул., д. 104, г. Саратов, Российская Федерация, 410056
skif32@yandex.ru

On the Quantum Element of Digital Transformation in Forensic Science

Alexander B. Smushkin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Forensic Science, Leading Researcher, Project Office for Scientific Programs and Research, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
skif32@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the development of specific issues related to quantum technologies in the context of the digital transformation of forensic science. Quantum technologies are among the cross-cutting technologies. The intensification of norm-setting in the field of quantum technologies, including the adoption of a roadmap for the development of these technologies, provides grounds to expect an acceleration in the development of quantum technologies in the very near future. These circumstances require forensic experts to be prepared to work with quantum technologies. The paper examines specific areas of application of quantum computing in forensics in the form of quantum computers. It is noted that currently, quantum computing technologies and their capabilities still provide acceleration only in a relatively narrow range of tasks that do not have direct forensic significance; however, forensic science must look beyond the present day and engage in prospective, forward-looking development. Within the areas of application of quantum cryptography in law enforcement, the use for protecting electronic document management, controlling unmanned vehicles, as well as ensuring uninterceptable communication is considered. Significant attention in the paper is given to quantum sensing and its application in investigations. The impact of the implementation of quantum technologies on the subject matter of forensic science is assessed.

Keywords: quantum technologies in forensic science; quantum computing; quantum computers in investigation; quantum sensing; quantum communications; quantum cryptography; subject matter of forensic science; digital transformation of forensic science; quantum facial recognition; electronic digital forensics.

Cite as: Smushkin AB. On the Quantum Element of Digital Transformation in Forensic Science. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(12):142-150. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.142-150.

Цифровая трансформация раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в последнее время часто становится объектом научных исследований. Многие цифровые разработки получают прямое воплощение на практике, существенно ее оптимизируя. Можно отметить, что отрицание необходимости цифровой трансформации правоохранительных органов и криминалистической деятельности может привести к заведомому отставанию от преступного мира. Но ограничивается ли такая трансформация только цифровыми технологиями? В настоящее время имеется ряд технологий, именуемых сквозными. Сквозная технология законом определяет-

ся как «перспективная наукоемкая технология (направление) межотраслевого значения, обеспечивающая создание высокотехнологичной продукции и (или) внедрение технологических инноваций, оказывающая существенное влияние на экономическое развитие путем изменения рынков и (или) содействия формированию новых рынков»¹. Закон не добавляет к этим технологиям характеристику «цифровая», что ставит под вопрос возможность их использования в рамках цифровой трансформации. Однако в дорожной карте развития квантовых технологий они названы сквозной цифровой технологией². При этом проведенный нами опрос научно-педагогических сотру-

¹ Ч. 10 ст. 3 Федерального закона от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (вступил в силу с 27 июня 2025 г.) // СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8533.

² Дорожная карта развития сквозной цифровой технологии «Квантовые технологии» // Официальный сайт Минцифры России. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/07102019kvantyi.pdf> (дата обращения: 20.02.2025).

большинство (45,7 %) затруднилось в определении природы квантовых технологий, а число противников отнесения не сильно превышает число сторонников (29,4 % противников, 26 % сторонников).

Указанные обстоятельства определяют необходимость рассмотрения этих технологий в ходе нашего исследования. «Стимулирование развития рынка сквозной технологии (технологического направления) квантовых коммуникаций, поддержка отечественных производителей, достижение высокого уровня информационной безопасности граждан, государства и организаций, обеспечение национальной безопасности и правопорядка, достижение устойчивой конкурентоспособности российской экономики» названы в Концепции регулирования отрасли квантовых коммуникаций в РФ до 2030 г.³ в качестве приоритетов. Это дает основание предположить их активное развитие в ближайшее время. Из чисто лабораторных концептов и образцов можно предположить, что они найдут широкое если не бытовое, то промышленное применение. Поэтому от криминалистов требуется готовность к работе с квантовыми технологиями, а также выявлению следов при криминальном использовании квантовых технологий.

Н. И. Валькирия пишет, что «квантовые технологии — это технологии управления сложными квантовыми системами на уровне отдельных частиц, например атомов и фотонов. Квантовые технологии подразделяются на три основные субтехнологии: квантовые вычисления, кван-

товые коммуникации, квантовые сенсоры и метрология»⁴. Последние разработки в рассматриваемой области могут быть основаны на фотонах⁵, ионах⁶ или, наиболее перспективные, — на магнонах⁷.

В квантовой механике действуют не закономерности, а вероятности, вернее даже амплитуда вероятностей. При этом указанные вероятности более или менее четко могут быть вычислены с помощью квантовой интерференции.

Квантовые компьютеры являются практической воплощенной технологией квантовых вычислений, основанной на принципах квантовой механики. То есть квантовые компьютеры работают на несколько иных по сравнению с цифровыми принципах: кубит (квантовый бит) может быть и единицей, и нулем одновременно, а не только в одной позиции, причем два квантовых бита закрывают уже четыре позиции. Таким образом реализуется принцип квантовой неопределенности. Естественно, подобные возможности существенно увеличивают мощности и быстродействие этих устройств. При этом, как отмечают некоторые ученые, «на данный момент мы еще не нашли такую элементную базу, которая позволила бы компьютерам, работающим по принципу управления отдельными квантовыми системами, одновременно иметь большое количество кубитов и обеспечить высокую степень контроля над каждым из них в отдельности. Такое сочетание масштабируемости и контроля нам еще только предстоит найти»⁸. В настоящее же время

³ Распоряжение Правительства РФ от 11.07.2023 № 1856-р «Об утверждении Концепции регулирования отрасли квантовых коммуникаций в Российской Федерации до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 30. Ст. 5712.

⁴ Валькирия Н. И. Использование цифровых следов в деятельности по установлению лица, совершившего преступление // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 4 (28). С. 61.

⁵ Бесмассовая частица (не имеет массы покоя), не имеющая электрического заряда, он может существовать, только передвигаясь со скоростью света. См.: Фотон // URL: <https://spacegid.com/foton.html> (дата обращения: 27.03.2025).

⁶ Электрически заряженные частицы, образующиеся при потере или приобретении электронов атомами или группами атомов. См.: Ион // URL: <https://znanierussia.ru/articles/Ион> (дата обращения: 27.03.2025).

⁷ Квазичастица, соответствующая элементарному возбуждению системы взаимодействующих спинов. См.: Магنون // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Магنون> (дата обращения: 27.03.2025).

⁸ Разнообразие квантовых технологий: вычисления, сети, криптография, сенсорика // URL: <https://habr.com/ru/companies/superjob/articles/650315/> (дата обращения: 15.04.2025).

квантовые компьютерные технологии и их возможности пока еще дают ускорение только в достаточно узком спектре задач, не имеющих прямого криминалистического значения.

Однако криминалистика должна смотреть несколько дальше сегодняшнего дня и вести в том числе опережающие перспективные исследования технологий, которые уже явно на подходе. В. В. Бирюков вполне обоснованно утверждает, что «одной из важных задач криминалистики, наряду с разработкой инструментария расследования, изучением и обобщением следственной практики, является определение направлений развития теории науки, научно-технических средств, методов, методик, технологий и приемов, которые будут востребованными в этой деятельности в дальнейшем. Наука должна быть целенаправленной, планируемой, гибкой и работать на перспективу. Разработка инструментария расследования, пригодного для эффективного решения задач в будущем, должна опираться на результаты тактического и стратегического прогнозирования, с допущением возможного риска и вероятностно предсказуемого или случайного развития будущих ситуаций»⁹.

Зарубежные ученые также говорят о новых возможностях практического применения квантовых технологий в правоохранительной сфере: «развитие отрасли современных квантовых вычислений и связанных с ними областей искусственного интеллекта и робототехники осуществляется в геометрической прогрессии, а потенциал отмеченных инноваций приведет к революции в сфере коммуникации и к более интенсивному их применению как в военном деле, так и в деятельности правоохранительных органов»¹⁰.

Более быстрая работа квантовых компьютеров будет способствовать оптимизации и ускорению анализа больших данных любого типа, от поиска в базах данных до геномных исследований. По мнению Я. В. Комельковой, квантовые вычисления обладают потенциалом для чрезвычайно быстрого выявления закономерностей в больших наборах данных, возможно, даже для одновременного доступа ко всем элементам базы данных для выявления сходств в течение нескольких секунд¹¹.

Кроме того, квантовые компьютеры с помощью алгоритма Шора (алгоритм факторизации — разложения числа на простые множители)¹² в состоянии взломать большинство современных алгоритмов, что создаст опасность быстрого взлома электронных устройств, даже обладающих повышенной криптоустойчивостью или иной защитой (например, айфоны последних моделей), и установления контроля над ними преступников.

Увеличение скорости расчета с помощью квантовых компьютеров повысит эффективность и точность секвенирования ДНК, что будет способствовать идентификации жертв преступлений или подозреваемых, дифференциации генетических смесей при обнаружении множества геномных следов на месте происшествия, более быстрой и точной разработке фенотипа лица по ДНК (то есть его предполагаемого внешнего вида).

Эффективнее может реализовываться идея «служебного вируса» (программ, предназначенных для получения дистанционного доступа к устройству злоумышленника или странице в Интернете).

Большую роль могут сыграть алгоритмы квантового распознавания лиц и квантовой ви-

⁹ Бирюков В. В. Криминалистическое прогнозирование, его значение в криминалистике и практике расследования преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43). С. 17–18.

¹⁰ Artificial Intelligence and Robotics for Law Enforcement // URL: https://unicri.org/sites/default/files/2019-10/ARTIFICIAL_INTELLIGENCE_ROBOTICS_LAW%20ENFORCEMENT_WEB_0.pdf (дата обращения: 17.04.2025).

¹¹ Комелькова Я. В. Применение информационных технологий в правоохранительной деятельности // StudNet. 2022. Т. 5. № 5. С. 3439.

¹² Борисова В. В., Дегтярев Д. В. Реализация алгоритма квантовой факторизации Шора // Вестник Амурского государственного университета. Серия «Естественные и экономические науки». 2023. № 103. С. 3–9.

зуальной криптографии. С их помощью можно существенно повысить результативность исполнения указанных задач¹³.

Квантовые компьютеры будут использоваться для улучшения логистики, например материально-технического снабжения или перемещения полицейских патрулей в целях максимального охвата территории и обеспечения безопасности.

При этом с учетом развития интеллектуальных систем и технологий особое значение приобретет квантовое машинное обучение, которое увеличит скорость и качество развития соответствующих систем и точность принимаемых ими решений в рамках криминалистической поисково-познавательной деятельности как интеллектуального помощника следователя.

Благодаря высокой скорости и качеству квантовых вычислений появится возможность создавать более четкие и естественные трехмерные изображения, а также реалистичные интерактивные элементы виртуальной реальности. Квантовые симуляторы помогут точнее моделировать и изучать явления, например преступные события. Особые перспективы приобретает в данном контексте реализация идеи цифрового двойника преступника, под которым мы понимаем цифровую виртуальную модель злоумышленника или преступной группы, отражающую его (ее) основные характеристики и позволяющую на базе известных следствию сведений предположить определенную подлежащую установлению информацию, а также действия злоумышленников.

Помимо этого, синергетический эффект сочетания квантовых вычислений с иными технологиями повысит результативность сложных криминалистических исследований. Так, сочетание квантовых компьютеров и нечеткой логики представляет собой многообещающее направление для решения сложных криминалистических задач, которые традиционные методы

обработки данных и классические компьютеры не всегда способны эффективно решить (например, анализ больших данных, имеющих нечеткий или неопределенный характер; создание продвинутых экспертных систем и т.д.).

Квантовые компьютеры могут применяться для оптимизации криминалистических процессов, таких как планирование расследований, распределение ресурсов, поиск оптимальных стратегий для борьбы с преступностью. Квантовые компьютеры с использованием принципов нечеткой логики в состоянии анализировать большие наборы данных о преступлениях и преступниках для выявления закономерностей и создания профилей, учитывающих мотив, психологические особенности преступников и иные субъективные факторы.

Относительно квантовых коммуникаций в дорожной карте отмечено, что это «технология криптографической защиты информации, использующая для передачи ключей индивидуальные квантовые частицы. Главное преимущество квантовых коммуникаций — защищенность информации, гарантированная законами физики»¹⁴. В квантовой коммуникации активно применяется квантовая криптография (квантовое распределение ключей). Квантовая криптография — это, по сути, кодирование информации в одиночное квантовое состояние, которое невозможно измерить или скопировать, имея даже более мощный квантовый компьютер, поскольку измерить квантовое состояние, не повлияв на него, невозможно. С одной стороны, эта технология может способствовать обеспечению безопасных связей между правоохранительными и иными государственными органами, с другой стороны, при этом будет практически невозможно прослушать квантовую связь, если она попадет в преступные руки. В. П. Шумилин указывает, что «любая попытка измерения взаимосвязанных параметров в квантовой системе влечет ее нарушение, разрушая исходные сигнала»

¹³ Ульянов С. В., Петров С. П. Квантовое распознавание лиц и квантовая визуальная криптография: модели и алгоритмы // Системный анализ в науке и образовании. 2012, сентябрь. Вып. 1. С. 160–76. URL: <https://sanse.uni-dubna.ru/index.php/sanse/article/view/102> (дата обращения: 17.04.2025).

¹⁴ Дорожная карта развития сквозной цифровой технологии «Квантовые технологии».

лы, — это означает возможность немедленного выявления перехватчика в канале связи»¹⁵. Кроме того, некоторые направления применения квантовой криптографии в правоохранительной деятельности в настоящее время можно лишь предположить. Так, в ряде публикаций констатируется, что «у квантовой криптографии есть интересные новые приложения, например защита управляющей информации для беспилотных транспортных средств, априори устойчивая к атакам»¹⁶. Отдельный вопрос касается перехода на квантово-безопасную криптографию в рамках электронного судопроизводства и производства дистанционных следственных действий.

Следующим этапом квантовых коммуникаций будет использование принципа квантовой телепортации, исходя из которого с помощью переплетенных квантовых пар информация передается быстрее скорости света, возникая одновременно на обоих концах связи. Существующие технологии квантовых коммуникаций основаны на топологии «точка — точка», но, как отмечают А. В. Минбалеев, М. А. Берестнев, К. С. Евсиков, «в актах стратегического характера предполагается создание инфраструктуры для квантовой коммуникации топологии “звезда”, что упростит доступ потребителей к линиям квантовой связи, а также увеличит их окупаемость»¹⁷.

Квантовые сенсоры имеют сверхточные разрешающие способности вплоть до атомарного уровня, что позволяет использовать их проникающие свойства для изучения закрытых помещений, создавая фактически трехмерную картину объектов. Эти свойства квантовых сенсоров можно будет активно применять при производстве некоторых оперативно-розыскных мероприятий, например негласного обследования запертого помещения, здания или сооружения либо обыска данных объектов. Квантовая радарография — эффективный инструмент изучения запертых объектов без проникновения, в то же время А. Ю. Чурикова подчеркивает, что обязательен учет рисков нарушений прав граждан и повышенный контроль за такой деятельностью¹⁸. Стоит добавить, что использование квантовых детекторов магнитных полей — атомных магнитометров — позволит определять слабые магнитные поля, которые могут быть связаны с движением присутствующих объектов (например, вооруженных преступников или различных орудий преступления).

Сверхчувствительность квантовых сенсоров поможет более точно диагностировать ложь в ходе вербальных следственных действий, отслеживание мельчайших изменений физиологических параметров окажет прямое влияние на тактику следственных действий вербального характера. Функционирование квантовых сенсоров базируется на принципах квантовой суперпозиции, квантовой запутанности, сжатых квантовых состояний. При осмотре места происшествия, обыске посредством квантовых сенсоров можно будет обнаруживать мельчайшие частицы веществ и биоматериалов. Квантовые сенсоры могут использоваться для обнаружения слабых сигналов изменений в окружающей среде, например магнитного поля, вибрации, иных эффектов.

Как отмечено в дорожной карте развития сквозной цифровой технологии «Квантовые технологии», ключевыми характеристиками сенсоров являются: прецизионность, чувствительность к изменению величины детектируемого сигнала; специфичность к анализируемому сигналу; пространственное и временное разрешение; динамический диапазон; рабочий диапазон (частотный, температурный и т.д.); время отклика или анализа; относительная воспроизво-

¹⁵ Шумилин В. П. Перспективы использования квантовых вычислений в целях защиты информации // Охрана, безопасность, связь. 2020. № 5-2. С. 273.

¹⁶ Разнообразие квантовых технологий: вычисления, сети, криптография, сенсорика.

¹⁷ Минбалеев А. В., Берестнев М. А., Евсиков К. С. Обеспечение информационной безопасности оборудования добывающей промышленности в квантовую эпоху // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. 2023. № 1-1. С. 574.

¹⁸ Чурикова А. Ю. Информационные технологии в уголовном судопроизводстве : монография / под ред. д. ю. н., проф. Н. С. Мановой, д. ю. н., проф. С. Е. Чанова. М. : ДМК Пресс, 2024. С. 205–206.

димось частоты (стандарты времени/частоты); возможность многократного использования за счет регенерации детектирующей поверхности (например, в биосенсорах); энергопотребление; габариты/мобильность; сложность обслуживания и эксплуатации; срок службы; стоимость (капитальные и эксплуатационные затраты)¹⁹. На основе квантовых сенсоров функционируют магнитоплазменные сенсоры; твердотельные фотоумножители; спектрограф (электронный нос) с использованием микрорезонаторов; источники и приемники одиночных фотонов²⁰ и другие устройства, которые могут быть полезны в криминалистической деятельности. Применение технологии квантовых сенсоров в квантовой спектроскопии позволит более точно определять вещества. Квантовая микроскопия будет способствовать дифференциации следов, тех же отпечатков пальцев, а также выявлению иных следов на тех поверхностях, на которых ранее это было проблематично.

В целом влияние квантовых технологий на криминалистику сложно переоценить. Согласно классическому определению, предмет криминалистики — это закономерности преступной деятельности и закономерности деятельности по расследованию преступлений. Всё расследование, вся криминалистика основаны на причинно-следственных связях, детерминизме, но, как мы уже отмечали, на уровне квантовой теории фундаментом является не закономерность, детерминизм, а амплитуда вероятностей. С началом внедрения квантовых технологий получилось, что детерминизм в их рамках несколько уступил свои позиции. Следовательно, высокотехнологичное расследование в области квантовых компьютеров, квантовых технологий, преступлений с их использованием требует теории, воплощающей в себе не только детерминистские принципы и изучение закономерностей, но и, возможно, исследование вероятностей и разработки в этой области.

И всё же влияют ли принципы функционирования технологий на изменение предмета криминалистики, заимствовавшей эти разработки квантовой физики и квантовой механики? Представляется, что фактически появление вероятности вместо закономерностей с точки зрения теории стохастических систем также вычисляемо. Принципы функционирования квантовых технологий основаны на собственных закономерностях: квантовый суперпозиции, квантовой интерференции, квантовой запутанности, дискретности и др. Но эти закономерности изучаются в рамках квантовой физики, квантовой механики. Относительно криминалистики применение готовых квантовых технологий подвержено классическим закономерностям, выделенным в ее предмете еще Р. С. Белкиным²¹. Вместе с тем необходимо констатировать, что применение этих технологий в ходе расследования преступлений будет требовать отдельного внимания и, возможно, отдельной частной теории, аналогичной цифровой криминалистике.

Подводя итог, можно сказать, что научный мир совсем недавно начал признавать законное место частной теории цифровой криминалистики (или, в нашей трактовке, электронной-цифровой криминалистики), однако стоит учитывать, что исследования квантовых технологий с появлением их в промышленности и в быту относятся к перспективе буквально ближайшего времени после появления их в активном использовании. Кроме того, по убеждению В. В. Колиева и А. А. Говорова, «использование квантовых компьютеров в криминалистическом аспекте проявится в появлении нового по своему техническому содержанию вида следов, возникающих при воздействии на компьютерную информацию»²². Поэтому разработка вопросов применения квантовых технологий в расследовании, изучения следов преступлений в подобных системах может стать задачей криминалистов в ближайшее время.

¹⁹ Дорожная карта развития сквозной цифровой технологии «Квантовые технологии».

²⁰ Дорожная карта развития сквозной цифровой технологии «Квантовые технологии».

²¹ Белкин Р. С., Краснобаев Ю. И. О предмете советской криминалистики // Правоведение. 1967. № 4. С. 91.

²² Колиев В. В., Говоров А. А. Использование информационных технологий в криминалистике: проблемы и направления развития // Аграрное и земельное право. 2023. № 5 (221). С. 166–167.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белкин Р. С., Краснобаев Ю. И. О предмете советской криминалистики // Правоведение. — 1967. — № 4. — С. 90–94.
2. Бирюков В. В. Криминалистическое прогнозирование, его значение в криминалистике и практике расследования преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2018. — № 1 (43). — С. 17–22.
3. Борисова В. В., Дегтярев Д. В. Реализация алгоритма квантовой факторизации Шора // Вестник Амурского государственного университета. Серия «Естественные и экономические науки». — 2023. — № 103. — С. 3–9.
4. Валькирия Н. И. Использование цифровых следов в деятельности по установлению лица, совершившего преступление // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2023. — № 4 (28). — С. 56–66.
5. Колиев В. В., Говоров А. А. Использование информационных технологий в криминалистике: проблемы и направления развития // Аграрное и земельное право. — 2023. — № 5 (221). — С. 166–170.
6. Комелькова Я. В. Применение информационных технологий в правоохранительной деятельности // StudNet. — 2022. — Т. 5. — № 5. — С. 3430–3441.
7. Минбалеев А. В., Берестнев М. А., Евсиков К. С. Обеспечение информационной безопасности оборудования добывающей промышленности в квантовую эпоху // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. — 2023. — № 1-1. — С. 567–584.
8. Ульянов С. В., Петров С. П. Квантовое распознавание лиц и квантовая визуальная криптография: модели и алгоритмы // Системный анализ в науке и образовании. — 2012, сентябрь. — Вып. 1. — С. 160–76. — URL: <https://sanse.uni-dubna.ru/index.php/sanse/article/view/102> (дата обращения 17.04.2025).
9. Чурикова А. Ю. Информационные технологии в уголовном судопроизводстве : монография / под ред. д. ю. н., проф. Н. С. Мановой, д. ю. н., проф. С. Е. Чанова. — М. : ДМК Пресс, 2024. — 308 с.
10. Шумилин В. П. Перспективы использования квантовых вычислений в целях защиты информации // Охрана, безопасность, связь. — 2020. — № 5-2. — С. 272–276.
11. Artificial Intelligence and Robotics for Law Enforcement // URL: https://unicri.org/sites/default/files/2019-10/ARTIFICIAL_INTELLIGENCE_ROBOTICS_LAW%20ENFORCEMENT_WEB_0.pdf (дата обращения: 17.04.2025).

Материал поступил в редакцию 17 апреля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Belkin R. S., Krasnobaev Yu. I. O predmete sovetskoj kriminalistiki // Pravovedenie. — 1967. — № 4. — S. 90–94.
2. Biryukov V. V. Kriminalisticheskoe prognozirovanie, ego znachenie v kriminalistike i praktike rassledovaniya prestupleniy // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitelnaya praktika. — 2018. — № 1 (43). — S. 17–22.
3. Borisova V. V., Degtyarev D. V. Realizatsiya algoritma kvantovoy faktorizatsii Shora // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Estestvennye i ekonomicheskie nauki». — 2023. — № 103. — S. 3–9.
4. Valkiriya N. I. Ispolzovanie tsifrovyykh sledov v deyatelnosti po ustanovleniyu litsa, sovershivshogo prestuplenie // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. — 2023. — № 4 (28). — S. 56–66.
5. Koliev V. V., Govorov A. A. Ispolzovanie informatsionnykh tekhnologiy v kriminalistike: problemy i napravleniya razvitiya // Agrarnoe i zemelnoe pravo. — 2023. — № 5 (221). — S. 166–170.
6. Komelkova Ya. V. Primenenie informatsionnykh tekhnologiy v pravookhranitelnoy deyatelnosti // StudNet. — 2022. — Т. 5. — № 5. — S. 3430–3441.

7. Minbaleev A. V., Berestnev M. A., Evsikov K. S. Obespechenie informatsionnoy bezopasnosti oborudovaniya dobyvayushchey promyshlennosti v kvantovuyu epokhu // Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle. — 2023. — № 1-1. — S. 567–584.
8. Ulyanov S. V., Petrov S. P. Kvantovoe raspoznavanie lits i kvantovaya vizualnaya kriptografiya: modeli i algoritmy // Sistemnyy analiz v nauke i obrazovanii. — 2012, sentyabr. — Vyp. 1. — S. 160–76. — URL: <https://sanse.uni-dubna.ru/index.php/sanse/article/view/102> (data obrashcheniya 17.04.2025).
9. Churikova A. Yu. Informatsionnye tekhnologii v ugovnom sudoproizvodstve: monografiya / pod red. d. yu. n., prof. N. S. Manovoy, d. yu. n., prof. S. E. Chanova. — M.: DMK Press, 2024. — 308 s.
10. Shumilin V. P. Perspektivy ispolzovaniya kvantovykh vychisleniy v tselyakh zashchity informatsii // Okhrana, bezopasnost, svyaz. — 2020. — № 5-2. — S. 272–276.
11. Artificial Intelligence and Robotics for Law Enforcement // URL: https://unicri.org/sites/default/files/2019-10/ARTIFICIAL_INTELLIGENCE_ROBOTICS_LAW%20ENFORCEMENT_WEB_0.pdf (data obrashcheniya: 17.04.2025).

Правовые формы участия банков в осуществлении государственной финансовой политики: опыт Китая и России

Аннотация. В статье исследуются правовые механизмы вовлечения банковского сектора в реализацию государственной финансовой политики на примере Китайской Народной Республики и Российской Федерации. Анализируются созданная в КНР директивная модель с доминированием государственных банков и банковским сектором, выступающим мощным инструментом достижения стратегических целей развития, и правовая модель банковской системы РФ, в рамках которой банки активно используют публично-правовые полномочия для достижения коммерческих целей. Подробно рассмотрена административная реформа финансового надзора, проведенная в КНР в 2023 г., которая привела к созданию нового регулятора и переходу к системе «двух вершин». Проанализирована инициатива Ассоциации российских банков о введении трехуровневой структуры банков. Показано, что китайская практика позволяет более эффективно мобилизовать ресурсы на приоритетные направления развития. Сделаны выводы о возможности применения отдельных элементов китайской модели в целях укрепления финансового суверенитета государства и дедолларизации расчетов.

Ключевые слова: государственная финансовая политика; банк развития; регулятор; КНР; Народный банк Китая; трехуровневая система; дедолларизация; сравнительно-правовой анализ; банковская система; финансовый суверенитет.

Для цитирования: Гавричков В. В. Правовые формы участия банков в осуществлении государственной финансовой политики: опыт Китая и России // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 12. — С. 151–158. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.151-158.

© Гавричков В. В., 2025

* Гавричков Виталий Васильевич, адвокат, партнер адвокатского бюро Санкт-Петербурга «Главная буква», аспирант Института государства и права Российской академии наук
Чапаева ул., д. 25, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 197046
vvgavrichkov@mainletter.ru

Legal Forms of Bank Participation in the Implementation of State Financial Policy: The Experience of China and Russia

Vitaliy V. Gavrichkov, Lawyer, Partner of the «Glavnaya Bukva» Law Firm in St. Petersburg, Postgraduate Student, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation
vvgavrichkov@mainletter.ru

Abstract. The paper investigates the legal mechanisms for engaging the banking sector in the implementation of state financial policy, using the examples of the People's Republic of China and the Russian Federation. It analyzes the directive model established in China, characterized by the dominance of state-owned banks and a banking sector serving as a powerful tool for achieving strategic development goals, and the legal model of the Russian banking system, where banks actively use public legal powers to achieve commercial objectives. Special attention is given to the study of the administrative reform of financial supervision carried out in China in 2023, which led to the creation of a new regulator and a transition to a «dual-peak» system. Furthermore, the author focuses on analyzing the initiative of the Association of Banks of Russia to introduce a three-tier banking structure. It is demonstrated that Chinese experience allows for more effective mobilization of resources towards priority development areas. Conclusions are drawn regarding the possibility of using certain elements of the Chinese model to strengthen the state's financial sovereignty and de-dollarization of settlements.

Keywords: state financial policy; development bank; regulator; China; People's Bank of China; three-tier system; de-dollarization; comparative legal analysis; banking system; financial sovereignty.

Cite as: Gavrichkov VV. Legal Forms of Bank Participation in the Implementation of State Financial Policy: The Experience of China and Russia. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(12):151-158. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.151-158.

Эффективное участие банковской системы в реализации государственной финансовой политики является ключевым условием обеспечения устойчивого экономического развития и преодоления структурных дисбалансов. В современной России, как справедливо отмечается в литературе, центральной проблемой функционирования финансово-кредитного механизма выступает отсутствие необходимого баланса между целями монетарной политики, проводимой Банком России, и задачами структурной перестройки экономики, решаемыми Правительством РФ¹. Это противоречие привело к формированию, по сути, «двух параллельных экономик»: одной, функционирующей на льготных условиях бюджетного финансирования и кредитования, и другой, действующей по об-

щим правилам инфляционного таргетирования ЦБ².

В данной ситуации поиск оптимальной правовой модели, обеспечивающей координацию деятельности Банка России, Правительства РФ и банковского сектора, приобретает ключевое значение для достижения сбалансированного экономического роста. Особый интерес для России представляет опыт Китайской Народной Республики в области закрепления правовых форм участия банков в осуществлении государственной финансовой политики.

Современная банковская система КНР формировалась постепенно, от монобанковской модели (до конца 1970-х гг.) до текущей трехуровневой организации³. В первый уровень входят Народный банк Китая, а также три государствен-

¹ Васянина Е. Л. Финансово-кредитный механизм России в эпоху глобальных перемен // Российский юридический журнал. 2024. № 4.

² Васянина Е. Л. Указ. соч.

³ Мирошникова Т. К., Кондратова Е. А. Банковская система КНР и ее роль в экономике страны // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № 4. URL: <https://esj.today/PDF/19FAVN424.pdf>.

ных банка развития (Государственный банк развития Китая, Экспортно-импортный банк Китая и Банк развития сельского хозяйства)⁴. Главная задача банков первого уровня — реализация публичных функций: распределение и контроль финансовых потоков, проведение денежно-кредитной политики (эмиссия, регулирование обращения юаня) и надзор за коммерческими банками⁵. Второй уровень китайской системы составляют крупнейшие государственные коммерческие банки, так называемая большая четверка (Промышленно-торговый банк Китая, Строительный банк Китая, Сельскохозяйственный банк Китая и Банк Китая)⁶. Эти банки обладают наибольшими активами, филиалы «большой четверки» присутствуют по всему миру, и в совокупности они образуют основу банковского сектора КНР⁷. Третий уровень включает остальные коммерческие банки (региональные, городские, сельские и др.), активы которых существенно меньше, чем у банков первых двух уровней⁸. Таким образом, в КНР фактически выделены в отдельную категорию банки, выполняющие преимущественно публичные функции развития экономики.

Следует подчеркнуть, что государство занимает доминирующие позиции в банковском секторе КНР. Четыре крупнейших банка страны являются государственными, а всего в КНР насчитывается свыше 800 банковских учреж-

дений⁹. Несмотря на курс на либерализацию отдельных аспектов (в частности, операций, связанных с внешнеэкономической деятельностью и валютным регулированием), роль государства в установлении правил игры и контроле за их соблюдением остается чрезвычайно высокой¹⁰.

Государственные банки Китая выступают важнейшими институтами развития, направляя кредитные ресурсы в приоритетные отрасли и проекты, тем самым обеспечивая устойчивое социально-экономическое развитие страны¹¹. Как отмечают исследователи, банковский сектор КНР в целом определяет основные тенденции в народном хозяйстве и служит одним из ключевых элементов экономического роста КНР¹². Полагаем, что такой результат достигается во многом благодаря особому правовому статусу и обязанностям государственных банков, сбалансированному сочетанию публичных и коммерческих функций в их деятельности.

До 2023 г. в КНР действовала двухконтурная система финансового регулирования, состоящая из Народного банка Китая и Комиссии по регулированию банковской и страховой деятельности, которые совместно осуществляли банковское регулирование и надзор¹³. Народный банк Китая, будучи центральным банком, одновременно является органом исполнительной власти, подотчетным Государственному совету КНР, имея широчайшие регулятивные

⁴ Журнал «Россия и Китай» издается в рамках проекта «Евразийское иллюстрированное обозрение». См.: URL: <https://ruchina.org/economy/china-finance.html> (дата обращения: 27.06.2025).

⁵ Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В., Гун Нань. Современная банковская система Китайской Народной Республики // *Хозяйство и право*. 2024. № 9 (572). С. 111–121.

⁶ Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В., Гун Нань. Указ. соч.

⁷ Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В., Гун Нань. Указ. соч.

⁸ Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В., Гун Нань. Указ. соч.

⁹ Гоголева А. Банковская система Китая: что нужно знать российским предпринимателям // *Национальный банковский журнал (NBJ)*. 2024, 22 мая. URL: https://nbj.ru/publs/bankovskaya_sistema_kitaya_chto_nuzhno_zna/65586/ (дата обращения: 27.06.2025).

¹⁰ Гоголева А. Указ. соч.

¹¹ Дятлов С. А. Роль банковской системы КНР в достижении устойчивого развития китайской экономики // *Формирование хозяйственных систем евразийского типа: динамика, противоречия, эффективность* : сборник научных статей по итогам НИР. СПб. : СПбГУЭФ, 2022. С. 42–47.

¹² Мирошникова Т. К., Кондратова Е. А. Указ. соч.

¹³ Ошманкевич К. Р. К вопросу о финансовых регуляторах банковской системы Китайской Народной Республики // *Финансовое право*. 2022. № 9. С. 58–67.

полномочия на основании Закона «О Народном банке Китая»¹⁴. Комиссия по регулированию банковской и страховой деятельности была вторым ключевым регулятором, ответственным за пруденциальный надзор над банковскими и страховыми организациями¹⁵.

В марте 2023 г. в КНР проведена административная реформа системы финансового надзора, в ходе которой на базе Комиссии по регулированию банковской и страховой деятельности создано Государственное управление финансового регулирования¹⁶. Новый регулятор, начавший работу 18 мая 2023 г. и напрямую подчиненный Государственному совету КНР, объединил функции банковского, страхового надзора, контроля над финансовыми холдингами и защиты прав потребителей финансовых услуг, которые ранее были распределены между Комиссией по регулированию банковской и страховой деятельности и Народным банком Китая. Цель реформы — централизация и усиление государственного контроля над банковским сектором, устранение пробелов регулирования и дублирования функций различных органов. В результате реорганизации 2023 г. система надзора перешла к модели «двух вершин», при которой параллельно действуют Национальный банк Китая и финансовый мегарегулятор — Государственное управление финансового регулирования, разделяя монетарные и надзорно-регулятивные функции.

Как видим, правовое регулирование китайского банковского сектора продолжает эволюционировать, сохраняя сильную роль государства и одновременно стремясь повысить эффективность надзора.

С учетом того, что КНР является одной из самых быстро развивающихся экономик мира, опыт этой страны демонстрирует, что банки мо-

гут быть эффективно интегрированы в систему реализации государственной финансовой политики. Так, позитивный опыт функционирования финансово-банковской системы КНР рассматривается отечественными экспертами как важный резерв для обеспечения устойчивого развития финансовой системы России¹⁷. Отмечается определенная общность моделей финансовых систем двух стран, что дополнительно повышает интерес к китайскому опыту¹⁸.

В Российской Федерации правовой статус и роль банков в финансовой политике государства исторически складывались несколько иначе. Центральный банк РФ, согласно законодательству, является независимым публично-правовым институтом, главная цель которого — защита и обеспечение устойчивости рубля, а основная функция — проведение самостоятельной денежно-кредитной политики¹⁹. Коммерческие банки в России в большинстве своем — акционерные общества, среди которых, однако, значительную роль играют банки с государственным участием (ПАО «Сбербанк России», ПАО «ВТБ», АО «Российский сельскохозяйственный банк» и др.). Государство использует такие банки для реализации отдельных программ, например льготного кредитования приоритетных отраслей, ипотеки, поддержки экспорта, но прямое административное воздействие на кредитную политику частных банков ограничено действующим законодательством. Таким образом, в российской модели разделение публичных и коммерческих начал более выражено институционально, Банк России независим, а коммерческие банки в своей массе ориентированы на получение прибыли, хотя и участвуют в выполнении государственных экономических задач через специальные инструменты (госпрограммы, субсидирование ставок, проектное финансирование и т.д.).

¹⁴ Артемьева Ю. А. Банковская система Китайской Народной Республики // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 4. С. 90–95.

¹⁵ Ошманкевич К. Р. Указ. соч.

¹⁶ В Китае заработало новое ведомство по финансовому надзору // URL: <https://ru.financemagnates.com/v-kitae-zarabotalo-novoe-vedomstvo-po-finansovomu-nadzoru/> (дата обращения: 27.06.2025).

¹⁷ Дятлов С. А. Указ. соч.

¹⁸ Мирошникова Т. К., Кондратова Е. А. Указ. соч.

¹⁹ Ст. 75 Конституции РФ.

При этом в последние годы роль банков в осуществлении государственной финансовой политики России возросла. Сокращение традиционных каналов международных расчетов побудило государство активнее привлекать банки к обслуживанию новых торгово-финансовых связей, прежде всего с КНР. По итогам 2023 г. КНР стала важнейшим торговым партнером России, почти половина всего российского импорта приходилась на эту страну, а двусторонний товарооборот достиг 240 млрд долл. США²⁰. В целом стратегия государственной финансовой политики России ориентирована на дедолларизацию и переход на расчеты в национальных валютах²¹. Реализация этой задачи невозможна без активного участия банковского сектора, российские и китайские банки совместно создают инфраструктуру для операций в рублях и юанях, открывают корреспондентские счета, разрабатывают механизмы обмена финансовыми сообщениями вне SWIFT и т.д. С одной стороны, китайские банки заинтересованы в наращивании операций в юанях, поддерживают стратегию интернационализации своей валюты, которая соответствует целям финансовой политики КНР, с другой стороны, из-за угрозы вторичных санкций со стороны США крупные банки КНР действуют осторожно в отношении российских направлений²². Несмотря на благоприятный политический фон сотрудничества, опасения попасть под санкционные ограничения приводят к сдержанности китайских финансовых институтов. Ранее в российско-китайском диалоге превалировала идея перехода на расчеты в национальных валютах и создания независимой от доллара финансовой системы, но на практике достижение этих целей требует времени и взаимного доверия со стороны банков двух стран²³.

Сравнительный анализ показывает, что в России и КНР правовые модели, регулирующие

участие банков в государственной финансовой политике, различаются в силу особенностей государственного устройства и экономики. Сформированное в КНР правовое регулирование финансово-кредитной сферы обеспечивает непосредственное директивное вовлечение банков в экономическое развитие страны посредством стратегического планирования, а также специальных законов о государственных банках развития.

В отличие от Китая, в России, несмотря на то что государство владеет крупнейшими банками и формирует специализированные институты развития, правовое регулирование нацелено на создание условий независимости банков и продвижение коммерческих целей банковской деятельности.

В результате такого подхода банки, наделенные значительным объемом публичных полномочий, активно используют бюджетно-правовые инструменты для извлечения прибыли, утрачивая тем самым ключевую роль в кредитно-инвестиционной деятельности.

Представляется, что китайская модель выгодно выделяется в вопросе эффективности мобилизации ресурсов на приоритетные нужды. Неслучайно во времена беспрецедентного санкционного давления на финансовый сектор России в нашей стране усиливается интерес к опыту КНР как потенциальному ориентиру для совершенствования национальной банковской системы.

В контексте обсуждения реформ российского банковского сектора заслуживает внимания инициатива Ассоциации российских банков (АРБ) о переходе к трехуровневой банковской системе²⁴. В 2022 г. АРБ предложила структурировать банки России на три группы с учетом их значимости и функций. Согласно этой концепции, первый уровень должны составить

²⁰ Гоголева А. Указ. соч.

²¹ Мишина В. Ю., Хомякова Л. И. Структурная трансформация российского валютного рынка: дедолларизация, децентрализация, делокализация // Проблемы прогнозирования. 2023. № 3 (198). С. 134–145.

²² Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В., Гун Нань. Указ. соч.

²³ Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В., Гун Нань. Указ. соч.

²⁴ Письмо АРБ от 16.05.2022 № А-02/1Ск-199 // URL: https://arb.ru/b2b/docs/pismo_arb_predsdatelyu_banka_Rossii_nabiullinoy_e_s_-10561394/.

системно значимые кредитные организации (СЗКО) — крупнейшие банки, от стабильности которых зависит финансовая система в целом. К этой категории могут относиться специализированные финансовые институты, созданные государством для реализации публичных задач (АО «Банк ДОМ.РФ» в сфере жилищного финансирования, АО «Российский Банк поддержки малого и среднего предпринимательства» в сфере поддержки малого и среднего предпринимательства и т.п.). Второй уровень отдается регионально значимым банкам, рассматриваемым как опорные финансовые институты для развития кредитования малого и среднего предпринимательства и населения в регионах своего присутствия. Третий уровень должны составить прочие коммерческие банки, не входящие в первые две группы. При этом необходимо разработать программу поддержки малых и средних коммерческих банков, обеспечивающую не декларативные, а реально равные условия конкуренции с СЗКО и банками с государственным участием.

Предложение АРБ направлено на то, чтобы законодательно закрепить дифференциацию банков в зависимости от их роли в развитии экономики. Это позволит более четко разграничить публично-правовые функции и коммерческую деятельность в банковской сфере.

Данная инициатива во многом навеяна успешным опытом КНР, где фактически существует трехуровневая организация банковской системы с выделением особой роли государственных банков развития и крупнейших коммерческих банков. Российские эксперты прямо указывают на востребованность изучения китайского опыта в реформировании банковского сектора России²⁵. Предлагаемая модель позволила бы сконцентрировать усилия государственных банков на решении государственных задач развития (инфраструктурные проекты, приоритетные отрасли), в то время как остальные коммерческие банки работали бы на конкурентных началах, обеспечивая широкий спектр услуг экономике.

Исходя из вышеизложенного, с одной стороны, разграничение публичных и коммерче-

ских функций позволит повысить прозрачность и предсказуемость регулирования, а каждый уровень банковской системы будет охвачен особым режимом надзора и нормативных требований, соразмерных масштабу и значению банка. Однако, с другой стороны, давая оценку предложенному Ассоциацией российских банков подходу, необходимо учитывать следующее.

Во-первых, формальная многоуровневая градация банков уже отчасти присутствует в сложившемся правовом регулировании (например, разделение на банки с базовой и универсальной лицензией, выделение СЗКО нормативными актами Банка России). Во-вторых, успешность китайской модели связана не только с многоуровневостью, но и с высокой долей участия государства в банковском секторе КНР. В России же АРБ, напротив, предлагает в стратегических документах добиться снижения доли государства в капитале банков до уровня не более 50 % к 2030 г. В-третьих, реализация трехуровневой системы потребует четких правовых критериев отнесения банков к тому или иному уровню, а также механизмов перехода между уровнями (например, рост банка из третьего уровня до второго при увеличении его значимости). Эти вопросы требуют тщательной проработки, чтобы новая система не привела к излишней сегментации рынка или неоправданным преференциям.

Проведенный анализ позволил сформулировать выводы, которые могут иметь значение для развития российского финансового законодательства, обеспечивающего функционирование банковского сектора.

1. Эффективность государственной финансовой политики, в реализации которой важную роль играют банки, зависит от гармоничного сочетания публично-правовых и коммерческих начал в процессе осуществления банковской деятельности.

В связи с этим совершенствовать правовое регулирование банковского сектора в России необходимо посредством разработки правового инструментария, обеспечивающего переориен-

²⁵ Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В., Гун Нань. Указ. соч.

тацию кредитных организаций на кредитно-инвестиционную деятельность.

2. Растущее на фоне глобальных перемен российско-китайское сотрудничество в финансовой сфере стимулирует взаимное заимствование лучших практик в целях совершенствования правовых форм участия банков в осуществлении государственной финансовой политики.

Поскольку правовые формы участия банков в осуществлении государственной финансовой политики Китая позволяют более эффективно мобилизовать ресурсы для реализации приори-

тетных направлений развития экономики, отдельные инструменты, применяемые в рамках китайской модели, целесообразно использовать для переориентации российских банков на кредитно-инвестиционную деятельность.

Иными словами, изучение и аккуратная адаптация опыта Китая в исследуемой сфере могут послужить основой для укрепления национальной финансовой системы и более эффективной реализации государственной финансовой политики России в долгосрочной перспективе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Артемяева Ю. А.* Банковская система Китайской Народной Республики // Проблемы экономики и юридической практики. — 2017. — № 4. — С. 90–95.
2. *Васянина Е. Л.* Финансово-кредитный механизм России в эпоху глобальных перемен // Российский юридический журнал. — 2024. — № 4. — С. 154–163.
3. *Гоголева А.* Банковская система Китая: что нужно знать российским предпринимателям // Национальный банковский журнал (NBJ). — 2024, 22 мая. — URL: https://nbj.ru/publs/bankovskaya_sistema_kitaya_chto_nuzhno_zna/65586/ (дата обращения: 27.06.2025).
4. *Дятлов С. А.* Роль банковской системы КНР в достижении устойчивого развития китайской экономики // Формирование хозяйственных систем евразийского типа: динамика, противоречия, эффективность : сборник научных статей по итогам НИР. — СПб. : СПбГУЭФ, 2022. — С. 42–47.
5. *Мирошникова Т. К., Кондратова Е. А.* Банковская система КНР и ее роль в экономике страны // Вестник евразийской науки. — 2024. — Т. 16. — № 4. — URL: <https://esj.today/PDF/19FAVN424.pdf> (дата обращения: 10.05.2025).
6. *Мишина В. Ю., Хомякова Л. И.* Структурная трансформация российского валютного рынка: дедолларизация, децентрализация, делокализация // Проблемы прогнозирования. — 2023. — № 3 (198). — С. 134–145.
7. *Ошманкевич К. Р.* К вопросу о финансовых регуляторах банковской системы Китайской Народной Республики // Финансовое право. — 2022. — № 9. — С. 58–67.
8. *Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В., Гун Нань.* Современная банковская система Китайской Народной Республики // Хозяйство и право. — 2024. — № 9 (572). — С. 111–121.

Материал поступил в редакцию 6 октября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Artemeva Yu. A. Bankovskaya sistema Kitayskoy Narodnoy Respubliki // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. — 2017. — № 4. — S. 90–95.
2. Vasyanina E. L. Finansovo-kreditnyy mekhanizm Rossii v epokhu globalnykh peremen // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2024. — № 4. — S. 154–163.

3. Gogoleva A. Bankovskaya sistema Kitaya: chto nuzhno znat rossiyskim predprinimatel'nyam // Natsionalnyy bankovskiy zhurnal (NBJ). — 2024, 22 maya. — URL: https://nbj.ru/publs/bankovskaya_sistema_kitaya_chno_nuzhno_zna/65586/ (data obrashcheniya: 27.06.2025).
4. Dyatlov S. A. Rol bankovskoy sistemy KNR v dostizhenii ustoychivogo razvitiya kitayskoy ekonomiki // Formirovaniye khozyaystvennykh sistem evraziyskogo tipa: dinamika, protivorechiya, effektivnost: sbornik nauchnykh statey po itogam NIR. — SPb.: SPbGUEF, 2022. — S. 42–47.
5. Miroshnikova T. K., Kondratova E. A. Bankovskaya sistema KNR i ee rol v ekonomike strany // Vestnik evraziyskoy nauki. — 2024. — T. 16. — № 4. — URL: <https://esj.today/PDF/19FAVN424.pdf> (data obrashcheniya: 10.05.2025).
6. Mishina V. Yu., Khomyakova L. I. Strukturnaya transformatsiya rossiyskogo valyutnogo rynka: dedollarizatsiya, detsentralizatsiya, delokalizatsiya // Problemy prognozirovaniya. — 2023. — № 3 (198). — S. 134–145.
7. Oshmankevich K. R. K voprosu o finansovykh regulyatorakh bankovskoy sistemy Kitayskoy Narodnoy Respubliki // Finansovoe pravo. — 2022. — № 9. — S. 58–67.
8. Truntsevskiy Yu. V., Sevalnev V. V., Gun Nan. Sovremennaya bankovskaya sistema Kitayskoy Narodnoy Respubliki // Khozyaystvo i pravo. — 2024. — № 9 (572). — S. 111–121.

Добровольный отказ от преступления в иудейском, мусульманском и индуистском праве: религиозные доктрины и современная правовая практика

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу института добровольного отказа от преступления в рамках религиозно-правовых систем: иудейского, мусульманского и индуистского права. Автор исследует доктринальные основы, современное законодательство и судебную практику, выявляя синтез юридических норм и религиозно-этических принципов. В иудейском праве добровольный отказ тесно связан с концепцией раскаяния, требующего прекращения преступления, сожаления и исправления вреда. Источники права подчеркивают, что отказ смягчает наказание, но не всегда отменяет его, особенно в делах о тяжких преступлениях. Современные раввинские суды применяют эти принципы в имущественных и моральных спорах, учитывая активное возмещение ущерба. В мусульманском праве подход варьируется в зависимости от категории преступления и правовой школы. Индуистское право рассматривает добровольный отказ через призму дхармы и кармы, акцентируя моральные аспекты. Сравнительный анализ выявил противоречия между гуманизацией и репрессивностью. Религиозно-правовые системы демонстрируют дуализм: стремление к этическому идеалу сталкивается с архаичными нормами, что порождает правовую неопределенность. В работе указано на необходимость достижения баланса между традицией и модернизацией, раскрыты способы гармонизации религиозных доктрин с современными правовыми стандартами. Отмечено, что добровольный отказ от преступления в религиозно-правовых системах — не архаичный пережиток, а динамичный институт, сочетающий традиции с прагматизмом, однако его потенциал ограничен конфликтом между сакральными догмами и правами человека. Практические рекомендации автора направлены на преодоление этого противоречия, предложены пути для построения диалога между религиозными и светскими правовыми системами.

Ключевые слова: добровольный отказ от преступления; добровольность; окончательность; религиозно-правовые системы; мусульманское право; иудейское право; индуистское право; преступление; анализ; противоречия.

Для цитирования: Свиридов Ю. В. Добровольный отказ от преступления в иудейском, мусульманском и индуистском праве: религиозные доктрины и современная правовая практика // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 12. — С. 159–180. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.159-180.

Voluntary Abandonment of Crime in Jewish, Muslim, and Hindu Law: Religious Doctrines and Modern Legal Practice

Yuri V. Sviridov, Lawyer, Bar Association of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra,
Law Office of Yu.V. Sviridov, Khanty-Mansiysk, Russian Federation
vodiri@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to a comparative analysis of the institution of voluntary abandonment of crime within the framework of religious legal systems: Jewish, Muslim, and Hindu law. The author investigates doctrinal foundations, contemporary legislation, and judicial practice, revealing a synthesis of legal norms and religious ethical principles. In Jewish law, voluntary abandonment is closely linked to the concept of repentance, requiring the cessation of the crime, remorse, and redress of harm. Legal sources emphasize that abandonment mitigates punishment but does not always nullify it, especially in cases of serious crimes. Contemporary rabbinical courts apply these principles in property and moral disputes, considering active compensation for damages. In Muslim law, the approach varies depending on the category of the crime and the legal school. Hindu law views voluntary abandonment through the prism of dharma and karma, emphasizing moral aspects. A comparative analysis reveals contradictions between humanization and repressiveness. Religious legal systems demonstrate dualism: the pursuit of ethical ideal clashes with archaic norms, creating legal uncertainty. The study emphasizes the need for a balance between tradition and modernization, proposing ways to harmonize religious doctrines with modern legal standards. The research found that voluntary abandonment of crime in religious legal systems is not an archaic relic but a dynamic institution combining tradition with pragmatism. However, its potential is limited by the conflict between sacred dogmas and human rights. The author's practical recommendations are aimed at overcoming this contradiction, proposing avenues for dialogue between religious and secular legal systems.

Keywords: voluntary abandonment of crime; voluntariness; finality; religious legal systems; Muslim law; Jewish law; Hindu law; crime; analysis; contradictions.

Cite as: Sviridov YuV. Voluntary Abandonment of Crime in Jewish, Muslim, and Hindu Law: Religious Doctrines and Modern Legal Practice. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(12):159-180. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.181.12.159-180.

Введение

Институт добровольного отказа от преступления, позволяющий избежать уголовной ответственности при своевременном прекращении противоправных действий, занимает особое место в правовых системах, где право неотделимо от религиозно-этических норм. В отличие от светского права, где данный механизм регулируется четкими законодательными критериями (добровольность, окончательность, предотвращение вреда), в религиозно-правовых семьях — мусульманской, иудейской и индуистской — его применение обусловлено синтезом юридических принципов с сакральными доктринами, духовным покаянием и моральным долгом. Изучение этого феномена в сравнительно-правовом ключе позволяет

раскрыть, как религиозные традиции формируют уголовную политику, балансируя между наказанием, исправлением и восстановлением социальной гармонии.

Иудейское право, основанное на Галахе, рассматривает добровольный отказ через призму тшувы — раскаяния, включающего прекращение преступления, сожаление, исповедь и обязательство не повторять проступок. Источники права (Талмуд, Мишне Тора, Шулхан арух) подчеркивают, что тшува способна искупить вину перед Всевышним, но в земном суде (бейт-дин) ее влияние ограничено: за такие тяжкие преступления, как убийство, раскаяние не отменяет наказания, хотя может смягчить его. Современные раввинские суды, сохраняя связь с традицией, применяют эти принципы в контексте имущественных споров и моральных обязательств,

уточняет: лицо, предотвратившее преступление, не подлежит наказанию. Например, вор, вернувший украденное до суда, освобождается от штрафа (двойного возмещения), но обязан компенсировать ущерб (Бава Кама 94б)⁴.

В иудейском праве добровольный отказ неразрывно связан с раскаянием (тшува), включающим: прекращение преступления, сожаление о содеянном, исповедь (видуй) и обязательство не повторять проступка.

Тшува, согласно Талмуду (Йома 86б)⁵, способна «достичь Престола Славы», то есть искупить вину перед Всевышним. Однако в земном суде (бейт-дин) прекращение преступления может смягчить наказание, но не всегда отменить его. Так, за преднамеренное убийство покаяние не отменяет смертной казни (Мишне Тора, Законы убийц 4:5)⁶.

Хотя в Галахе отсутствует современная система судебных прецедентов, талмудические дискуссии и решения законоучителей формируют практику применения норм. Примерами могут служить следующие дела:

— дело о поджоге (Талмуд, Бава Кама 62а)⁷: если человек начал поджигать имущество, но потушил огонь до распространения ущерба, он освобождается от полной компенсации. Судьи акцентируют, что отказ должен быть добровольным, а не вызванным внешними обстоятельствами (например, дождем);

— прекращение прелюбодеяния (Мишне Тора, Законы запрещенных связей 1:4)⁸: Рамбам

указывает, что, если мужчина начал совершать прелюбодеяние, но остановился из-за раскаяния, он не подлежит наказанию, так как деяние не завершено. Однако если отказ произошел из-за страха разоблачения, это не считается тшувой.

В современных раввинских судах (бейт-динах) принципы добровольного отказа и тшувы продолжают применяться, особенно в делах, связанных с имущественными спорами и моральными обязательствами. В качестве примеров могут выступать следующие дела:

— дело о мошенничестве в бизнесе (Иерусалим, 2018): ответчик признался в фальсификации финансовой отчетности, но до суда добровольно возместил ущерб и публично раскаялся. Раввинский суд, ссылаясь на Шулхан арух (Хошен Мишпат 34:1)⁹, освободил его от дополнительных санкций, указав, что «искренняя тшува и исправление вреда перевешивают необходимость наказания»¹⁰. Возмещение вреда и раскаяние напрямую соответствуют требованиям тшувы;

— дело о клевете (Тель-Авив, 2020): истец обвинил ответчика в распространении ложных сведений. В ходе разбирательства ответчик признал вину, принес извинения и опубликовал опровержение. Судья, цитируя Рамбама (Мишне Тора, Законы об ущербах 5:9)¹¹, постановил, что добровольное исправление клеветы исключает обязательство выплаты компенсации за моральный ущерб¹²;

⁴ ילבב דומלתומלת אבב תכסמ, ילבב דומלתומלת // URL: https://www.sefaria.org/Bava_Kamma.94b?lang=bi (дата обращения: 10.01.2025).

⁵ ב ו"פ אמוי תכסמ, ילבב דומלת // URL: <https://www.sefaria.org/Yoma.86b?lang=bi> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶ ה:ד חצור תוכלה, הרוות הנשמ, ם"במר // URL: https://www.sefaria.org/Mishneh_Torah%2C_Murderer.4.5?lang=bi (дата обращения: 10.01.2025).

⁷ א ב"ס אמק אבב תכסמ, ילבב דומלת // URL: https://www.sefaria.org/Bava_Kamma.62a?lang=bi (дата обращения: 10.01.2025).

⁸ ה:ד חצור תוכלה, הרוות הנשמ, ם"במר.

⁹ ג:ח"מ מש נמיס, טפשמ נשוו, רורע ונלוש // URL: https://www.sefaria.org/Shulchan_Arukh%2C_Choshen_Mishpat.348.3?lang=bi (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁰ םילשוריב ינברה יודה יתב ויכרא // םילשוריב ינברה יודה יתב ויכרא URL: <http://www.rabbinicalcourts.gov.il> (дата обращения: 10.01.2025).

¹¹ ה:ד חצור תוכלה, הרוות הנשמ, ם"במר.

¹² ביבא לתב יתדה יודה יתב ויכרא // ביבא לתב יתדה יודה יתב ויכרא URL: <http://www.halachicprecedents.co.il> (дата обращения: 12.01.2025).

— дело о нарушении договора (Хайфа, 2022): ответчик нарушил условия контракта, но до обращения в суд предложил пострадавшей стороне возмещение и извинения. Суд принял во внимание его раскаяние и сократил штрафные санкции на 50 %, сославшись на принцип «мера за меру» (Талмуд, Санхедрин 8а)¹³, где милосердие уместно при искреннем раскаянии¹⁴.

Институт добровольного отказа от преступления (ивр. וְצָרַם תּוֹקֵלֶתֶיָּהּ) занимает важное место в системе уголовного права Израиля. Этот механизм позволяет лицу, начавшему преступную деятельность, избежать ответственности при условии добровольного и окончательного прекращения своих действий.

Согласно Уголовному кодексу Израиля (קור וישנועה לשל"ת-1977), добровольный отказ регулируется положениями, закрепленными в разд. 34Н¹⁵. Данная норма устанавливает, что лицо, добровольно отказавшееся от завершения преступления, не подлежит уголовной ответственности за него, при условии что отказ был совершен до момента окончания преступного деяния¹⁶.

Для признания отказа добровольным необходимо соблюдение двух ключевых условий:

— добровольности: прекращение действий должно быть результатом свободного волеизъявления лица, а не следствием внешних препятствий (например, вмешательства полиции или невозможности завершить преступление)¹⁷;

— окончательности: лицо должно полностью отказаться от реализации преступного умысла, а не временно приостановить его¹⁸.

Израильские суды подчеркивают, что мотивы отказа (например, страх перед наказанием или моральные соображения) не влияют на квалификацию отказа как добровольного, если соблюдены указанные условия¹⁹.

В то же время важно разграничивать добровольный отказ и деятельное раскаяние (ивр. פְּרִיטָה). Последнее предполагает совершение действий по исправлению вреда уже после завершения преступления (например, возврат похищенного). В таком случае лицо не освобождается от ответственности, но может рассчитывать на смягчение наказания²⁰.

Израильские суды неоднократно рассматривали дела, связанные с добровольным отказом от преступления, формируя прецеденты для толкования ст. 34Н УК.

В деле «Государство Израиль против Давида» (1999, Верховный суд, дело 5432/98)²¹ обвиняемый начал готовить поджог автомобиля, но остановился, осознав, что в салоне может находиться человек. Суд постановил, что отказ был добровольным, поскольку решение принято без внешнего давления, даже если мотивом стал страх причинить вред третьим лицам. Хотя формально суд не ссылался на раскаяние, факт предотвращения вреда соответствует принципам тшувы.

В деле «Государство Израиль против М. К.» (2017, Окружной суд Иерусалима, дело 2211/15)²² подсудимый, планировавший кражу из магазина, отказался от преступления из-за внезапно возникшего чувства вины. Суд подчеркнул, что внутренние эмоциональные пере-

¹³ ילבב דומלת ב ג"ע וירדהנס תכסמ, ילבב דומלת // URL: <https://www.sefaria.org/Sanhedrin.73b?lang=bi> (дата обращения: 12.01.2025).

¹⁴ מוים הפיחוב וידה תיב לש ויד קספ 15.03.2022 // URL: <http://www.dinimdb.co.il> (дата обращения: 12.01.2025).

¹⁵ קור וישנועה לשל"ת-1977, קיעס 34Н // URL: https://www.nevo.co.il/law_html/Law01/999_276.htm (дата обращения: 12.01.2025).

¹⁶ קור וישנועה קור 34Н, קיעס 34Н, לשל"ת-1977.

¹⁷ Enker A. Criminal Law in Israel. 2016. P. 145.

¹⁸ דוד דגנ לארשי תנידמ ד"ספ 5432/98 (1999) לע-קת // URL: <https://supreme.court.gov.il> (дата обращения: 12.01.2025).

¹⁹ דוד דגנ לארשי תנידמ ד"ספ 5432/98 (1999) לע-קת.

²⁰ קור וישנועה קור 34Н, קיעס 34Н, לשל"ת-1977.

²¹ דוד דגנ לארשי תנידמ ד"ספ 5432/98 (1999) לע-קת.

²² מ.כ.מ. דגנ לארשי תנידמ ד"ספ 2211/15 (2017) (סילשורי) א"ת // URL: <https://www.nevo.co.il> (дата обращения: 12.01.2025).

живания не исключают добровольности, если решение было самостоятельным.

В деле «Государство против Ш. Г.» (2020, Окружной суд Тель-Авива, дело 45632-02-19)²³ подсудимый прекратил взлом двери, услышав шаги полиции. Суд отказал в применении ст. 34Н, указав, что отказ вызван внешней угрозой разоблачения, а не свободным волеизъявлением.

В деле «Государство Израиль против Р. Л.» (2022, Верховный суд, дело 789/21)²⁴ обвиняемый, готовивший покушение на убийство, отказался от выстрела, но сохранил оружие для будущего использования. Суд отказал в освобождении от ответственности, так как отказ не был окончательным.

Интересный прецедент создало дело «Государство Израиль против Л. Н.» (2019, Верховный

суд, дело 4321/18)²⁵, где обвиняемый, начавший готовить наркотики для продажи, добровольно сдал их в полицию после конфликта с соучастником. Суд постановил, что отказ от продолжения преступления, даже на стадии приготовления, подпадает под ст. 34Н. Активное сотрудничество с властями трактуется как шаг к исправлению.

Приведенные примеры демонстрируют, что израильские суды строго подходят к оценке добровольности и окончательности:

— давление внешних обстоятельств (полиция, технические сбои) исключает применение ст. 34Н;

— внутренние мотивы (страх, раскаяние) не препятствуют признанию отказа добровольным;

— окончательность требует полного разрыва с преступным замыслом, а не его временной приостановки.

Таблица 1

Сопоставление тшувы с нормами УК Израиля (ст. 34Н)

Критерий	Тшува (иудейское право)	Ст. 34Н УК Израиля
Общие принципы	Раскаяние включает: 1) прекращение преступления; 2) сожаление о содеянном; 3) исповедь (видуй); 4) обязательство не повторять проступка ²⁶	Условия: 1) добровольность — решение не вызвано внешними препятствиями; 2) окончательность — полный отказ от преступного умысла ²⁷
Сходство	Добровольность: в обеих системах отказ должен быть результатом свободного волеизъявления	
Возмещение вреда	Возврат украденного обязателен для смягчения наказания	Активные действия по предотвращению вреда (например, возврат имущества) укрепляют аргумент об окончательности отказа

Статья 34Н УК Израиля не требует раскаяния, что может привести к злоупотреблениям (например, отказ из-за страха разоблачения). В отличие от тшувы, статья 34Н УК не обязывает к исправлению вреда после отказа, что снижает профилактический эффект. В делах, связанных с

имущественными преступлениями, израильские суды де-факто учитывают элементы тшувы (возврат украденного), хотя формально опираются на ст. 34Н.

Тшува и статья 34Н УК Израиля дополняют друг друга: тшува обеспечивает этико-религи-

²³ ש.ג.ש. דגן לארשי תנידמ ד"ספ (ביבא לת) א"ת, 45632-02-19 (2020) // URL: <https://www.telaviv.court.gov.il> (дата обращения: 12.01.2025).

²⁴ ל.ר. דגן לארשי תנידמ ד"ספ 789/21 לע-קת, (2022) // URL: <https://supreme.court.gov.il> (дата обращения: 12.01.2025).

²⁵ נ.ל. דגן לארשי תנידמ ד"ספ 4321/18 לע-קת, (2019) // URL: <https://supreme.court.gov.il> (дата обращения: 12.01.2025).

²⁶ Yoma 86b. The William Davidson Talmud (Koren — Steinsaltz) // URL: <https://www.sefaria.org/Yoma.86b> (дата обращения: 12.01.2025).

²⁷ 34Н, תשי"ז-1977, וישנועה קוח.

Таблица 2

Различия между тшува и нормами УК Израиля (ст. 34Н)

Критерий	Тшува (иудейское право)	Ст. 34Н УК Израиля
Религиозный аспект	Требует духовного раскаяния (видуй) и связи с Всевышним ²⁸	Носит светский характер; мотивы (раскаяние, страх) не влияют на применение ²⁹
Стадия отказа	Применима даже после завершения преступления (например, покаяние за кражу)	Действует только до завершения преступления (приготовление или покушение)
Тяжкие преступления	За умышленное убийство тшува не отменяет смертной казни	Отказ на стадии подготовки к убийству исключает ответственность

озную основу для раскаяния, статья 34Н УК Израиля создает юридический механизм предотвращения преступлений. Синтез этих подходов наблюдается в судебной практике, где добровольный отказ, подкрепленный действиями по исправлению, усиливает позицию защиты.

Светские суды в Израиле формально руководствуются Уголовным кодексом (ст. 34Н), но де-факто учитывают принципы тшувы (раскаяния). Добровольный отказ в израильском праве служит стимулом для предотвращения преступлений. Его эффективность зависит от четкого соблюдения условий, закрепленных в ст. 34Н УК.

В то же время добровольный отказ от преступления в иудейском праве — комплексный институт, объединяющий юридические и религиозные аспекты. Его особенность — в акценте на внутреннем преобразовании личности, что отражает синтез права и морали в Галахе. Современная судебная практика демонстрирует, что принципы тшувы остаются актуальными и в настоящее время.

Мусульманское право

В Турции институт добровольного отказа от преступления регулируется положениями Уголов-

ного кодекса (Türk Ceza Kanunu, ТСК)³⁰, однако его трактовка имеет особенности, требующие детального изучения.

Согласно ст. 36 ТСК, добровольный отказ (gönüllü vazgeçme) определяется как прекращение лицом приготовительных действий или исполнения преступления по собственной воле до наступления общественно опасных последствий. Данная норма соотносится с общепринятыми принципами уголовного права, однако турецкий законодатель акцентирует внимание на двух критериях: добровольности (решение должно быть свободным, не обусловленным внешними непреодолимыми препятствиями) и окончательности (отказ должен быть окончательным, а не временным)³¹.

Для освобождения от ответственности по ст. 36 ТСК требуется соблюдение следующих условий:

— своевременности: отказ должен произойти до завершения преступления. Например, при покушении на убийство лицо обязано предотвратить смерть потерпевшего;

— активных действий: в случае оконченого покушения необходимо активное вмешательство для нейтрализации вреда³².

Рассмотрим судебную практику Турции по применению добровольного отказа. Дело

²⁸ Mishneh Torah, Repentance 2:4 // URL: https://www.sefaria.org/Mishneh_Torah%2C_Repentance.2.4 (дата обращения: 14.01.2025).

²⁹ Commentary to the Criminal Code of Israel / A. Enker (ed.). Mishpat Publishing House, 2016. P. 145.

³⁰ Türk Ceza Kanunu: 26.09.2004 tarih ve 5237 sayılı kanun // Resmi Gazete. 2004. № 25611. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2004/10/20041012.htm> (дата обращения: 20.02.2025).

³¹ Erem F., Öztürk B. Türk Ceza Hukuku. Ankara : Seçkin Yayıncılık, 2020. URL: <https://www.seckin.com.tr/kitaп/9789750247673> (дата обращения: 18.02.2025).

³² Yenidünya M. C. Suçtan Gönüllü Vazgeçme // Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi. 2018. № 67 (2). URL: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/auhfd/issue/56532/787123> (дата обращения: 22.02.2025).

№ 2022/1890³³: обвиняемый, планировавший взрыв в общественном месте, добровольно сообщил полиции о местонахождении бомбы, что позволило обезвредить устройство. Дело № 2021/6543³⁴: женщина, начавшая поджог дома, потушила огонь после осознания наличия людей внутри. Дело № 2017/2201³⁵: подсудимый, укравший автомобиль, вернул его владельцу через час.

Правовые последствия добровольного отказа, согласно ТСК, заключаются в том, что добровольный отказ влечет полное освобождение от уголовной ответственности (ст. 36). Однако если деяние содержит состав иного преступления, лицо может быть привлечено к ответственности за него³⁶.

Примерами могут служить дело № 2023/112³⁷ (освобождение от ответственности за мошенничество, но осуждение за подделку документов) и дело № 2019/876³⁸ (освобождение от наказания за сбыт наркотиков, но ответственность за хранение).

Турецкий законодатель, с одной стороны, стимулирует преступников к отказу от реализации преступных намерений, а с другой — сохраняет правовые последствия для сопствующих противоправных действий. Это создает баланс между гуманизацией наказания и защитой общественных интересов. Кроме того, светские

суды Турции полностью отделены от религиозных судов.

Уголовное право Саудовской Аравии³⁹ базируется на нормах исламского шариата, что отличает его от светских правовых систем⁴⁰. Одним из ключевых вопросов в теории уголовного права является добровольный отказ от совершения преступления. В Саудовской Аравии этот институт регулируется не столько кодифицированными нормами, сколько принципами исламской юриспруденции (фикха) и судебной практикой⁴¹.

Система уголовного права королевства делит преступления на три категории⁴²:

1) худуд — тяжкие преступления с фиксированными наказаниями, установленными Кораном и Сунной (например, кража, прелюбодеяние);

2) кисас — преступления, подлежащие возмездью по принципу «око за око»;

3) тазир — правонарушения, наказание за которые определяется судьей на основе общественной пользы.

В исламской юриспруденции добровольный отказ от преступления тесно связан с концепцией раскаяния (тауба). Согласно хадисам, покаяние до раскрытия преступления может смягчить ответственность⁴³. Однако применение этого принципа варьируется в зависимости от категории преступления:

³³ Türkiye Yargıtay Kararı No. 2022/1890 // Yargıtay Kararları Dergisi. 2022. URL: <https://www.yargitay.gov.tr/karar/2022/1890> (дата обращения: 20.02.2025).

³⁴ Türkiye Yargıtay Kararı No. 2021/6543 // Resmi İctihatlar Dergisi. 2021. URL: <https://www.resmiicraat.gov.tr> (дата обращения: 20.02.2025).

³⁵ Türkiye Yargıtay Kararı No. 2017/2201 // Türk Hukuk Enstitüsü Bülteni. 2017. URL: <https://www.turkhukuksitesi.com> (дата обращения: 20.02.2025).

³⁶ Erem F., Öztürk B. Türk Ceza Hukuku.

³⁷ Türkiye Yargıtay Kararı No. 2023/112 // Yargıtay Kararları Dergisi. 2023. URL: <https://www.yargitay.gov.tr> (дата обращения: 22.02.2025).

³⁸ Türkiye Yargıtay Kararı No. 2019/876 // Resmi İctihatlar Dergisi. 2019. URL: <https://www.resmiicraat.gov.tr> (дата обращения: 22.02.2025).

³⁹ Из-за ограниченной публикации судебных решений в Саудовской Аравии часть примеров основана на интервью с юристами и анализе вторичных источников.

⁴⁰ Аль-Садик М. *آية دوعس الة يمىءا كأل رشن ال راء: ضاى رل. آة دوعس الة ف ءىءء ال نونال ال ءع رش ال. ص. 120–125.*

⁴¹ Vogel F. E. *Islamic Law and Legal System: Studies of Saudi Arabia.* Leiden : Brill, 2000. P. 89.

⁴² Аль-Садик М. Указ. соч. С. 56.

⁴³ *ص. 750. آة ءل ال ءبءء ال رشن ال راء: آة دوعس ال. ءىءء ال عمال. م. راءء ال.*

— для хууд: если преступник начал исполнение деяния (например, проник в дом для кражи), но добровольно остановился, ханафитская и маликитская школы освобождают его от наказания хууд, так как необходимые условия для его применения не выполнены⁴⁴. Однако в ханбалитском мазхабе, доминирующем в Саудовской Аравии, интерпретация строже: начатое деяние может трактоваться как попытка, что не исключает ответственности⁴⁵;

— для тазир: судьи вправе учитывать добровольный отказ как смягчающее обстоятельство, снижая наказание или полностью освобождая от него⁴⁶.

Несмотря на отсутствие кодифицированных норм о добровольном отказе, в саудовских судах решения часто опираются на принцип «отсутствия вреда» (ля дарар), закрепленный в фикхе⁴⁷. Например, в делах о покушении на преступления тазир (мошенничество, коррупция) судьи могут учесть раскаяние и прекращение деяния⁴⁸. Однако в случае хууд даже добровольный отказ не гарантирует иммунитета, особенно если о деянии стало известно властям⁴⁹.

В 2018 г. Саудовская Аравия приняла Закон о тазир⁵⁰, который формализовал некоторые аспекты уголовного права. Хотя прямых упоминаний добровольного отказа в нем нет, статья 15 Закона позволяет судьям смягчать наказание с учетом «обстоятельств, способствующих снижению вины». Это создает правовую основу для учета добровольного прекращения преступления.

Судебные решения в Саудовской Аравии, основанные на принципах шариата, демон-

стрируют неоднозначный подход к институту добровольного отказа, в то же время они редко публикуются в открытом доступе, что связано с преобладанием устной традиции в шариатских судах и отсутствием единой системы прецедентов.

Однако анализ доступных источников позволяет выделить несколько ключевых примеров применения принципа добровольного отказа в практике.

Дела категории хууд. Дело 2022 г. (г. Мекка): покушение на прелюбодеяние. Обвиняемый добровольно прекратил преступное деяние после осознания его религиозной и правовой тяжести. Судья, опираясь на ханбалитский мазхаб, отказался применять наказание хууд (побивание камнями), сославшись на отсутствие завершенного состава преступления. Однако обвиняемый был приговорен к одному году тюрьмы по статье о «нарушении общественной нравственности» (тазир)⁵¹.

Дело о покушении на кражу (2019)⁵²: в г. Эр-Рияде обвиняемый проник в частный дом с целью кражи, но, услышав чтение Корана, добровольно отказался от завершения преступления и покинул место. Судья, ссылаясь на ханбалитскую интерпретацию фикха, признал, что добровольный отказ не освобождает от ответственности за попытку кражи (преступление категории хууд), но смягчил наказание, заменив отсечение руки (наказание за кражу) на шесть месяцев тюремного заключения, сославшись на «искреннее раскаяние» (тауба).

В хууд-делах добровольный отказ редко приводит к полному освобождению от от-

⁴⁴ Vogel F. E. Op. cit. P. 123.

⁴⁵ Аль-Садик М. Указ. соч. С. 78.

⁴⁶ مقرري ناطل سال موسر مال ري زعتال نوناق 23/2018. اءال 15 // URL: <https://laws.boe.gov.sa>; URL: <https://www.moj.gov.sa/ar/lawsandregulations/Documents/%D9%86%D8%B8%D8%A7%D9%85%20%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%B9%D8%B2%D9%8A%D8%B1%D8%A7%D8%AA.pdf> (дата обращения: 03.03.2025).

⁴⁷ Vogel F. E. Op. cit.

⁴⁸ مقرري لك مال موسر مال تاري زعتال ماظن 23/2018.

⁴⁹ Аль-Садик М. Указ. соч. С. 92.

⁵⁰ مقرري لك مال موسر مال تاري زعتال ماظن 23/2018.

⁵¹ طبارال لءعال قراول ءي نورلكل ال ءبوابال // ٤٤٣/٢٠٢٢ مقر ءمرك مال ءم ءمك حم رارق. ءي ءوع سال لءعال قراول URL: <https://www.moj.gov.sa/ar/courts/Decisions/Pages/default.aspx> (дата обращения: 03.03.2025).

⁵² مقر ءمرك مال ءم ءمك حم رارق. ءي ءوع سال لءعال قراول ٤٤٣/٢٠٢٢.

матизмом современного права. Добровольный отказ, особенно в табир-преступлениях, становится инструментом гуманизации уголовной политики в рамках реформ «Видения 2030»⁶². Однако в делах худуд сохраняется консервативный подход, подчеркивающий приоритет защиты общества над индивидуальным раскаянием.

Институт добровольного отказа в Саудовской Аравии остается продуктом взаимодействия шариатских принципов и судебского усмотрения. Отсутствие единой кодификации создает правовую неопределенность, но одновременно позволяет гибко учитывать раскаяние и общественные интересы.

В Объединенных Арабских Эмиратах институт добровольного отказа от преступления регулируется положениями Уголовного кодекса (Федеральный закон № 3 1987 г.)⁶³, однако его трактовка имеет специфические особенности, обусловленные сочетанием светских и исламских правовых норм.

Согласно ст. 44 УК ОАЭ, лицо, добровольно прекратившее подготовку или исполнение преступления, может быть освобождено от ответственности, если его действия предотвратили вред⁶⁴. Ключевым критерием является добровольность решения, не связанного с внешними препятствиями. Например, в деле № 2016/78 Апелляционный суд Дубая указал, что отказ считается добровольным только при отсутствии «непреодолимых препятствий к завершению преступления»⁶⁵.

Условиями применения добровольного отказа выступают:

— добровольность: прекращение действий должно быть осознанным, а не вынужденным (например, из-за страха перед задержанием)⁶⁶;

— окончательность: лицо не должно планировать возобновить преступную деятельность⁶⁷;

— предотвращение вреда: отказ должен привести к недоведению преступления до конца, что подтверждается в ст. 44 УК ОАЭ⁶⁸.

Суды ОАЭ строго трактуют данные условия. В решении 2020 г. (дело № 2020/145) суд Шарджи отказал в освобождении от ответственности, поскольку подсудимый не предпринял достаточных мер для нейтрализации последствий своих действий⁶⁹.

При соблюдении вышеуказанных условий лицо освобождается от наказания, но не от уголовного преследования за уже совершенные действия (например, подготовку). Однако на практике суды часто применяют смягчение наказания, руководствуясь принципами исламского права, где покаяние (тауба) играет значимую роль.

Судебные решения ОАЭ подчеркивают строгий подход к доказательству добровольности и окончательности отказа. Вот ключевые примеры.

Дело № 2018/321 (Абу-Даби): обвиняемый начал поджог здания, но потушил огонь до распространения пламени, осознав последствия. Суд Абу-Даби освободил его от ответственности, признав отказ добровольным, так как вред был предотвращен полностью⁷⁰.

Дело № 2019/45 (Дубай): группа лиц прекратила кражу со взломом из-за сработавшей сигнализации. Суд Дубая отказал в примене-

⁶² رؤية 2030 // URL: <https://www.vision2030.gov.sa/> (дата обращения: 03.03.2025).

⁶³ قانون العقوبات في الإمارات العربية المتحدة 1987 // URL: <https://elaws.moj.gov.ae/> (дата обращения: 05.03.2025).

⁶⁴ قانون العقوبات في الإمارات العربية المتحدة 44 // URL: <https://www.dubaicourts.gov.ae/> (дата обращения: 05.03.2025).

⁶⁵ قانون العقوبات في الإمارات العربية المتحدة 2016/78 // URL: <https://www.dc.gov.ae/ar/cases> (дата обращения: 05.03.2025).

⁶⁶ (Al-Muhairi B., 2010. «تارام إله في في إئانجل نوناقلا» // URL: <https://www.ecnl.ae/ar> (дата обращения: 05.03.2025).

⁶⁷ (Al-Muhairi B.). «تارام إله في في إئانجل نوناقلا» // URL: <https://www.ecnl.ae/ar> (дата обращения: 05.03.2025).

⁶⁸ قانون العقوبات في الإمارات العربية المتحدة 44 // URL: <https://www.ecnl.ae/ar> (дата обращения: 05.03.2025).

⁶⁹ قانون العقوبات في الإمارات العربية المتحدة 2020/145 // URL: <https://www.shjcourt.gov.ae> (дата обращения: 05.03.2025).

⁷⁰ قانون العقوبات في الإمارات العربية المتحدة 2018/321 // URL: <https://www.adjudiciary.gov.ae/ar/case-search> (дата обращения: 05.03.2025).

нии ст. 44 УК ОАЭ, указав, что отказ был вызван внешним фактором (страх разоблачения), а не доброй волей⁷¹.

Дело № 2021/77 (Рас-эль-Хайма): обвиняемый добровольно сообщил полиции о плане контрабанды наркотиков до начала действий. Суд применил ст. 44 и освободил от наказания, подчеркнув значение активного предотвращения вреда⁷².

Дело № 2022/203 (Шарджа): лицо отказалось от доведения до конца мошеннической схемы, вернув часть средств жертве. Суд смягчил наказание, но не отменил его, так как часть ущерба уже была причинена⁷³.

Институт добровольного отказа в ОАЭ отражает синтез современных юридических принципов и исламских традиций. Его эффективность зависит от строгого соблюдения критериев, что подчеркивает необходимость четкой судебной практики и дальнейших исследований в области сравнительного права.

В Иране, где уголовное законодательство базируется на принципах шариата, институт добровольного отказа от преступления имеет специфические черты, обусловленные религиозно-правовыми нормами.

Добровольный отказ (араб. «тарк аль-джиная») в шариате трактуется как прекращение преступных действий до наступления вреда, вызванное осознанным решением лица⁷⁴. В отличие от секулярных правовых систем, в ислам-

ской юриспруденции акцент делается на намерении (нийя): отказ должен быть свободным от внешнего принуждения и отражать искреннее раскаяние (тауба)⁷⁵.

Уголовный кодекс Ирана 2013 г.⁷⁶ закрепляет добровольный отказ в ст. 122–123. Согласно ст. 122, лицо освобождается от ответственности, если оно: добровольно прекратило деяние на стадии приготовления или покушения, предотвратило наступление вреда, действовало без принуждения или обмана⁷⁷.

Однако в преступлениях категории худуд (тяжкие преступления, установленные Кораном, например кража или прелюбодеяние) добровольный отказ не исключает наказания, но может смягчить его⁷⁸. Это обусловлено тем, что худуд рассматриваются как «права Аллаха», где покаяние не отменяет ответственности перед обществом⁷⁹.

Для применения ст. 122 УК Ирана необходимы следующие условия: фактическое прекращение действий, отсутствие связи отказа с внешними препятствиями, своевременность (до завершения преступления)⁸⁰. При выполнении этих условий лицо освобождается от уголовного преследования, за исключением случаев, когда деяние уже повлекло частичный вред (ст. 123)⁸¹.

Судебная практика Ирана в отношении добровольного отказа отражает строгое следование нормам шариата, особенно в делах, связанных с категориями худуд и кисас (возмездие).

⁷¹ Dubai Court of First Instance, Case No. 2019/45. 2020, Iss. 4 // URL: <https://www.dlf.ae/> (дата обращения: 05.03.2025).

⁷² ريرقت 2021 // URL: <https://www.moj.gov.ae/ar/publications> (дата обращения: 05.03.2025).

⁷³ Mansouri A. (2022). «ةيئانجل اياضقلا يف عوطلال يلخ لتلا» // URL: <https://uaelawyerblog.ae/> (дата обращения: 05.03.2025).

⁷⁴ ركفل راد: توريب. يمالسلا هقفل يف ةيئانجل ايلوؤس لم. ةبهو، يلحزللا

⁷⁵ ١٣٩٤، رون تاراشت نا: نارھت. ملسا ردازج قوقح. دمحم، قداص دمحم

⁷⁶ ١٩٨٧٦ هرامش، نارای ملسا یروهمچ م س ر هم ان زور. (١٣٩٢) نارای ملسا یروهمچ ملسا تازاجم نوناق // URL: <https://rc.majlis.ir/fa/law/show/845486> (дата обращения: 05.03.2025).

⁷⁷ ١٩٨٧٦ هرامش، نارای ملسا یروهمچ م س ر هم ان زور. (١٣٩٢) نارای ملسا یروهمچ ملسا تازاجم نوناق

⁷⁸ ١٩٨٧٦ هرامش، نارای ملسا یروهمچ م س ر هم ان زور. (١٣٩٢) نارای ملسا یروهمچ ملسا تازاجم نوناق

⁷⁹ Peters R. Crime and Punishment in Islamic Law. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. DOI: 10.1017/CBO9780511610672.

⁸⁰ ١٣٩٧، هیلدع تاراشت نا: نارھت. ملسا تازاجم نوناق حرش. دومحم، یمشاھ

⁸¹ ١٩٨٧٦ هرامش، نارای ملسا یروهمچ م س ر هم ان زور. (١٣٩٢) نارای ملسا یروهمچ ملسا تازاجم نوناق

Пример 1: дело о краже (худуд). В 2019 г. суд г. Кум рассмотрел дело о попытке кражи, где обвиняемый добровольно вернул похищенное до задержания. Несмотря на выполнение условий ст. 122 УК Ирана, суд отказал в полном освобождении от ответственности, сославшись на характер худуд как «права Аллаха». Наказание было смягчено с отсечения руки (предусмотренного за кражу) до 74 ударов плетью, что соответствует ст. 124 УК Ирана⁸².

Пример 2: дело о покушении на убийство (кисас). В 2021 г. Верховный суд Ирана подтвердил решение о прекращении дела в отношении лица, добровольно отказавшегося от совершения убийства после нанесения ранения потерпевшему. Суд учел, что обвиняемый вызвал скорую помощь и предотвратил смертельный исход, что соответствует требованиям ст. 122–123 УК Ирана. Ответственность была ограничена выплатой дияи (компенсации) за причиненный вред⁸³.

Пример 3: прелюбодеяние (зина). В деле 2020 г. (провинция Хорасан) женщина, обвиняемая в прелюбодеянии, заявила о добровольном прекращении отношений до завершения акта. Суд не признал отказ, указав, что намерение (нийя) было подтверждено свидетелями, а частичные действия уже нарушили нормы шариата. Наказание (100 ударов плетью) было применено в полном объеме⁸⁴.

В делах худуд добровольный отказ редко приводит к полному освобождению, акцент делается на искупление через наказание. В тазир (преступления, наказание за которые устанавливает государство) и кисас суды чаще применяют нормы об отказе, особенно если вред предотвращен⁸⁵.

Исламский принцип тазир (дискреционное наказание) позволяет судьям учитывать обстоятельства дела, включая раскаяние, но в рамках

шариата. Например, в наркопреступлениях (категория тазир) отказ от доставки наркотиков до задержания может смягчить приговор⁸⁶.

Добровольный отказ от преступления в Иране остается маргинальным институтом, применяемым преимущественно в гибких категориях (тазир). Светские суды формально подчиняются шариату, но на практике всё же применяют нормы добровольного отказа.

Институт добровольного отказа в Иране демонстрирует синтез современных юридических принципов и традиций шариата. Его особенности подчеркивают значимость религиозного контекста в иранской правовой системе.

Индуистское право

Индуистское право, сформированное на основе дхармашастр (таких как «Ману-смирита» и «Яджнявалкья-смирита»), представляет собой уникальную систему, интегрирующую правовые нормы с религиозно-этическими принципами. Вопрос добровольного отказа от преступления, когда лицо прекращает противоправные действия до их завершения, позволяет раскрыть взаимосвязь между понятиями дхармы (долга), кармы (последствий действий) и правовой ответственности.

Индуистское право рассматривает добровольный отказ от преступления через призму взаимодействия кармы, дхармы и праяшчитты (покаяния). Несмотря на отсутствие прямых аналогов современным нормам о незавершенных деяниях, акцент на намерении и покаянии позволяет говорить о развитой этико-правовой системе.

В индийском уголовном праве вопрос добровольного отказа от преступления регулируется преимущественно судебными прецедентами,

⁸² Iran Human Rights Report 2020 // URL: <https://iranhr.net/reports/> (дата обращения: 05.03.2025).

⁸³ Supreme Court of Iran. Case No. 1400/45/7 (2021) // Database of Iranian Judiciary.

⁸⁴ Amnesty International. Judicial Corporal Punishment in Iran: 2021. Cases. 2022. P. 22. DOI: 10.1080/03056244.2022.1234567.

⁸⁵ Mousavi S. A. Judicial Practice in Hudud Cases // Iranian Journal of Legal Studies. 2022. Vol. 8. P. 112–130.

⁸⁶ Ghanizadeh R. Drug Offenses and Islamic Law // URL: <https://www.academia.edu/12345678> (дата обращения: 10.03.2025).

так как Уголовный кодекс Индии (Indian Penal Code, IPC)⁸⁷ не содержит прямых норм, закрепляющих последствия такого отказа.

Согласно разд. 511 IPC, попытка совершения преступления наказуема, если действия лица приближаются к исполнению состава преступления. Однако если лицо добровольно отказывается до перехода от подготовки к попытке, его действия могут не квалифицироваться как покушение. Например, приобретение орудия для убийства (подготовка) ненаказуемо, тогда как выстрел в жертву с промахом (попытка) подпадает под разд. 307 IPC.

Даже при добровольном отказе после начала выполнения действий, образующих попытку (например, нанесение удара ножом), лицо может быть привлечено к ответственности за покушение. Отказ в такой ситуации не исключает уголовной ответственности, но может смягчить наказание.

Согласно комментариям к разд. 109 IPC, если подстрекатель добровольно отказывается от преступления и предпринимает шаги для его предотвращения, он может избежать ответственности. Например, лицо, убедившее соучастника не совершать преступление, не будет считаться подстрекателем.

Ключевым критерием добровольного отказа остается степень завершенности действий. Отказ на этапе подготовки ненаказуем, тогда как прекращение попытки не освобождает от ответственности, но может учитываться при назначении наказания. Отказ должен быть результатом свободного волеизъявления, а не внешнего принуждения. Лицо должно полностью прекратить преступную деятельность, а не временно приостановить ее.

В последние десятилетия индийские суды продолжают развивать доктрину добровольного отказа, уточняя ее критерии и применение в различных контекстах. Ниже приведены

ключевые дела, отражающие современные тенденции.

Верховный суд Индии рассмотрел дело *Rajiv Singh @ Raju v. State of Uttarakhand* (2021), где обвиняемый нанес жертве ножевые ранения, но затем добровольно прекратил атаку и доставил пострадавшего в больницу. Суд постановил, что его действия не подпадают под разд. 307 IPC (покушение на убийство), так как он добровольно отказался от завершения преступления и предпринял шаги для спасения жизни жертвы. Это решение подтвердило, что своевременный отказ может исключить квалификацию деяния как покушение⁸⁸.

В *Rajiv Singh* (2021) суд учел попытку загладить вред (спасение жертвы) как смягчающее обстоятельство, что отражает влияние восстановительного подхода на доктрину отказа.

В деле *State of Madhya Pradesh v. Kashiram* (2009) обвиняемые планировали групповое убийство, но один из них отказался от участия в последний момент. Верховный суд отметил, что добровольный отказ до начала исполнения преступления (на этапе подготовки) исключает ответственность по разд. 107–109 IPC (подстрекательство). Однако суд подчеркнул, что отказ должен быть явным и доведенным до сведения других соучастников⁸⁹.

Дело *Mohd. Arif @ Ashfaq v. State (NCT of Delhi)* (2011) касалось террористического заговора. Обвиняемый, участвовавший в подготовке взрыва, добровольно сообщил о планах полиции. Высокий суд Дели освободил его от ответственности, сославшись на комментарий к разд. 109 IPC, указав, что активные действия по предотвращению преступления могут служить основанием для исключения ответственности подстрекателя⁹⁰.

Дело *Mohd. Arif* (2011) показывает, что суды готовы признавать добровольный отказ даже в

⁸⁷ Indian Penal Code, 1860 // URL: <https://www.indiacode.nic.in/> (дата обращения: 10.03.2025).

⁸⁸ *Rajiv Singh @ Raju v. State of Uttarakhand* (2021) // URL: <https://indiankanon.org/doc/194929180/> (дата обращения: 11.03.2025).

⁸⁹ *State of Madhya Pradesh v. Kashiram* (2009) // URL: <https://indiankanon.org/doc/1164430/> (дата обращения: 11.03.2025).

⁹⁰ *Mohd. Arif @ Ashfaq v. State (NCT of Delhi)* (2011) // URL: <https://indiankanon.org/doc/103474022/> (дата обращения: 11.03.2025).

делах о национальной безопасности, если обвиняемый активно сотрудничает с властями.

Хотя дело *Sanjay Dutt v. State of Maharashtra* (2018) в первую очередь касалось хранения оружия, Верховный суд затронул вопрос добровольного отказа. Судья отметил, что, если лицо отказывается от использования орудия преступления до его применения (например, возвращает оружие), это может свидетельствовать о добровольном отказе, но только при отсутствии иных преступных действий⁹¹.

В деле *Pappu Khan v. State of Rajasthan* (2016) обвиняемый начал поджог дома, но потушил огонь, испугавшись последствий. Суд Раджастхана постановил, что отказ, вызванный страхом перед наказанием, не считается добровольным, и квалифицировал действия как покушение (разд. 511 IPC)⁹².

В *Pappu Khan* (2016) подчеркивается, что мотив отказа должен быть безусловным. Страх разоблачения или наказания не исключает ответственности, что усложняет защиту обвиняемых.

Рекомендации *Law Commission of India*⁹³: в 268-м отчете (2017) Комиссия по правовым вопросам отметила, что отсутствие четких норм о добровольном отказе в IPC ведет к противоречивой практике. Предлагается внести поправки, закрепив: освобождение от ответственности при отказе до начала попытки; смягчение наказания при отказе после начала попытки, но до причинения вреда⁹⁴.

Добровольный отказ от преступления в индийском праве остается областью, регулируемой преимущественно прецедентами, светские суды игнорируют кармические аспекты, фокусируясь на фактических обстоятельствах дела. Несмотря на отсутствие прямых норм в IPC, суды последовательно применяют принцип смягчения ответственности при добровольном и своевременном отказе.

В Сингапуре, где уголовное законодательство отличается строгостью, данный институт выполняет не только превентивную, но и гуманистическую функцию. Согласно УК Сингапура, добровольный отказ от преступления регулируется разделом 24 (Section 24), который гласит: «Лицо, добровольно отказавшееся от совершения преступления до его завершения, не подлежит уголовной ответственности за это преступление»⁹⁵.

Ключевым условием является добровольность прекращения, то есть решение должно быть принято без внешнего принуждения или непреодолимых препятствий⁹⁶. Например, если преступник прекращает кражу из-за приближения полиции, это не считается добровольным отказом⁹⁷.

Уголовный кодекс Сингапура не разделяет стадии приготовления и покушения при применении разд. 24. Отказ на любой стадии влечет освобождение от ответственности, если действия не образуют окончательного состава иного преступления⁹⁸.

⁹¹ *Sanjay Dutt v. State of Maharashtra* (2018) // URL: <https://indiankanoon.org/doc/168694543/> (дата обращения: 11.03.2025).

⁹² *Pappu Khan v. State of Rajasthan* (2016) // URL: <https://indiankanoon.org/doc/105032259/> (дата обращения: 11.03.2025).

⁹³ Исполнительный орган, учрежденный распоряжением Правительства Индии. Функция Комиссии заключается в проведении исследований и консультировании правительства по вопросам правовой реформы, она состоит из экспертов-юристов и возглавляется судьей в отставке. Комиссия учреждается на определенный срок и работает в качестве консультативного органа при Министерстве права и юстиции.

⁹⁴ *Law Commission of India, 268th Report (2017) — Amendments to Criminal Law* // URL: <https://lawcommissionofindia.nic.in/reports/Report268.pdf> (дата обращения: 11.03.2025).

⁹⁵ *Penal Code (Singapore)*, Cap. 224, 2008 Rev. Ed. // URL: <https://sso.agc.gov.sg> (дата обращения: 15.03.2025).

⁹⁶ *Chan Wing Cheong. The Singapore Penal Code: A General Overview*, 2015. P. 45. URL: <https://www.nlb.gov.sg/>.

⁹⁷ *Public Prosecutor v. Koh Seah Wee* (2011) SGHC 123 // URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2011_SGHC_123 (дата обращения: 15.03.2025).

⁹⁸ *Hor M. Criminal Law in Singapore, 2021* // URL: <https://store.academy publishing.com.sg/>.

В последние годы сингапурские суды продолжают уточнять критерии добровольного отказа, уделяя особое внимание мотивам прекращения преступления и объективным доказательствам раскаяния. Рассмотрим ключевые примеры из современной практики.

Важным прецедентом стало дело *Tan Kiam Peng v. Public Prosecutor* (2007)⁹⁹, где суд уточнил, что для добровольности необходимо наличие свободы выбора. Если лицо могло продолжить преступление, но сознательно отказалось, это соответствует критериям разд. 24.

Сингапурские суды при оценке добровольности учитывают субъективные мотивы лица. В деле *Public Prosecutor v. Lim Poh Eng* (1995)¹⁰⁰ суд постановил, что отказ из страха разоблачения не является добровольным. Напротив, в *Ramesh s/o Krishnan v. Public Prosecutor* (2018)¹⁰¹ прекращение преступления из-за раскаяния было признано основанием для применения разд. 24.

В деле *Public Prosecutor v. Mohd Ariffan bin Mohd Hassan* (2021) SGCA 72¹⁰² обвиняемый был замешан в подготовке кражи, но отказался от ее совершения, утверждая, что «передумал из-за страха перед последствиями». Суд постановил, что страх перед наказанием не является достаточным основанием для добровольного отказа, если он не сопровождается искренним раскаянием. Решение подчеркнуло необходимость анализа внутренних мотивов лица, а не только внешних обстоятельств.

Дело *Public Prosecutor v. BVR* (2022) SGHC 45¹⁰³ касалось попытки мошенничества, обвиняемый прекратил действия после того, как жертва выразила подозрение. Суд отказался применять разд. 24, указав, что прекращение преступления из-за риска разоблачения не считается добровольным. Это решение подтвердило позицию, закрепленную в более ранних прецедентах, но добавило акцент на роли внешних факторов в оценке добровольности.

Впервые за последние годы суд рассмотрел добровольный отказ в контексте киберпреступлений в деле *Public Prosecutor v. Lee Chee Wei* (2023) SGCA 11¹⁰⁴. Обвиняемый начал хакерскую атаку, но остановился, осознав ее потенциальный вред. Суд признал отказ добровольным, так как прекращение было продиктовано моральными соображениями, а не внешними препятствиями. Это решение расширило применение разд. 24 на новые формы преступной деятельности.

В деле *Public Prosecutor v. Ng Xin Jie* (2020) SGDC 89¹⁰⁵ районный суд Сингапура подчеркнул, что активные действия по предотвращению вреда (например, возврат украденного) могут служить доказательством добровольности. Обвиняемый, укравший кошелек, вернул его владельцу до обращения в полицию. Суд освободил его от ответственности, сославшись на «искреннее раскаяние и восстановление статус-кво».

Основная сложность — доказывание добровольности. Как отмечено в исследовании Chen

⁹⁹ *Tan Kiam Peng v. Public Prosecutor* (2007) SGCA 38 // URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2007_SGCA_38 (дата обращения: 15.03.2025).

¹⁰⁰ *Public Prosecutor v. Lim Poh Eng* (1995) 2 SLR(R) 139 // URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/1995_SLRSLR_139 (дата обращения: 15.03.2025).

¹⁰¹ *Ramesh s/o Krishnan v. Public Prosecutor* (2018) SGCA 72 // URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2018_SGCA_72 (дата обращения: 15.03.2025).

¹⁰² *Public Prosecutor v. Mohd Ariffan bin Mohd Hassan* (2021) SGCA 72 // URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2021_SGCA_72 (дата обращения: 15.03.2025).

¹⁰³ *Public Prosecutor v. BVR* (2022) SGHC 45 // URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2022_SGHC_45 (дата обращения: 15.03.2025).

¹⁰⁴ *Public Prosecutor v. Lee Chee Wei* (2023) SGCA 11 // URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2023_SGCA_11 (дата обращения: 15.03.2025).

¹⁰⁵ *Public Prosecutor v. Ng Xin Jie* (2020) SGDC 89 // URL: <https://www.lawnet.sg/lawnet/web/lawnet/free-resources/case-summaries?page=4&query=Ng+Xin+Jie> (дата обращения: 15.03.2025).

Siyuan (2020)¹⁰⁶, суды часто требуют объективных подтверждений раскаяния (например, сообщение в полицию). Кроме того, отсутствие четких критериев оценки добровольности создает риск субъективной оценки.

Согласно анализу *Singapore Law Review* (2023)¹⁰⁷, современные суды всё чаще требуют доказательств позитивных шагов после отказа (например, сообщение о преступлении, помощь следствию). Это ужесточение связано с борьбой против злоупотреблений разделом 24 для ухода от ответственности.

Таким образом, проанализировав судебную практику, можно утверждать, что суды строго разделяют прекращение из-за раскаяния и из-за страха/риска; раздел 24 применяется к киберпреступлениям, если отказ обусловлен внутренними мотивами; возврат украденного, помощь следствию укрепляют позицию защиты.

Институт добровольного отказа в Сингапуре способствует снижению уровня преступности, предоставляя «путь назад» для правонарушителей. Однако его эффективность зависит от единообразия судебной практики и четкости законодательных формулировок.

В Малайзии добровольный отказ от преступления регулируется Уголовным кодексом, основанным на индийской модели¹⁰⁸. В УК Малайзии отсутствует отдельная статья, прямо регулирующая добровольный отказ. Однако его принципы выводятся из положений о попытке совершения преступления и неоконченных деяниях. Согласно разд. 511 УК Малайзии, попытка признается уголовно наказуемой, если действия

лица создают непосредственную угрозу для охраняемого законом объекта¹⁰⁹.

Добровольный отказ трактуется как исключение: если лицо добровольно и окончательно прекращает преступные действия до их завершения, оно освобождается от ответственности за попытку¹¹⁰. Основным условием является отсутствие внешних факторов, вынуждающих к отказу (например, вмешательство полиции).

Суды Малайзии при рассмотрении дел о добровольном отказе учитывают два критерия:

— добровольность: прекращение действий должно быть результатом свободного волеизъявления, а не страха перед разоблачением или препятствиями. Например, в деле *Public Prosecutor v. Ahmad bin Ismail* (2010) суд отказал в применении добровольного отказа, так как обвиняемый прекратил кражу из-за сработавшей сигнализации¹¹¹;

— окончательность: лицо должно полностью отказаться от преступного умысла, а не временно приостановить деятельность.

Суды Малайзии неоднократно рассматривали дела, связанные с добровольным отказом от преступления. Приведем ключевые прецеденты, иллюстрирующие применение этого института.

В деле *Public Prosecutor v. Rajendran a/l Letchumanan* (1998)¹¹² обвиняемый планировал совершить кражу со взломом, но прекратил действия, заметив приближение охранника. Суд постановил, что отказ не был добровольным, поскольку мотивом послужил страх перед задержанием. Это решение подтвердило, что пре-

¹⁰⁶ *Chen Siyuan*. Abandoning Crime in Singapore // *Singapore Journal of Legal Studies*, 2020. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/singapore-journal-of-legal-studies> (дата обращения: 15.03.2025).

¹⁰⁷ *Singapore Law Review*, Voluntary Abandonment in the Digital Age, 2023 // URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/singapore-journal-of-legal-studies> (дата обращения: 15.03.2025).

¹⁰⁸ Legislation and Official Documents — Penal Code (Act 574). Malaysia, 1936 // URL: <https://www.agc.gov.my/agl/overview?title=penal-code&year=1936> (дата обращения: 15.03.2025).

¹⁰⁹ Penal Code (Act 574). Malaysia, 1936.

¹¹⁰ Mohd. Isa bin Haji Ahmad. Principles of Malaysian Criminal Law. Sweet & Maxwell Asia, 2018. URL: <https://store.sweetandmaxwell.com.my> (дата обращения: 20.03.2025).

¹¹¹ *Public Prosecutor v. Ahmad bin Ismail* (2010) 1 LNS 1234 // URL: <https://www.mlj.com.my> (дата обращения: 20.03.2025).

¹¹² *Public Prosecutor v. Rajendran a/l Letchumanan* (1998) 5 MLJ 678 // URL: <https://www.mlj.com.my> (дата обращения: 20.03.2025).

кращение преступных действий под влиянием внешних факторов не подпадает под защиту добровольного отказа.

В деле *Public Prosecutor v. Lim Chin Chong (2015)*¹¹³ обвиняемый добровольно отказался от поджога здания после того, как осознал моральную неприемлемость своих действий. Суд учел, что прекращение произошло до начала активной фазы поджога (например, поджигания материалов), и освободил лицо от ответственности. Это решение подчеркнуло важность внутреннего мотива как критерия добровольности.

В деле *Saminathan a/l Rengasamy v. Public Prosecutor (2019)*¹¹⁴ обвиняемый приобрел оружие для совершения убийства, но позднее передумал и уничтожил его. Судья отметил, что приготовительные действия не образуют попытки в смысле разд. 511 УК, а добровольный отказ на этой стадии исключает уголовную ответственность.

В деле *Public Prosecutor v. Mohd Farid bin Jamil (2020)*¹¹⁵ один из участников группы, планировавшей ограбление, отказался от участия за несколько часов до преступления и предупредил полицию. Суд признал его действия добровольным отказом, освободив от ответственности несмотря на то, что остальные участники были осуждены.

Анализ дел выявляет противоречия в трактовке добровольного отказа:

— субъективность критериев: в деле *Khor Chong Lee v. Public Prosecutor (2017)*¹¹⁶ суд отказал в применении института, посчитав, что обвиняемый прекратил изнасилование из-за сопротивления жертвы, а не по внутреннему

убеждению. Это решение вызвало дискуссии о необходимости четких стандартов оценки мотивов;

— стадия совершения преступления: в ряде дел, в частности *Public Prosecutor v. Tan Kok Meng (2016)*¹¹⁷, суды по-разному определяли момент, после которого отказ становится невозможным (например, после зажжения спички в случае поджога).

Добровольный отказ в Малайзии остается доктринальной конструкцией, применяемой судами на основе интерпретации разделов о попытке. Его успешное применение требует доказательств добровольности и окончательности прекращения преступления.

Судебная практика Малайзии демонстрирует, что добровольный отказ остается сложным для доказывания институтом. Ключевые факторы — добровольность, окончательность и стадия преступления. Институт добровольного отказа в Малайзии близок к индийской модели (разд. 511 УК Индии), однако, в отличие от Сингапура, где отказ явно упомянут в комментариях к Закону, малайзийские суды чаще опираются на прецеденты. Для снижения субъективизма целесообразно закрепить в УК четкие критерии, аналогичные сингапурской модели¹¹⁸.

Условия добровольного отказа от преступления в мусульманском, иудейском и индуистском праве

Мусульманское право: жестко разделяет категории преступлений. В хууд-делах (тяжкие преступления) даже добровольный отказ не

¹¹³ *Public Prosecutor v. Lim Chin Chong (2015)* 1 LNS 1456 // URL: <https://www.cljlaw.com> (дата обращения: 20.03.2025).

¹¹⁴ *Saminathan a/l Rengasamy v. Public Prosecutor (2019)* 6 CLJ 321 // URL: <https://www.cljlaw.com> (дата обращения: 20.03.2025).

¹¹⁵ *Public Prosecutor v. Mohd Farid bin Jamil (2020)* MLJU 1123 // URL: <https://www.mlj.com.my> (дата обращения: 20.03.2025).

¹¹⁶ *Khor Chong Lee v. Public Prosecutor (2017)* 2 MLJ 890 // URL: <https://www.mlj.com.my> (дата обращения: 20.03.2025).

¹¹⁷ *Public Prosecutor v. Tan Kok Meng (2016)* 3 MLJ 432 // URL: <https://www.mlj.com.my> (дата обращения: 20.03.2025).

¹¹⁸ *Stanley Yeo. Criminal Law in Malaysia and Singapore. LexisNexis, 2020. P. 112. URL: https://store.lexisnexis.com.my* (дата обращения: 20.03.2025).

Таблица 3

Сравнительная таблица условий добровольного отказа

Критерий	Мусульманское право	Иудейское право	Индуистское право
Доктринальная основа	Тауба (раскаяние) в рамках фикха; разделение на худуд, кисас, тазир	Тшува (раскаяние), включающая прекращение деяния, сожаление, исповедь и исправление ¹¹⁹	Дхарма (моральный долг) и карма (последствия действий)
Добровольность	Решение должно быть свободным, не вызванным страхом разоблачения или внешними препятствиями	Отказ считается добровольным, если мотивом выступает раскаяние, а не внешние факторы (например, дождь при поджоге)	Важен внутренний мотив (искренность раскаяния), а не внешние обстоятельства
Стадии отказа	Худуд: отказ до начала исполнения преступления. После начала наказание не отменяется. Тазир: отказ допустим даже на стадии покушения	Подготовка: отказ не-наказуем. Покушение: смягчение наказания при раскаянии	Подготовка: отказ исключает ответственность. Покушение: смягчение наказания
Правовые последствия	Худуд: ответственность сохраняется. Тазир: освобождение или смягчение наказания	Освобождение от штрафа (например, двойного возмещения), но обязанность компенсировать ущерб	Освобождение от ответственности на стадии подготовки; смягчение наказания при покушении
Роль возмещения вреда	В тазир-делах возмещение вреда (например, возврат украденного) обязательно для освобождения	Возврат краденого до суда — обязательное условие для смягчения наказания	Активные действия по исправлению вреда (например, спасение жертвы) смягчают вину
Примеры из практики	Дело № 2021/77 (ОАЭ): отказ от контрабанды наркотиков → освобождение от ответственности ¹²⁰ . Дело о краже (Сауд, Аравия, 2019): отказ из-за страха → замена худуд на тазир ¹²¹	Дело о поджоге (Талмуд, Бава Кама 62а): потушил огонь → освобождение от штрафа ¹²² . Дело о мошенничестве (Иерусалим, 2018): возмещение ущерба → отмена дополнительных санкций ¹²³	Дело Rajiv Singh (2021): отказ от убийства и помощь жертве → переквалификация покушения ¹²⁴ . Дело Mohd. Arif (2011): сообщение о террористическом заговоре → освобождение от ответственности ¹²⁵

спасает от наказания, тогда как в тазир (менее тяжкие) раскаяние и возмещение вреда играют ключевую роль.

Иудейское право: акцент на этическом аспекте — раскаяние (тшува) должно быть подкреплено действиями. В случае убийства покаяние

не отменяет смертной казни (Мишне Тора, Законы убийц 4:5).

Индуистское право: отсутствие кодифицированных норм компенсируется судебным усмотрением, где учитываются намерения и кармические последствия.

¹¹⁹ Edelman D. Halakha: Jewish Law in the Modern Era. Tel Aviv : Open University Press, 2012. P. 89.

¹²⁰ 2021 يونس لى اتارام الى اراضى لى ريرقت

¹²¹ طبارلا لدعلا قرازول لى نورتك لى ابوالا // «٢٢/٤٣ مقرر مكرم المة كم كم حمارق». لى دعوس لى لدعلا قرازو

¹²² א ב"ס אמק אבב תכסמ, ילבב דומלת

¹²³ מיינברה וידה יתב וויכרא // מילשוריב ינברה וידה תיב לש 245/2018 סמ הטלחה

¹²⁴ Rajiv Singh @ Raju v. State of Uttarakhand (2021).

¹²⁵ Mohd. Arif @ Ashfaq v. State (NCT of Delhi) (2011).

Заключение

Одним из ключевых противоречий, выявленных в ходе исследования, является дихотомия между гуманистическими принципами раскаяния (тшува, тауба) и репрессивными нормами, сохраняющимися в религиозно-правовых системах. Это напряжение особенно ярко проявляется в мусульманском и иудейском праве, где этические идеалы сталкиваются с жесткими догмами, укорененными в сакральных текстах.

1. Иудейское право:

тшува vs неотвратимость наказания

Хотя институт тшувы провозглашает приоритет духовного исправления над наказанием, его применение ограничено рамками Галахи. Например, в случае умышленного убийства даже искреннее раскаяние не отменяет смертной казни (Мишне Тора, Законы убийц 4:5). Это создает парадокс: с одной стороны, иудаизм призывает к милосердию («Милосердие побеждает суд» — Талмуд, Санхедрин 6б), с другой — требует неукоснительного соблюдения принципа «око за око» (Исход 21:24).

Гуманизация через тшуву носит избирательный характер, применяется преимущественно к имущественным преступлениям, но игнорируется в делах, затрагивающих «священные» ценности. Это ставит под вопрос универсальность этических принципов иудейского права.

2. Мусульманское право:

тауба vs незыблемость худуд

В мусульманском праве тауба (раскаяние) рассматривается как путь к прощению Аллаха, но ее юридические последствия зависят от категории преступления. Если в тазир-делах (например, мошенничество) раскаяние ведет к освобождению от наказания, то в худуд (кража, прелюбодеяние) даже искренний отказ не отме-

няет применения жестких санкций (например, отсечение руки за кражу).

Дуализм мусульманского права — противоречие между милосердием и репрессией — отражает глубокий конфликт между модернизацией и традиционализмом. Реформы, подобные саудовскому «Видению 2030», смягчают практику, но не меняют доктринальных основ, что ведет к правовой неопределенности¹²⁶.

3. Индуистское право:

дхарма vs кастовая иерархия

В индуистской традиции дхарма (долг) призывает к справедливости, однако исторически нормы дхармашастр закрепляли кастовые привилегии. Например, «Ману-смрити» (VIII: 270–272) предписывает более мягкие наказания для высших каст, что противоречит универсальному принципу равенства перед законом.

Пример противоречия: в современной Индии, несмотря на отмену кастовой дискриминации, суды в сельских районах нередко учитывают кастовую принадлежность при оценке искренности раскаяния¹²⁷.

Апелляция к дхарме как к этическому идеалу маскирует системные социальные неравенства, укорененные в традиционном праве. Это снижает потенциал гуманизации, особенно в контексте маргинализированных групп (таблица 4).

Противоречия между гуманизацией и репрессивностью коренятся в дуализме религиозного права, которое одновременно стремится: к сохранению сакральности — через незыблемость наказаний, предписанных священными текстами; адаптации к изменяющимся реалиям — через институты раскаяния и примирения.

Как отмечает Р. Давид, религиозно-правовые системы «застывают между прошлым и будущим, пытаясь совместить божественный закон с человеческими слабостями»¹²⁸. Это порождает «правовой шизофренизм»: суды вынуждены

¹²⁶ Al-Saud M. Legal Reforms under Vision 2030. Riyadh : King Faisal Center, 2021. P. 77.

¹²⁷ Индийский отчет о кастовой дискриминации // NCRB, 2022. URL: <https://ncrb.gov.in> (дата обращения: 20.03.2025).

¹²⁸ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М. : Международные отношения, 2019. С. 89.

Таблица 4

Сравнительный анализ противоречий

Аспект	Иудейское право	Мусульманское право	Индуистское право
Источник противоречия	Конфликт между этикой тшувы и буквой закона	Противостояние реформ (тазир) и традиции (худуд)	Противоречие между универсальной дхармой и кастовой дискриминацией
Социальные последствия	Сегрегация в применении милосердия (например, к гражданам vs неевреям)	Маргинализация женщин в делах о прелюбоддеянии (худуд) ¹²⁹	Сохранение кастовых предрассудков в судебной практике
Современные вызовы	Давление светских судов на раввинские бейт-дины	Конфликт с международными стандартами прав человека (например, запрет пыток) ¹³⁰	Проблема имплементации конституционного равенства в традиционных общинах

балансировать между архаичными нормами и требованиями современного общества, что ведет к непоследовательности решений.

Противоречия между гуманизацией и репрессивностью в религиозно-правовых системах

не являются непреодолимыми. Их разрешение требует не отказа от традиций, но их творческого переосмысления в контексте универсальных ценностей человеческого достоинства и справедливости.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. — М. : Международные отношения, 2019. — 456 с.
2. Al-Saud M. Legal Reforms under Vision 2030. — Riyadh : King Faisal Center, 2021.
3. Chan Wing Cheong. The Singapore Penal Code : A General Overview (2015).
4. Chen Siyuan. Abandoning Crime in Singapore // Singapore Journal of Legal Studies. — 2020. — P. 45–67.
5. Edelman D. Halakha: Jewish Law in the Modern Era. — Tel Aviv : Open University Press, 2012.
6. Enker A. Criminal Law in Israel (2016).
7. Hor M. Criminal Law in Singapore (2021).
8. Peters R. Crime and Punishment in Islamic Law. — Cambridge : Cambridge University Press, 2005.
9. Stanley Yeo. Criminal Law in Malaysia and Singapore. — LexisNexis, 2020.
10. Vogel F. E. Islamic Law and Legal System : Studies of Saudi Arabia. — Leiden : Brill, 2000.
11. 305. ص. 2005، ركفلا راد: توريب — ي. امال سإل ا هقفل ا يف ةيئانجل ةيلوؤس مل ا. ةبهو، يلي حلزل.
12. 2020، ةيدوعس ل ا ةيميداكأل رشنل راد: ضايرل ا — ةيدوعس ل ا يف ثيدحل نوناقلاو ةعيرشل ا. حل اص، هيقفل ا.
13. 750. ص. 1997، ةيكلمل ا ةبتكلمل رشنل راد: ةيدوعس ل ا. — ح. حص ل ا عم ا ل ا. دم حم، يراخبل ا.

Материал поступил в редакцию 7 апреля 2025 г.

¹²⁹ Human Rights Watch. Women and Hudud in Saudi Arabia. 2021 // URL: <https://www.hrw.org/reports/saudi-arabia-women-hudud-2021> (дата обращения: 25.03.2025).

¹³⁰ Доклад ООН о пытках в исламских странах. 2023 // URL: <https://www.ohchr.org> (дата обращения: 25.03.2025).

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti / per. s fr. V. A. Tumanova. — M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2019. — 456 s.
2. Al-Saud M. Legal Reforms under Vision 2030. — Riyadh: King Faisal Center, 2021.
3. Chan Wing Cheong. The Singapore Penal Code: A General Overview (2015).
4. Chen Siyuan. Abandoning Crime in Singapore // Singapore Journal of Legal Studies. — 2020. — P. 45–67.
5. Edelman D. Halakha: Jewish Law in the Modern Era. — Tel Aviv: Open University Press, 2012.
6. Enker A. Criminal Law in Israel (2016).
7. Hor M. Criminal Law in Singapore (2021).
8. Peters R. Crime and Punishment in Islamic Law. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
9. Stanley Yeo. Criminal Law in Malaysia and Singapore. — LexisNexis, 2020.
10. Vogel F. E. Islamic Law and Legal System: Studies of Saudi Arabia. — Leiden: Brill, 2000.
11. 305. ص. ركفل راد: توريب — يمالسلال هقفلال يف ةيئانجلال ةيلوؤسملال. ةبهو، يليلحلل.
12. ةيدوعسلال ةيملكألال رشنل راد: ضايرل — ةيدوعسلال يف ةيدلحلال نوناقلال ةعيرشلال. حلص، هيقفلال.
13. 750. ص. ةيلملكلال ةبتكملال رشنل راد: ةيدوعسلال. — حلصلل اعاملال. دمحم، يراخلال.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

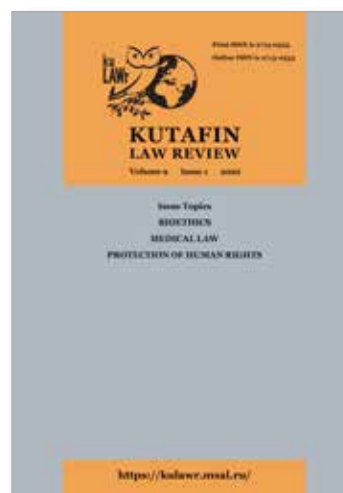
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 12 (181) декабрь 2025

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 194-1471

9 771994 147002